

*"A complex, satisfying
fantasy novel from an
author who may command
a large genre following
very soon."*
—KIRKUS REVIEW

ROB J. HAYES

THE COLOR OF
VENGEANCE

THE TIES THAT BIND

II

Когда он очнулся в первый раз, всё тут же стало размытым от боли и громких звуков, которые причиняли ещё больше боли. Болела каждая частичка тела, за исключением тех, которые онемели — им было ещё хуже. Потом раздался стук. Постоянный ритмичный *тук-тук-тук*, который, казалось, идёт отовсюду и из ниоткуда. Стук совпадал с пульсацией в его голове и становился таким громким, что ему хотелось закричать, но Чёрный Шип не из тех, кто вслух выражает свои неудобства. Вместо этого он предпочёл мужественно вырубиться.

Тук-тук-тук.

Когда он очнулся во второй раз, всё стало только хуже. Лицо, казалось, воспалилось и занемело. Грудь стянуло и сдавило. Было больно дышать, и он мог лишь с хрипом втягивать крошечные порции воздуха. Стук никуда не делся и по-прежнему шёл отовсюду и из ниоткуда. Бетриму показалось, что он слышит голос, холодный и методичный, но сил посмотреть, откуда тот идёт, не нашлось, и вместо этого снова он провалился в бессознательность.

Тук-тук-тук.

Когда он очнулся в третий раз, что-то изменилось. Он не сразу понял, что снова может видеть. Кругом стояла тьма. Такая тьма, в которой ничего не видно. Темнее чёрного. Но теперь откуда-то шёл свет, небольшой, всего лишь слабое свечение, но всё равно Бетрим уже мог видеть. Проблема заключалась в том, что смотреть было не на что. Лишь бугристая каменная стена, которая, скорее всего, вела к потолку... А ещё его нос — теперь, когда Бетрим на нём сфокусировался, тот казался чертовски большим, словно гигантская, кривая башня. Странновато, но следовало признать, что в этой ситуации ничего не было нормальным.

Стук ещё продолжался, но уже не совпадал с пульсацией в его голове. Бетрим издал усталый стон и попытался сесть. Оказалось, он не мог пошевелиться. Он чувствовал, как его ослабшие мышцы напрягаются, но ничто не двигалось. Он пошевелил пальцами. Всеми восемью — и уже прошло много времени с тех пор, как перестали чесаться два отсутствующих на левой руке. Похоже, он лежал на чём-то жёстком, похожем на камень, грубом на ощупь и холодном. Он пошевелил пальцами ног. Всеми девятью — похоже, сапог на нём не было. Попытался пошевелить ногами и лишь ощутил сопротивление — что-то его держало.

Бетрим медленно попробовал поднять голову, но и она, похоже, была зафиксирована. Он чувствовал, как что-то давит на лоб, но затылок лежал не на камне — под головой ощущалась подушка.

— Привет, — постарался сказать Бетрим, но изо рта донёсся лишь жёсткий болезненный хрип, который обжёг горло и заставил его хватать воздух. Довольно скоро он решил снова отправиться в забвение.

Тук-тук-тук.

Бетрим спал. Он знал, что спит — было такое странное ощущение, что всё в порядке, несмотря на то, что произошло. Он сражался с кем-то; с арбитром. Похоже, нынче эти

чёртовы охотники на ведьм могли вторгаться даже в его сны. Только этого арбитра он знал. Имя проявилось откуда-то. Кессик.

Тук-тук-тук.

Бетрим наблюдал откуда-то сверху, как арбитр Кессик ударил Чёрного Шипа, и, судя по виду, сломал ему челюсть. Потом охотник на ведьм заговорил, да вот только ни звука не раздалось. Бетрим видел, как шевелятся губы арбитра, но ничего не было слышно. А потом Чёрный Шип напал, бросился на арбитра. Бетрим видел, насколько это бесполезно. Чёрный Шип ещё не протрезвел, и от боли в голове всё время шурился, несмотря на темноту. Его движения были медленными, неуклюжими и слишком очевидными. Кессику не составило труда отбить кинжал — как с пьяного ботинки стащить.

Тук-тук-тук.

Кессик снова заговорил, его тонкие губы шевелились на симпатичном лице. Бетрима никогда красавчиком не называли, но этого арбитра называли, несомненно. Его подбородок был сильным и гладко выбритым, скулы резкими и симметричными. Глаза как лазурные кристаллы, холодные как лёд. Волосы цвета дорогого дуба были коротко и аккуратно пострижены.

Тук-тук-тук.

Бетрим наблюдал, как Кессик снова и снова вонзал нож в Чёрного Шипа. Бетрим решил, что это, должно быть, больно. Определённо выглядело, что Чёрному Шипу больно.

Тук-тук-тук.

Когда Кессик отпустил Чёрного Шипа, наёмник упал и тяжело ударился оземь. Не шевелился, только тарачился в ночное небо и сильно истекал кровью. Настолько тёмно-красной кровью, что она казалась чёрной. Бетрим смотрел и смотрел, как Чёрный Шип, один из самых знаменитых и страшных людей во всех Диких Землях, лежал и умирал на улицах Сарта. А красавчик-арбитр протянул руку и вырвал у него глаз.

Тук-тук-тук.

Бетрим проснулся с хриплым криком. Судя по звуку, крик был его собственным, и он был полон страха. Впрочем, Чёрный Шип ничего не боялся, и Бетрим не собирался выказывать, что на самом деле это ложь. Он успокоился и огляделся, во всяком случае, насколько позволяла плотно привязанная голова.

Сверху не было видно ничего, кроме камней. Справа уголком глаза он видел чёрную стену с единственным догорающим оранжевым факелом. Голодные языки пламени лизали стену, но гореть там было нечему. Всё что удавалось разглядеть слева — это гигантский нос, вздымавшийся от его лица.

С поднимающимся чувством, которое большинство людей назвало бы ужасом, Бетрим закрыл левый глаз. Никаких изменений. Он снова открыл его и закрыл правый глаз. Мир погрузился во тьму. Он повторил процесс ещё раз, чтобы убедиться наверняка, и издал долгий содрогающийся выдох. Левого глаза не было. Арбитр Кессик забрал его, вырвал из глазницы, оставив Бетрима наполовину слепым.

Тук-тук-тук.

Бетриму казалось, что всё самое плохое в жизни случилось с его левой частью. На левой руке не хватало двух пальцев. Арбитр номер четыре оставил большой ожог на левой стороне лица. А теперь, вдобавок к ожогу, ещё и пустая глазница. Бетрим Шип^[1] никогда не претендовал на звание красавчика, но, похоже, теперь он выглядел, как полная развалина.

По крайней мере, челюсть не сильно болела. Она занемела и немного щёлкнула, когда

он ею пошевелил, но вроде по большей части была вылечена. Впрочем, сам собой всплыл новый вопрос. Кто его вылечил?

Бетрим был не понаслышке знаком с ранами, как и со смертями, и считал, что от четырёх ножевых в грудь он должен был копыта отбросить. Он знал это и, истекая кровью на улицах Сарта, чувствовал, что умирает. Но кто-то забрал его, не дал откинуться и залатал. А теперь, похоже, этот кто-то привязал его к какой-то каменной плите, и до сих пор не представился.

Тук-тук-тук.

По правде говоря, у Бетрима было мерзкое чувство, что он знал, кто его привязал. В прошлом он уже видел, как людей удерживали в живых после того, как те должны были умереть. По правде говоря, Бетрим был почти уверен, что он — узник Инквизиции, и это не предвещало ничего хорошего человеку, печально известному убийствами арбитров. Стук так и не останавливался. Эти звуки наполняли явь Бетрима и даже просачивались в его сны. Постоянная, размеренная пульсация наполняла его кошмары, никогда не прекращаясь, не ослабевая, пока он не просыпался, только чтобы услышать тот же ритм, побуждавший в нём желание двигаться, желание освободиться.

Тук-тук-тук.

Всякий раз, как он просыпался, он боролся, напрягал все мышцы, сражался с державшими его путами и пытался освободиться. И всегда быстро уставал. В прошлом, до Сарта, в Диких Землях, Бетрим и не думал, что может так устать, так истощиться, что не сможет бодрствовать. Как бы он ни сопротивлялся, сон наваливался на него, хотя никогда не длился долго. Особенно с этими кошмарами. Особенно с этим постоянным *тук-тук-тук*.

Он знал, что кто-то наблюдал за ним, пока он спал. По правде говоря, Бетрим не знал, сколько он уже тут, но он был всё ещё жив и уверен, что не ел и не пил при этом ничего, по крайней мере, пока был в сознании. А ещё кто-то его чистил — об этом говорило отсутствие вони. Не в первый раз Бетрим оказывался голым и без сознания перед незнакомыми людьми, но впервые оказался голым, без сознания и привязанным к каменной плите.

Тук-тук-тук.

Его мир сузился до смутных скучных часов бодрствования и мучительных кошмаров о Кессике, пронзающем его ножом и вырывающем его глаз. Снов о симпатичном лице арбитра, пристально смотрящем на него.

По правде говоря, Бетрим не знал точно, сколько он уже здесь, где бы это ни было. По правде говоря, Бетрим точно знал лишь две вещи: ему надо освободиться, а ещё надо найти и убить Кессика.

Тук-тук-тук.

Сузку

— Мне, эта, контрактик бы прикупить, — сказал мужчина, желающий купить контракт.

— Разумеется. Желаете выбрать сами? — ответил старейшина.

— Да просто дай мне лучшего, — сказал мужчина, ухмыляясь. Он был не высоким, не низким. С виду симпатичный — Перн не сомневался, женщинам такие нравятся. Здесь, в Диких Землях для таких было название — чистокровный. Мужчина выглядел, как

чистокровный.

— Лучший стоит очень дорого. Мы продаём лишь контракты с суммами, кратными десяти, — сказал старейшина. Очевидно, клиент ему не очень нравился. Чистокровные славились богатством, которого хватило бы на оплату контракта, но старейшина испытывал ресурсы клиента.

Клиент уставился на старейшину и ухмыльнулся — мерзко изогнул уголок рта в ухмылке хищника. Перн был хорош, и более чем хорош. Перн был лучшим, но что-то в клиенте кричало об угрозе. Возможно, кружащаяся оранжевая аура, окутавшая мужчину, словно языки пламени. Перн давно понял, что оранжевый — это цвет насилия.

— Да есть у меня бабло, старикан. Хватит на все твои контракты. Но штука в том, что мне нужен один, и мне нужен лучший.

Старейшина скользнул взглядом с клиента на пятерых охранников, стоявших за его спиной, а потом снова на клиента. Потом старейшина повернулся к Перну и жестом пригласил его выйти вперёд. Перн подчинился без вопросов.

— Это хаарин Перн Сузку. Он самый совершенный хаарин из тех, кто в настоящее время не заключил контракт. Я...

— Ты лучший? — спросил клиент Перна. Перн не ответил.

— Он лучший, — ответил старейшина.

— Да я тя вроде не спрашивал, старикан. Итак, хаарин Перн Сузку, хочу от ты услышать. Ты лучший?

Клиент поменял положение ног. Перн видел такое раньше. Несмотря на прекрасную одежду — ярко-красную рубашку, коричневые ботинки с мягкой подошвой, деревянную серьгу — он был воином.

В раннем возрасте Перн понял, что всё дело в том, как люди себя держат. У простых людей есть чувство покорности. Они тяжело ходят, много вздыхают, стоят, бесполезно свесив руки по бокам, сгорбив плечи. У учёных и грамотеев, таких как старейшины, есть аура милосердия и миролюбия. Они стоят, разведя руки, и всегда готовы улыбнуться. Знать, чистокровные — совсем другого сорта. Они двигаются беспечно, стоят высокомерно, говорят самонадеянно. А воины держат себя совсем не так, как остальные. В них есть готовность, словно они всегда могут в любой миг броситься в схватку. Их плечи расправлены, а глаза всегда ищут цель, как у охотника. Судя по тому, как держал себя клиент, он был воином, и к тому же отличным.

— Хааринам не платят за мнения, — снова заговорил старейшина. — Им платят, чтобы защищать.

— А-а, — сказал клиент, — а чё если я прикажу ему иметь мнение?

— Хаарины не рабы...

— Как по мне, так разница небольшая. Тока обычно рабам не дают меч. — Клиент уже даже не смотрел на старейшину, его глаза сфокусировались на Перне. — К тому ж, безоружных у меня полно. Нужен кто-то, кто прикроет мне спину, порежет на кусочки если придётся. Ты такой?

Старейшина заговорил, но Перн перебил его.

— Я лучший из тех, кого клан может предоставить в настоящее время.

Клиент сплюнул на пыльную землю.

— Чё, думаешь, справишься со мной?

Вопрос был бессмысленным для Перна, но он сохранял нейтральное выражение.

— Если вы приобретёте контракт у клана, такая ситуация никогда не возникнет.

Клиент ухмыльнулся и посмотрел на других хааринов. Ещё шестеро стояло там, полностью обученных и не связанных контрактом. Была Джейд, на вид симпатичнее, и почти такая же опытная, как Перн, но не такая сильная. Возможно, она подошла бы клиенту лучше, но ни один хаарин не станет спать с клиентом клана, и Перн догадывался, что клиент это знал. Коул был больше, сильнее, и почти такой же выносливый, но в детстве он получил удар по голове, и с тех пор ему не доставало умственных способностей, хотя он и оставался более чем способным хаарином. Фейл подошла бы только определённого типу клиентов: она была сильной и гибкой, но Перн в своей жизни не видел женщины уродливее. А этот клиент, очевидно, хотел бы, чтобы любая женщина у него в услужении была красивой.

— На десять лет, и чтоб можно было продлить контракт, — сказал клиент с ухмылкой.

— Такой возможности нет, — мрачно сказал старейшина. — Можете купить контракт на десять лет, а по его окончании заключить новый.

Перн стоял прямо, будто копьё проглотил, с намокшим от пота лбом, под жарящим полуденным солнцем, и ждал, когда начнётся торговля. Новые клиенты всегда пытались торговаться о цене.

— Значит, десятилетний контракт с этим вот. Сколько? — с ухмылкой спросил клиент.

— Четыреста тысяч золотых монет в валюте Диких Земель, — холодно глядя, сказал старейшина.

Клиент ухмыльнулся ещё шире.

— По рукам.

— Плата вперёд.

— Ага. А чё будет, если он помрёт раньше, чем через десять лет?

— Тогда контракт будет завершён.

— И мне понадобится новый...

Старейшина кивнул.

— Цена высока, но это цена за жизнь хаарина, которую он отдаст, чтобы защитить жизнь клиента. В какую цену вы бы оценили свою жизнь?

— Ага. Значит, будет прикрывать мне спину, хранить мои секреты. Блядь, самые дорогие телохранители в этой игре. — На миг ухмылка клиента испарилась. — Лучше б те того стоить, хаарин Перн Сузку.

Перн не ответил. Ответ и не требовался. Любой, кто мог себе позволить хаарина, знал, что цена того стоит. На чистокровных хаарины работали редко, но с другой стороны, этот клиент не хвалился связями ни с одним из девяти домов. И кроме того, если старейшина клана согласился на контракт, не дело Перна было спорить или раздумывать. Его задачей было служить клану, а это значило — защищать клиента любой ценой.

По взмаху клиента один из охранников ушёл и вернулся несколькими минутами спустя. С ним шло ещё несколько человек, тащивших четыре окованных железом сундука. Судя по выражениям лиц рабов, каждый сундук весил немало. Когда сундуки ставили, раздавался громкий звон монет.

— Ну чё, небось, пересчитать захотите? — спросил клиент с протяжным акцентом Диких Земель^[2]. Старейшина улыбнулся.

— Мы сделаем это позже. Если обнаружится какая-либо разница, мы вас проинформируем или вернём лишнее.

Клиент повернулся, чтобы уйти, а потом посмотрел через плечо. У него был резкий

профиль: острые черты лица с таким выражением, словно его постоянно что-то забавляло.

— Вы тут, небось, дохрена монет зашибаете, — сказал он. — Вот бы узнать, где вы храните столько бабла.

Старейшина улыбнулся, как если бы он улыбался глупому ребёнку.

— Клан хранит свои деньги в надёжном месте. Нет нужды беспокоиться.

— Да? Забавно. Никогда не видал надёжного места даже для одной золотой монеты, — клиент рассмеялся и пошёл прочь. По кивку старейшины Перн закинул свою котомку за плечо и последовал за клиентом на ближайšie десять лет.

На самом деле пожитков у Перна было немного. Таков путь хаарина. Лишь одни доспехи — вываренная кожа, поверх которой лёгкая кольчужная рубашка, а на ней простой белый табард, чтобы металл не слишком нагревался на солнце, и на голову бронзовый полушлем, завёрнутый в ткань. Его меч, как и у всех хааринов, всегда висел на боку. В котомке лежало немного еды, в основном солонина, большой бурдюк с водой, немного медицинских припасов на случай, если его ранят, и снаряжение для правильного ухода за доспехами и оружием. Личные вещи хаарину ни к чему, а клиент обязан обеспечивать его всем необходимым.

Один из воспитанников, мальчик по имени Тек, подбежал и попытался идти в ногу с Перном. Ноги у него были короткие, но Перн не замедлил шаг.

— Ты идёшь на контракт? — требовательно спросил мальчик.

— Да. Меня выбрали служить клану, — ответил Перн.

— Кажись, скорее ты выбрали служить мне, — сказал клиент, не оборачиваясь.

— Я служу клану, клан служит вам, я вас защищаю, — поправил Перн. Клиент фыркнул.

— Хотел бы и я пойти, — продолжал Тек. — Посмотреть на мир за лагерем.

— Ты слишком молод, — сказал Перн, хотя правда была куда суровей. Этого ребёнка никогда не выберут для контракта, поскольку он никогда не станет хаарином. Тек был слишком тощий и болезненный, и не смог бы выдержать тренировки хаарина. Всю свою жизнь он проведёт, служа клану иными путями. Здесь не было недостатка в работе для слабых и немощных.

Клиент рассмеялся:

— Мир снаружи — опасное место. Столько всякого говна соблазняет мужика. — Он обернулся и ухмыльнулся Теку. — Или пацана. Бьюсь об заклад, ты о домах удовольствий и не слышал, а? Ну, эт вроде борделя, тока дороже и обслуживает любые вкусы.

Парень выглядел обеспокоенным — он не знал, следует ли ему разговаривать с клиентом. Перн дважды похлопал его по плечу и кивнул в сторону лагеря.

— Иди, Тек. Увидимся через десять лет.

— Если только к тому времени я не буду на контракте, — сказал Тек и убежал. Перн немного посмотрел на него, а потом обернулся к клиенту. Мужчина уже не был впереди — он тихо замедлил шаг и теперь шёл рядом с Перном. Хаарин постарался скрыть свою тревогу по поводу того, что этот человек может двигаться так бесшумно.

— Ну а ты-то как, хаарин Перн Сузку? Тебя-то соблазнят блистательные виды и прекрасные дамочки моего города?

Перн смотрел прямо, и его лицо не выражало никаких эмоций.

— Я хаарин.

Клиент снова рассмеялся.

— Ага. Ну, я видал, как падают люди и повыше ты. Объездил все эти Дикие Земли

Убивал чистокровных лордов и головорезов безгроша за душой. Грабил и бедных и богатых. Ебал пиратских королей и двухгрошовых шлюх, и даже одну такую опасную мелкую сучку, что даже и ты вряд ли встречал. Взбирался на Око Бога и переплывал весь Йорл. Повсюду бывал, и чё тока не делал, да. Даже с Чёрным Шипом какое-то время шарился, и знаешь чё? Ты таких смертоносных сволочей никогда не видывал.

Перн не ответил. Ему и не требовалось. По контракту он должен был защищать жизнь клиента, а не тешить его эго. Вместо ответа он в последний раз глянул на лагерь. Посмотрел на то, что было его жилищем — маленькие хижины из дерева и шкур, выкрашенные в белый цвет, спасавший от жары дикого, безжалостного солнца. Посмотрел на большой поварской костёр в центре лагеря, где готовились все его трапезы. Почти все трапезы, что он съел за свою жизнь. Посмотрел на женщин, возвращавшихся с недалёкой речки с вёдрами воды, чтобы пополнить запасы общины. Перн никогда не знал свою мать. Его выбрали в хаарины в далёком детстве. Но вполне возможно, она до сих пор жила здесь, в лагере. Он посмотрел на гигантский скелет птицы каррок, висевший перед шатром шамана. Того шамана, который помог ему появиться на свет, шамана, который дал ему имя, того шамана, который решил, что Перн будет хаарином. Его жизнь пока ещё длилась не очень долго. Во время тренировок она была тяжёлой, но простой. И у хааринов, не связанных контрактом, она была скучной. Перн заметил, что раздумывает, какой его жизнь будет теперь, когда у него есть контракт, есть клиент.

— Да уж, старина Шустрый чё тока не делал, — по-прежнему разглагольствовал клиент, скорее обращаясь к себе, чем к Перну. — А теперь у старины Шустрого врагов не счесть, и каждый еблан знает, где меня найти. Так что, блядь, лучше б те стоять того состояния, которое я тока что за тя отвалил.

И снова Перн смотрел прямо, и его лицо не выражало никаких эмоций.

— Я хаарин.

Шип

Тук-тук-тук.

Он проснулся от тихого шороха, или может быть от шарканья. Сложно было понять из-за проклятого, непрерывного стука. Глаз Шипа резко раскрылся и осмотрел правую часть комнаты. Над ним стоял пожилой человек и тарачился на грудь Бетрима, бормоча себе под нос.

— Ой... ты проснулся, — старик вроде удивился. Бетрим лишь уставился на него единственным глазом. — Похоже, колотые раны заживают неплохо. Впечатляющая коллекция шрамов, позволь заметить. И сколько раз тебя ранили? — У него было приятное лицо, а голос ещё приятнее.

Бетрим ощутил тянущее чувство в голове, настоятельную необходимость ответить на вопрос.

— Слишком много, — попытался он сказать, но получилось лишь хрипкое рычание.

— А-а, прости. Минутку. — Старик исчез из поля зрения и вскоре вернулся с бурдюком. Выдавил немного воды в рот Бетриму. Шип никогда не пробовал ничего вкуснее. — Понемножку, — сказал старик. — А то захлебнёшься. Надо привыкнуть.

Он был прав. Бетрим проглотил ещё немного воды, и в конце концов выкашлял большую часть себе на лицо. Казалось, вечность прошла, пока ему снова удалось заговорить.

— Кто... ты? — прорычал он старику. Проблема заключалась в том, что сложно угрожать, когда ты голый привязан к столу.

— Меня зовут Озуэлл Филдс.

— Арбитр?

Старик немного помедлил и кивнул.

— Да, я арбитр.

— Отпусти. Меня, — прошипел Бетрим.

Арбитр Озуэлл Филдс вздохнул и покачал головой. Он был коротышкой, а рядом со стоящим Бетримом показался бы карликом. У него были седые волосы и сияющие голубые глаза. Лицо длинное, а кожа обвислая, будто у тощего человека, который когда-то был жирным. Короткие седые волосы, казалось, прорастали по всему его лицу — из носа, на подбородке, из ушей. Пока старик говорил, Бетрим обратил внимание на его зубы: в основном белые с коричневым налётом на некоторых, и двух вроде бы не хватало. Бетрим уже видел раньше такой цвет — арбитр покуривал травку кашер^[3].

— Боюсь, я не могу тебя отпустить, я всего лишь...

— Почему? — требовательно спросил Бетрим. В его единственном глазу бушевала ярость сильной бури.

— Потому что ты Чёрный Шип. — Старый арбитр вздохнул и сел на что-то, чего Бетриму было не видно. — Ты убил... сколько арбитров?

И снова Бетрим почувствовал тянущее чувство в голове.

— Шесть.

Лицо старого арбитра вытянулось, он толи вздрогнул, толи дыхание перехватило, решил Бетрим.

— Не думаю, что среди живых есть ещё кто-то, кто мог бы заявить такое. Боюсь, тебя обвинят в ереси. Сразу, как только тебе станет лучше — что, как мне кажется, будет довольно скоро. Не хочу рассказом портить финал, но я почти уверен, что тебя сожгут.

Бетриму захотелось потереть шрам от ожога на лице. Проблема заключалась в том, что его руки были привязаны к столу. Он всё равно попытался пошевелиться, и его левая рука сдвинулась — немного, совсем чуть-чуть.

— А что с моим помилованием? — спросил он старого арбитра. — Танкуил обещал мне помилование.

— Не уверен, что я знаю Танкуила, — смущённо сказал арбитр Озуэлл Филдс.

— Уф-ф. Арбитр Танкуил Даркхарт, — сказал Бетрим. Если удастся заставить этого человека найти Танкуила, то друг освободит его. Если, конечно, арбитр всё ещё считает Бетрима другом. Они расстались не в лучших отношениях. Чёрный Шип оставил Танкуила в крови и выплёвываящим зубы.

— Ох, ты, конечно, не знаешь. — Старый арбитр снял со своей шеи мешочек и достал из него небольшую глиняную трубку. Наполнил чашу трубки высушенной коричневой травой из того же мешочка, а потом встал, чтобы разжечь её от факела. — Арбитр Даркхарт обвинён в ереси и признан виновным, — сказал он, садясь назад и выдыхая облачко дыма.

— Чего? — Бетриму неодолимо захотелось что-нибудь ударить. Сильно.

— Да уж, за неудавшееся убийство инквизитора. Амбициозная затея, вот что я скажу.

— Неудавшееся?

— Да, — старый арбитр кивал в такт своим словам. — Он потерпел неудачу благодаря тому, кого ты знаешь, как мне кажется. Арбитр Кессик, человек, который принёс тебя сюда, прибыл как раз вовремя, чтобы спасти инквизитора Герон. В одну ночь схватил и тебя и арбитра Даркхарта. Настоящий герой. Думаю, сейчас он в Диких Землях, хотя точно не знаю. Этих бродячих арбитров так сложно отслеживать.

Теперь Бетриму хотелось закричать. Это всё его вина. Если бы он не был так чертовски пьян, если бы смог убить Кессика, как они и планировали, то Танкуил убил бы вероломную инквизиторшу и...

— Он мёртв? — спросил Бетрим.

— Кто?

— Танкуил. Арбитр Даркхарт.

— О да. Совершенно мёртв. Лишён титула и сожжён у столба за свои преступления. Предсказуемый конец для Даркхарта.

— А чё с Джеззет? — спросил Бетрим, чувствуя необходимость выяснить, выжил ли кто-нибудь из его друзей.

— Уф-ф...

Конечно старый арбитр не знает, кто такая Джеззет. Бетрим попробовал думать об арбитре, которого её послали убить.

— А Кош! Что с арбитром Кошем?

Старик кивнул, глубоко затянулся и выдул дым Бетриму в лицо.

— Да, кажется, припоминаю, что на арбитра Коша напали той же ночью. По-моему, женщина. Поднялся большой переполох, когда он убил её на улице. Мне говорили, среди прочего, что она была совершенно голой. — Арбитр хрипло хохотнул и в изумлении покачал головой.

Значит, это всё. Они умерли. Бетрим потерял двоих друзей и потерпел неудачу в сделке. По правде говоря, теперь Бетрим мог пересчитать оставшихся друзей по пальцам своей трёхпалой руки, и не сомневался, что тех пальцев будет лишку.

— Ебучие охотники на ведьм, — выплюнул Бетрим со всей злобой, которую мог собрать.

Лицо старика посуровело.

— Сомневаюсь, что это справедливо. Посоветую, чтобы ты как можно скорее предстал перед судом.

Бетрим напряг левую руку. Путы немного подались — не сильно, но этого могло хватить.

— Мой глаз... — сказал он, прежде чем старый арбитр ушёл.

— Его нет, — сухо сказал арбитр, всё его дружелюбие испарилось. — Вскоре это уже не будет иметь значения.

— Он чешется.

— Да. Такое бывает, — со вздохом сказал старый арбитр. — Утраченные части тела нередко чешутся. Я-то думал, что уж ты, как никто другой, должен это знать. — Очередной вздох. — Я посмотрю.

Старик выбил свою трубку на пол, положил её обратно в мешочек, а потом встал, прошаркал вокруг стола к левой стороне Бетрима, нагнулся и уставился ему в лицо. Неуютно было, когда кто-то так близко, так пристально таращится на тебя, а ты можешь видеть его лишь уголком глаза. Бетрим напряг левую руку. Он изо всех сил тянул, толкал, выворачивал,

выгибал, чтобы освободиться от пут.

— Вокруг глазницы воспаление. Я мог бы достать мазь, но... Ты умрёшь через несколько дней. Можешь потерпеть до тех пор?

Старый арбитр заметил, что рука Бетрима шевелится как раз тогда, когда она высвободилась из пут, оставив в них порядочную часть кожи.

Бетрим двигался медленнее, чем ему хотелось бы, медленнее, чем он был раньше. Его рука схватила запястье арбитра, как раз когда тот пытался отпрыгнуть. Бетрим тащил, а арбитр споткнулся и упал на узника. С яростным рыком Чёрный Шип обхватил шею арбитра некогда мясистой рукой и напруг её изо всех оставшихся сил, которых, к сожалению, осталось немного.

Ещё до того, как Кессик исколол его и вырвал глаз, до того, как он чёрт знает сколько провалялся привязанным к столу, Бетрим был сильным — не как некоторые, но всё равно достаточно. А теперь он чувствовал себя слабым, его руки устали и иссохли. Казалось, кости прижимались прямо к коже, а старик, которого он пытался задушить, неплохо сопротивлялся.

Бетрим знал, что хотя арбитры и не были самыми сильными, быстрыми или умелыми, зато они жульничали. В распоряжении этих ублюдков были все виды магии. При помощи молитв своему Богу они могли увеличивать силу и скорость, у них была куча заклинаний, чтобы прекратить похмелье или заставить человека забыть своё имя. У них были руны, способные воспламенить что угодно, а другие могли погрузить мир в холод и тьму. Однажды Бетрим видел даже, как арбитр одним словом заставил взорваться каменную стену. В убийствах арбитров хитрость заключалась в том, чтобы не дать им говорить — если уж не удалось пришить его до того, как он тебя заметил. С этой мыслью в голове Бетрим сдавливал шею старика изо всех сил, сжимал его горло и не давал молиться.

К тому времени, как арбитр обмяк, Бетрим уже устал, как никогда раньше. Он весь покрылся неприятным холодным потом, из-за чего, возможно, впервые в жизни, ему захотелось помыться в ванне. Он отпустил тело старика, и оно соскользнуло на пол — раздался треск, когда череп ударился об камень.

— Семь, — ухмыльнулся Бетрим и начал возиться трёхпалой рукой с путами, державшими пятипалую. Казалось, вечность прошла, пока узлы распутались и его рука освободилась, но времени остановиться и отдохнуть не было. Бетрим убрал путы с головы и впервые за чёрт знает сколько времени окинул своё тело долгим взглядом.

Он исхудал, это уж точно. Там, где раньше были здоровые и сильные мышцы, теперь остались лишь кости, кожа, да обвисшая плоть. На его груди выпирали четыре новых красных шрама. Неужели Кессик на самом деле столько раз ударил его? Если так и было, то чудо, что он выжил. Чёрный Шип был хорошо знаком с колотыми ранами — в своё время он и наносил их, и получал. Его старая подруга, Генри, как-то раз ударила его ножом во время секса, чтобы посмотреть, как он истекает кровью. Впрочем, четыре раза его никто раньше ножом не ударял. Похоже, ещё один повод заставить Кессика заплатить.

С ловкостью рыбы на берегу Бетрим развязал оставшиеся путы. Казалось, потребовалось чертовски много времени на то, чтобы освободиться. Он свесил ноги с каменной плиты и спрыгнул вниз, и тут же рухнул рядом с телом старого арбитра. Ногам понадобилось добрых несколько минут, прежде чем он нашёл в себе силы снова попытаться на них подняться. Так что Бетрим схватился за каменную плиту и отталкивался от пола, пока не удалось выпрямиться. Кости щёлкали, мышцы болели и дрожали, но приятно было снова стоять

прямо. Похоже, когда не имеешь возможности ходить, начинаешь скучать по ней, и Бетрим обнаружил, что немного пройтись более чем приятно.

В камере, где его держали, было особо не разгуляться. Может, десять футов на десять, с двумя факелами, светившими слабым оранжевым светом. В комнате была каменная плита, служившая столом, маленький деревянный стул, ещё один стол с множеством разнообразных лезвий и иголок, и каменная чаша, полная воды. Бетрим дошёл до чаши, сунул голову в холодную жидкость и основательно глотнул. Делал глоток за глотком, пока живот не раздулся. Потом нашёл удобный незанятый уголок и хорошенько поссал. Если честно, всю комнату провонял, зато почувствовал себя намного лучше.

Он вернулся к арбитру и раздел тело. Одежда был слишком маленькой, но Бетрим решил, что это лучше, чем ходить голым. На рубашке были пятна крови — она текла из арбитра, когда тот ударился головой об пол.

— Ебучие охотники на ведьм, — сказал Бетрим и плюнул на труп. Он бы ещё и пнул тело хорошенько, да вот только чувствовал себя слишком слабым для таких усилий.

Он обнаружил, что арбитраский плащ старика висит на крючке возле двери, и взял его. Плащ тоже был слишком мал, но если никто не будет вглядываться, то для исхудавшего тела Бетрима на какое-то время сойдёт. Он нашёл в кармане тяжёлую связку тёмных железных ключей и попытался открыть дверь. Вскоре он нашёл нужный ключ, быстро взглянул в коридор, выскользнул из комнаты и закрыл за собой дверь.

Первым делом он отметил, что стук прекратился. В тот миг, как дверь его камеры закрылась, он перестал слышать шум. Словно монотонный повторяющийся стук существовал исключительно внутри камеры. Бетрим слышал его уже так долго, что теперь почти заскучал по нему — словно этот шум стал обнадёживающей постоянной в его жизни. Эта мысль очень сильно разозлила Шипа, он развернулся, харкнул в дверь и зашагал прочь по коридору, не заботясь, куда тот ведёт, и куда он может вляпаться.

Чёрный камень стен, освещённый редкими факелами, тянулся перед Бетримом, покуда хватало глаз. Вроде как в конце коридора виднелся лестничный пролёт, но оказалось, что с такого расстояния сложно понять. Похоже, что отсутствие одного глаза означало, что он уже не мог видеть так далеко и так хорошо, как раньше. Не говоря уже о том, что ему приходилось сражаться с постоянным, всепоглощающим желанием потыкать в пустую глазницу.

Стены были грубыми, колкими на ощупь, и Бетриму хотелось бы прислониться и постоять, но ни к чему хорошему это бы не привело. Он хромал дальше в сторону того, что считал лестницей, почёсываясь от зуда в черепе. А потом он понял, что у него нет волос. Ублюдок-арбитр побрил его налысо. Бетриму это показалось серьёзным оскорблением. Они не только едва не убили его, а потом подлатали, только чтобы держать в плену, привязанным к столу, пока не решат наконец сжечь — им надо было ещё и голову ему побрить! Да, Чёрный Шип никогда не был в восторге от своей рыжей шевелюры — именно поэтому он красил волосы в чёрный цвет каждые несколько недель. Но намного меньше ему нравилось совсем без волос.

Так-то в лысине не было ничего плохого. По правде говоря, Бетрим знал многих лысых, и они вроде ничем не отличались от прочих. Некоторые были нормальными людьми, некоторые последними козлами, но всё равно, все были людьми. Проблема заключалась в том, что Бетриму нравились волосы — они хоть как-то скрывали лицо, что полезно, когда ты настолько уродлив и покрыт шрамами.

Он добрался до места, где могла быть лестница, и обнаружил там дверь в тёмном алькове. Повозившись с ключами, дверь удалось открыть, и за ней обнаружилась каменная винтовая лестница, ведущая наверх. На взгляд Бетрима, вверх — направление ничуть не хуже прочих, хотя он понятия не имел, где находится, под землёй или над ней.

К тому времени, как он добрался до верха лестницы, Бетрим уже задыхался от напряжения. Он склонился к большой деревянной двери, желая, чтобы у него остались волосы — впитать пот, который ручьём тёк по его лбу. По правде говоря, Бетрим неплохо заплатил бы за постель и возможность поспать в ней, но у него не было ни гроша за душой, ни времени на отдых. Надо было убираться как можно дальше отсюда, прежде чем кто-нибудь начнёт его искать.

Он попробовал восемь различных ключей, прежде чем один подошёл, и открыл дверь на самый яркий свет из всех, что он видел в жизни. Свет был повсюду, такой яркий, что слепил глаза; такой яркий, что от него было больно. Полуденное солнце светило в дверной проём и весь свой гнев направляло на единственный оставшийся глаз Бетрима. Он обнаружил, что щурится, обеими руками прикрывая глаза от солнца. Потом он вспомнил, что у него остался лишь один глаз, и убрал левую руку. Не было смысла прикрывать пустую глазницу, это лишь выставляло его дураком.

Глаза немного привыкли к свету, и Бетрим вытаращился за дверь, словно мышь из норы, испуганная тем, что может там обнаружить. И то, что он обнаружил, действительно его напугало. Перед ним располагался пыльный дворик, залитый ярким солнечным светом, и зданий там было больше, чем Бетрим мог сосчитать, то есть больше двадцати. Люди ходили туда-сюда, все казались занятыми, и больше половины носили плащи арбитров.

— Так и знал, блядь. Меня заперли прям посреди Инквизиции, — сказал Чёрный Шип себе под нос, и не ждал ответа.

Он глянул направо и увидел чёрную башню Инквизиции, вздымавшуюся в небеса, словно в попытке закрыть солнце. Зазубренные, чёрные шипы выступали из башни под странными углами. Это напомнило ему сверхъестественную тень, которую он видел в Хостграде. Сейчас казалось, что этому воспоминанию уже вечность. Танкуил одним приказом изгнал демона, но прежде тот уничтожил целый гарнизон солдат. А ещё закусил прежним боссом Шипа.

С некоторым усилием Бетрим принял бесстрастное выражение лица, которым славился, и шагнул из двери в слепящий свет.

На самом деле дверь была — одно название. Казалось, будто кто-то построил сарайку посреди внутреннего дворика. Пытаясь выглядеть по-деловому, насколько это было возможно, Бетрим повернулся, запер дверь, убрал ключи в карман и как можно плотнее затянул украденный плащ. Тот был сильно мал ему, но Бетрим надеялся, что его хватит, чтобы дурачить людей во дворике, пока он не сбежит.

Бетрим повернул налево и зашагал так быстро, как только позволяли трясущиеся ноги. Вдали он видел императорский дворец, вздымавшийся даже выше башни Инквизиции. Если идти в сторону дворца, то довольно скоро можно выйти к воротам, ведущим из города. Он никогда не переносил настолько раздражающих испытаний. До Бетрима дошло, что на нём нет обуви — у старого арбитра были маленькие ноги, его башмаки оказались слишком малы для Чёрного Шипа. В Диких Землях босой человек не вызвал бы удивления, но здесь, в Сарте, такой странности более чем достаточно, чтобы привлечь ненужное внимание.

Он шагал мимо групп арбитров, мимо наполненных арбитрами зданий, и даже мимо

человека, который выглядел, как инквизитор. Но Бетрим продолжал идти. Если бы он верил в каких-нибудь Богов, то начал бы уже молиться, но Чёрный Шип давно разучился верить во что угодно, кроме себя и денег. Причём в последнее он верил лишь потому, что при наличии достаточного количества денег выбраться можно из любой затруднительной ситуации. Бетрим глянул на всех окружавших его праведных охотников на ведьм и вынужден был признать, что вряд ли существовала сумма, которой хватило бы, чтобы выбраться из этой ситуации.

Когда он добрался до главных ворот Инквизиции, один из стражников в безукоризненном белом мундире кивнул.

— Арбитр, — слегка прошепелявил толстогубый стражник.

Бетрим проворчал что-то в ответ, но шага не замедлил. На миг его сердце ёкнуло, и он подумал, что стражник перекроет выход, но тот отошёл в сторону и позволил Бетриму спокойно пройти. И Бетрим оказался за стенами Инквизиции, в городе солнца, в Сарте.

Он знал эту улицу — много раз здесь бывал. Налево располагался магазин, в котором они с Танкуилом спорили о деньгах. Теперь, после того, как всё обернулось, тот спор казался глупым. Справа стояла таверна, в которой Чёрный Шип начал драку, чтобы их не узнали. А ещё чуть дальше справа переулок вёл на улицу, на которой Бетрим сражался с Кессиком. Странная, болезненная мысль пришла ему в голову — если пойти на ту улицу, не найдётся ли там его глаз, весь высохший и съёжившийся на солнце от жары.

Фыркнув от своей глупости, Бетрим сплюнул на улицу. Несколько человек с отвращением посмотрели на него, отвернулись и поспешили прочь. Спустя мгновение Бетрим понял, что это из-за его арбитражного плаща. С наводящей ужас ухмылкой Бетрим зашагал вперёд — ну, по правде говоря, он понятия не имел, куда идёт, лишь бы подальше от Инквизиции.

Пару часов спустя Бетрим понял, что совершенно заблудился. Он сидел на берегу одного из сотен каналов, которые текли по Сарту. Солнце отражалось от чистой воды, посылая во все стороны прозрачные лучи пронзительного света. По правде говоря, ему приятно было просто снова видеть свет, пусть даже и лишь одним глазом.

Бетрим свесил босые ноги в воду канала и пошевелил всеми девятью пальцами. Мелкая рыбка приплыла разведать, бросилась вперёд, куснула и уплыла прочь. Конечно, Чёрный Шип отлично знал, что в воде может скрываться не только мелкая рыба. Под поверхностью скрывались самые разные опасности, и даже здесь, где Бетрим видел дно канала, осторожность не помешала бы. Он как раз собирался вытащить ноги из воды и двигать дальше, пока ничего не вынырнуло из глубин и не сожрало его, как заметил, что за ним наблюдает довольно много народу. Люди отворачивались, когда он встречался с ними взглядом, но они на него смотрели, это точно. Возможно, они просто не видали арбитра с таким уродливым лицом, или арбитра, который макает ноги в голубые воды канала. В любом случае, из-за них Бетрим остался — Чёрный Шип никому и никогда не показывает свой страх.

Сзади раздался вежливый кашель, Бетрим повернул голову и увидел, что там стоял высокий человек учёного вида и смотрел на каменную мостовую перед собой. Он был средних лет, а его волосы и седели и редели. С виду неудачник, на взгляд Бетрима.

— Арбитр, не требуется ли вам какая-либо помощь...

Бетрим прищурился, взглянув на него.

— Вроде как я тебя не знаю.

— Я клерк Голген, арбитр, — сказал учёный человек с редкими волосёнками. Зубы у него были кривоватые, но зато все на месте.

— Ага, а я, видать, похож на того, кому нужна помощь...

— Нет... я... хм... я просто имел в виду...

Бетрим понял, что говорит со своим обычным акцентом Диких Земель. Арбитры-то обычно говорили превосходно, прямо как Танкуил.

— Ты, наверное... просто имел в виду... что немного странно видеть арбитра, сидящего возле канала, — сказал Бетрим, изо всех сил стараясь подражать сартскому акценту — и совершенно безуспешно.

Клерк казался смущённым и слегка встревоженным. Он глянул по сторонам в поисках поддержки. Бетрим решил, что лучше от него избавиться, пока он чего не заподозрил.

— Так получилось, что я... похоже... слегка заблудился. Не особо часто сюда приезжаю. Я... странствующий арбитр. — Бетрим вспомнил, что Танкуил так себя называл. — Ты знаешь, где... — Он помедлил, поняв, что если задаст клерку вопрос, то тем самым выдаст себя. — Я ищу... эта... доки, в общем.

Клерк уставился на Бетрима, раскрыв рот. Бетрим поднялся на ноги и подошёл к нему поближе. Несмотря на истощённые мышцы и дрожь в ногах, Чёрный Шип возвышался над клерком, и его лицо, несомненно, производило впечатление. Спустя пару секунд клерк отвёл взгляд и указал на канал.

— Если пойдёте вдоль этого канала, то выйдете к докам, арбитр... Хотели бы вы, чтобы я показал...

— Этого достаточно, клерк... э-э

— Голген.

— Клерк Голген. Ступай уже, ага.

Клерк кивнул и развернулся, едва не свалившись, чтобы убраться от Шипа подальше. Бетрим покачал головой и решил, что нужно при первой же возможности избавиться от плаща арбитра. А ещё ему нужна была новая одежда, еда и убраться из Сарта. Но больше всего Чёрному Шипу был нужен топор.

Доки Сарта были по большей части такими же, какими Бетрим их помнил — многолюдными. Кораблей не счесть, и людей на каждом тоже не счесть. Оглушительный шум и удушающий запах были изнуряющими, а зрелище оглушительным, но Бетрим понял, что в хаосе доков у него есть и преимущество. Он всё ещё не избавился от плаща. Стоило людям взглянуть на него, как толпа разделялась, обтекала его — никому не хотелось привлечь внимание арбитра. Бетрим наслаждался бы эффектом, но не мог избавиться от чувства, что кто-то собирается ткнуть его в спину чем-нибудь длинным и острым. Конечно, он отлично знал причину этого чувства, ведь именно так он однажды и убил арбитра, пятого.

Он чувствовал, как дрожат ноги, от напряжения под тяжестью его тела, несмотря на всю потерю веса, пока его держали взаперти — сколько? ... недели? Месяцы? Бетрим до сих пор понятия не имел, сколько его держали, но прямо сейчас ему нужно было присесть где-нибудь, или хотя бы ненадолго к чему-нибудь прислониться. Хорошенько прислониться и постоять, и ему станет намного лучше, так он решил.

Отыскав неплохое местечко — маленькую деревянную лачугу, куда докеры приходили после проверок проходящих кораблей и взимания платы с тех, кто не мог себе позволить её платить, Бетрим расслабился, с довольным вздохом прислонившись к внешней стене, лицом к воде. Один из докеров, коротышка со слезящимися глазками на поросычем лице, на миг

установился на Чёрного Шипа с выражением на четверть любопытства и на три четверти ужаса, а потом быстро умчался прочь. Бетрим не обратил на него особого внимания. По правде говоря, он ни на кого особо не обращал внимания, ему намного интереснее было стоять, прислонившись к стене, и смотреть на прибывающие в доки корабли.

На его взгляд, проблема заключалась в том, что у него не было ни гроша за душой, а корабли редко берут на борт пассажиров, которые не могут заплатить за проезд. А другая проблема в том, что он не мог отработать путь через океан в Дикие Земли, поскольку у Чёрного Шипа были длительные отношения с морской болезнью. На самом деле они были очень хорошо знакомы. Так что, на взгляд Бетрима, ему оставалось либо ехать зайцем, либо на полную использовать плащ арбитра.

Бетрим отлично знал, что зайцев, если раскрывали, то частенько выкидывали за борт. А Чёрный Шип известен многими вещами, но только не плаванием. Если же он продолжит представляться арбитром, то это менее вероятно могло привести к смерти. Но если капитан корабля решит свериться с Инквизицией, то это могло кончиться повторной поимкой, и Бетрим был уверен, что предпочёл бы научиться плавать.

Конечно, была и третья возможность. То, чем Чёрный Шип славился — это преступления. Он мог остаться в Сарте ненадолго, грабить народ, обманывать, убивать, если придётся. Наверняка в Сарте есть люди, которые заслуживают доброго удара ножом, и, что важнее, те, кто за добрый удар ножом заплатит. Всё дело было лишь в поиске посредника — кого-то, кто знал о людях, которые предлагают работёнку такого рода, и кто мог бы за небольшую цену свести с ними кого-то вроде Бетрима.

Бетрим как раз раздумывал, не убраться ли из доков, когда заметил кое-что. Название, которое он хорошо знал — "Кровавая Невеста". По правде говоря, Чёрный Шип был одним из немногих, оставшихся в живых, кто знал, почему этот корабль так назывался. По правде говоря, если капитан "Кровавой Невесты" всё ещё Арип Уинтерс, то Бетрим только что отыскал себе путь в Дикие Земли.

Джейкоб Ли

Музыки не было, но Джейкоб всё равно напевал себе под нос. Он терпеть не мог тишину, не выносил её. Когда мир погружается в тишину, как определить, существует он ещё или уже нет? Насколько Джейкобу было известно, если прекратятся все звуки, то мир может и закончиться, и тогда остался бы только он один, и его камера. Пугающая, ужасающая перспектива.

Впрочем, сегодня мир не был тихим. Кроме своего мурлыканья Джейкоб слышал людей снаружи. Окошко было маленьким, зарешеченным, под самым потолком камеры, но оно выходило почти прямо во двор. Когда множество голосов говорит вдали, большинство людей способно расслышать лишь смутный гул, но Джейкоб слышал почти каждое слово.

"Это обнадёживает", — подумал он, и его разум решил согласиться. "Мир не закончился. Не один я сижу здесь в своей камере, навеки. Они не забыли обо мне. Пока".

Джейкоб взглянул на дверь своей камеры, услышав тихий вздох и стук. Ещё несколько секунд он продолжал напевать, заставляя человека снаружи немного понервничать, отчего тот снова постучал, на этот раз сильнее.

— Чем я могу вам помочь, арбитр Филдс? — приятным тоном спросил Джейкоб. Его голос всегда называли музыкальным. Сара однажды сказала, что это в нём самое прекрасное. Во всех остальных отношениях он был всего лишь обычным, но его голос был приятным.

— Я... хм... вы напевали, Джейкоб, — сказал приглушённый голос из-за тяжёлой железной двери.

— Это не музыка, арбитр. Я всего лишь мурлыкал себе под нос, — ответил Джейкоб.

— Ясно. Тогда я открываю дверь. — Последовала пауза, и Джейкоб не сказал ни слова. — Это нормально?

Джейкоб сел на каменной скамье, которую называл кроватью, и потянулся.

— Не могу вас остановить.

— Я... хм. — Спустя несколько мгновений Джейкоб услышал, как ключ поворачивается в первом замке двери его камеры, потом открылся второй замок, потом отодвинулась тяжёлая металлическая задвижка. Арбитр Филдс помедлил, покашлял, и потом раскрыл дверь.

Джейкоб сидел на кровати и наблюдал, как низенький арбитр входит в камеру. На шее арбитра виднелись небольшие синяки — слабые, но уже начинавшие выцветать. Что бы с ним не случилось, оно случилось недавно. Джейкоб лишь различил в синяках отметины от пальцев.

— Арбитр... — Сказал Джейкоб, когда арбитр некоторое время постоял в проходе.

— Никакой музыки? Точно? — спросил арбитр Филдс.

Джейкоб едва не улыбнулся, но остановил себя. Он никогда не улыбался арбитру Филдсу.

— Никакой музыки.

— Много времени прошло, Джейкоб.

"Десять лет с тех пор, как вы заперли меня в этой клетке и оставили гнить. Если бы вы не выпускали меня время от времени, я уже сошёл бы с ума". Джейкоб внутренне рассмеялся, но его лицо осталось столь же бесстрастным, как и каменная скамья, на которой он сидел.

— Выглядите неплохо, — сказал арбитр Филдс. Несмотря на нервозность, старик ни на миг не отрывал глаз от Джейкоба. Джейкоб решил покачаться из стороны в сторону, и заметил, как арбитр нерешительно шагнул назад.

— Что вам нужно, арбитр? — спросил Джейкоб. — Нечасто люди навещают меня, особенно те, что меня сюда поместили. И всегда на это есть причина.

Арбитр Филдс снова закашлялся, потёр шею и вздрогнул от боли.

— Ну... инквизитор...

— Один из них сбежал, не так ли? — Джейкоб знал, что он прав, в тот же миг, как и спросил. — Один из ваших экспериментов. Ваша шея... — Джейкоб указал на синяки на шее арбитра Филдса, и старик снова отступил.

— Что вы знаете о недавних событиях? — спросил его арбитр. Джейкоб слышал, как сердце старика стучит в его груди.

— То да сё. — Джейкоб встал на своей кровати и приподнялся на цыпочки. Отсюда он мог выглядывать из окна во двор Инквизиции. — Знаю, что арбитр Каркланд провалил трёхлетний отчёт. Они сожгли его за ересь, или отдали вам? Этого я уже не слышал. Клерк Верил влюбился в клерка Йорн, но он слишком труслив, чтобы сказать ей. Возможно это и хорошо: клерк Йорн спит с послушником. Его имя мне пока расслышать не удалось. Арбитр

Вэнс очень скоро получит повышение до инквизитора. Возможно, это просто слух, но похоже, многие этому не рады. В конце концов, он очень молод и лишь несколько лет назад закончил обучение. Хотя, меня это не сильно удивило, с учётом того, что он сын великого инквизитора, и...

— Значит, вы знаете, что инквизитор Герон была убита?

— Разумеется, — сказал Джейкоб, глядя в окно. — Долгое время все только об этом и говорили. Она была еретичкой, или так я слышал. Арбитр Даркхарт сам обвинил её в ереси, без согласия инквизиторов. Я слышал, его отпустили. Это правда? — Он обернулся к арбитру Филдсу, который, прищурившись, смотрел на него.

— И вы слышали всё это отсюда? — спросил арбитр. Джейкоб не ответил, не чувствовал необходимости. — Хм-м. Возможно вы не знаете, что недавно мы схватили человека, известного как Чёрный Шип.

— Шип в заднице Инквизиции. Что вы с ним сделали?

— Я вылечил его раны. Он должен был предстать перед судом за убийство шестерых арбитров. Вот только сегодня утром он сбежал. — Арбитр лгал, и Джейкоб знал, что он лгал, вот только не знал, сколько из сказанного было ложью.

— Кто из них послал вас ко мне? — спросил Джейкоб.

— Что?

— Вы знаете, что я имею в виду, арбитр. Меня выпускают из моей клетки лишь по прямому приказу инквизитора. Так кто это был?

Арбитр Филдс пробормотал ругательство себе под нос. Джейкоб притворился, что не слышал.

— Инквизитор Джейни.

— А-а. Да. Инквизитор Джейни всегда питал ко мне слабость. Полагаю, ему нравилась моя непосредственность. Арбитр Филдс, надеюсь, вы в курсе, что я не возвращаю их живыми?

— Именно поэтому Джейни и приказал мне послать вас, Джейкоб. Он хочет, чтобы Чёрный Шип умер.

— А чего хотите вы?

— Я хочу, чтобы вы не ставили меня в неловкое положение, пока будете снаружи. Чёрный Шип сбежал несколько часов назад. Скорее всего, он до сих пор в городе. Мы считаем, что он попытается в первую очередь обеспечить себе проезд до Диких Земель. Это значит, что вероятнее всего вы сможете поймать его в доках.

— Благодарю вас, арбитр. Я хорошо знаю, как вести охоту.

— Вернётесь сразу же, как только завершите дело... — Арбитр Филдс запнулся.

— Чтобы вы могли снова запереть меня.

Арбитр Филдс вместо ответа сглотнул. Джейкоб слышал, как часто стучит его сердце, видел, как пот сочится из его старой кожи, чувствовал исходящий от него запах страха.

— Джейкоб, вы же сами просили запереть дверь.

"Запоры изнутри сдерживают то, что снаружи. Запоры снаружи сдерживают то, что внутри".

Джейкоб услышал откуда-то одиночную ноту. Возможно, начало эпической баллады, или просто вульгарной песенки. Он редко знал песню, никогда не знал слов, но всё равно вынужден был танцевать.

Он перевёл взгляд с арбитра на дверь камеры, а потом на маленький крючок, на

котором висел его арбитрский плащ, выкрашенный в чёрный цвет — в то время как у большинства арбитров плащи были коричневыми. Джейкоб спрыгнул с кровати, подошёл к крюку с плащом и протянул руку. Как только до него донеслась другая нота, его рука остановилась в нескольких дюймах от плаща.

— Эта работа подождёт до завтра, арбитр, — сказал Джейкоб старику. Его рука зависла вблизи плаща.

— Не думаю, Джейкоб. Каждый миг Чёрный Шип может...

Джейкоб обернулся, посмотрел на арбитра, и старик побледнел. Мгновением позже он уже выбрался за дверь камеры и неловко пытался вставить ключи в замок.

Джейкоб взял свой чёрный плащ арбитра и просунул руки в рукава. Группа как раз начала играть. Похоже, лютня, и ещё несколько дудок. Это была грустная песня, полная сожалений, потерь и печали. Она напоминала ему о Саре. Джейкоб начал танцевать.

Шип

— Мне б с капитаном перетереть, — хрипло проскрежетал Бетрим.

— Ну, эта, не ду... — моряк остановился на полуслове и замер. — Бля.

— Ага, именно.

— Точно. Есть, сэр. — Моряк бросил ящик, которым занимался, и помчался вверх по сходне. Вскоре над поручнем корабля показалось лицо другого мужчины. Он глянул на Бетрима и исчез. Чёрный Шип ждал, внутренне улыбаясь.

"Кровавая Невеста" выглядела почти так же, как и всегда. Большой корабль, три мачты и много белых парусов. Хорошие прочные доски содержались в чистоте, поскольку драили их ежедневно. На носу была вырезана фигура женщины в прекрасном платье, у которой из глаз текла кровь. Она была самым воплощением названия корабля. От неё у Бетрима по коже побежали мурашки, как и всегда.

Капитан спустился по сходне, потирая пальцами переносицу и что-то бормоча. Покачал головой, сплюнул в воду и встал перед Бетримом, поправляя воротник.

— Чё могу для вас сделать, арбитр... Еба-ать! Шип, ты ли это?

Бетрим славился своим хмурым бесстрастным выражением лица, но даже он не смог сдержать ухмылку, которая расплылась по лицу, когда он увидел, как удивился Арип Уинтерс. Старый пират, в свою очередь, быстро оправился и тоже ухмыльнулся. Чертовски приятно было снова видеть Арипа, даже если тот нынче слегка поседел.

— Чёрт возьми, Шип. Я-то слышал, ты помер, — Арип сжал Шипа в плотных объятьях и трижды похлопал по спине. Бетрим слегка удивился, что не треснул от этого пополам.

— Я похож на труп?

Арип поморщился.

— Есть маленько, если честно.

Бетрим в последнее время в зеркало не смотрелся. По правде сказать, он всегда старался по возможности их избегать, даже до всех этих ожогов и шрамов. Его всегда описывали, как уроды, но вполне возможно, что сейчас он выглядел, как ходячий труп.

— Чё у ты с глазом-то? Недавно? — спросил Арип, указывая на пустую глазницу, словно Бетрим мог подумать о каком-то другом.

— Ага. Арбитр вырвал... бля, хрен знает. Скока меня не было? — Бетрим ткнул в пустую глазницу и увидел, как его старый друг содрогнулся.

Арип фыркнул.

— Блядь. Последний раз, как я слышал о тебе, это чё ты натворил в Хостграде.

Бетрим сплюнул. Ему не нравилось вспоминать о том месте, но надо было узнать, что о нём говорят в его отсутствие, и кто это говорит.

— И давно эт было? И чё из того повесили на меня?

Арип сочувственно улыбнулся.

— Всё. И где-то год, небось, прошёл, с тех пор, как я об этом слышал.

Бетрим чуть не застонал. Это был уже второй разгром городка, в котором его обвиняли. Если не будет соблюдать осторожность, то скоро заработает такую репутацию, будто он в одиночку сжигает большие города до основания. Хотя, это было бы неплохой прибавкой к списку его предполагаемых возможностей.

— А чё ты ваще тут в этом плаще расхаживаешь? А то не знаешь о наказании тем, кто выдаёт себя за арбитра? — сказал Арип.

— Ну-ну, и чё они сделают? Вырвут мне глаз, запрут в камере на три месяца и будут грозиться, что сожгут? — Бетрим снова сплюнул. Чем скорее он покинет Сарт и вернётся в Дикие Земли, тем лучше. Людям вроде него не место в цивилизованном обществе.

Арип вздохнул и с гримасой отвращения уставился на пустую глазницу Бетрима.

— Пожалуй, с этим надо чё-то сделать.

— Да всё в порядке, — слегка раздражённо сказал Бетрим. — Арбитр, который подлатал меня, сказал, что заживает хорошо.

— Да я не о том. У меня по спине мурашки бегут всякий раз, как гляну. — Арип громко крикнул в сторону корабля. — Рилли! Рилли, тащи сюда свою тощую жопу.

Вскоре через поручни корабля перескочила юная девушка, пролетела добрых десять футов и приземлилась в доке на четвереньки со всей уверенностью и незаслуженной самонадеянностью юности. Она поднялась и с важным видом и самодовольной ухмылкой на грязном лице подошла к отцу.

— Чё тут, па? Ёбтать. Самый охуенно уродливый охотник на ведьм из всех, кого я видала.

Бетриму сильно захотелось врезать девчонке, но он сдержался, вместо этого уставившись на Арипа. Тот лишь усмехнулся и бросил дочери серебряную монету.

— Метнись-ка на рынок, да отыщи ему повязку на глаз. Главное, чтоб чёрную. И мяса нам возьми, и чё там ещё, птиц и всё такое. Тока больше никаких собак, блядь.

Рилли смотрела на Бетрима, и ухмылка расплывалась на её лице.

— Да-да, па. — И побежала прочь, прежде чем Бетрим смог бы броситься за ней. Конечно, в его ослабленном состоянии могло оказаться, что мелкая сучка побила бы его, даже если бы ему удалось её схватить.

— Она тя даже не помнит, — с задумчивой улыбкой на губах сказал Арип, глядя, как убегает его дочь.

— Ага, оно, небось, и к лучшему. Лет десять уж прошло с тех пор, как мы в последний раз виделись, и во что она выросла?

— Шестнадцать.

— Так значит, ей было... — Бетриму понадобилось время, чтобы сложить цифры в уме. — Три. Я-то в три ничё не помню.

— Да ладно те, — сказал Арип. — Продолжим-ка наше воссоединение на борту "Невесты". У меня в каюте ром есть, и неплохой.

— Ага. Вот тока, Арип, я уж не пью особо, — вставил Бетрим.

— Да? И с каких это пор?

— С тех самых, что когда я в последний раз надрался в дрова, это стоило мне прекрасного глаза. — Он не упомянул, что ещё это стоило ему двух прекрасных друзей.

Арип не соврал насчет рома — действительно, оказался неплохой. Бетрим потихоньку его посасывал. Ему не хотелось напиваться и, сказать по правде, он не ел уже Боги знают сколько. Да и не привык он быть взаперти и связанным по нескольку месяцев. И всё же Чёрный Шип не привык посасывать выпивку. До потери глаза он заглывал всю бутылку, только дай.

Бетрим знал Арипа ещё с тех пор, когда тот не был капитаном Уинтерсом. Они были из одного рода, вот только крепкий капитан кое-чего добился. Он не был уже тем грязным, волосатым убийцей и вором, привыкшим бить в спину, как раньше. На самом деле, Арип подчистил свои делишки. Снарядил корабль, нанял команду и вёл почти честную жизнь. А ещё, судя по всему, стал регулярно мыться и стричь волосы. У него по-прежнему была квадратная челюсть, будто из камня вырубленная, тот же расщеплённый нос, те же глаза цвета дерьма — но теперь он был чисто выбрит, носил короткий хвост и одежду, которая кричала о деньгах. Его каюта тоже отражала изменения: всё на своих местах — стол с антикварными письменными принадлежностями и морскими картами; буфет слева от Бетрима из какого-то, несомненно, необычного дерева, набитый дорожками штуками; да ещё и ром подавали в бокалах. Бетрим практически не сомневался, что впервые пил что-то из бокала. По правде говоря, он тут чувствовал себя не в своей тарелке.

Он кивнул в сторону книжной полки — там две крепкие на вид дверцы, которые можно было закрыть, чтобы книги не рассыпались, сейчас были распахнуты, демонстрируя широкий выбор цветных корешков, ни один из которых Бетрим прочитать не мог.

— Арип, ты чё, читать выучился?

Старый друг улыбнулся.

— Немножко, чисто чтоб выкручиваться. Эти-то для Рилли, слежу, чтоб она научилась читать. Не охота, чтоб росла, как я.

Бетрим поворчал и попытался поставить бокал рома на стол. Арип снова, не спрашивая, наполнил его — Бетрим всё равно проворчал слова благодарности.

— Ну чё, Шип, давай к делу. Чё те надо-то?

Бетрим ухмыльнулся.

— Жратва, шмотки, чтоб подошли, только не то расфуфыренное говно, как у тебя — чё-нть простое. Топор, ручной топорик лучше всего пойдёт. Несколько ножей. И билет до Чада.

Арип откинулся в своём кресле за столом и сцепил пальцы. Наверняка прикидывал, сравнивая то, что должен Бетриму, с запросом. Прошло много времени, наполненного тишиной и суровыми взглядами, прежде чем он ответил.

— Шип, не могу я тя в Чад взять, да ты б и сам туда не захотел. Чё до остального — не вопрос. Следующий порт захода "Невесты" — Солантис. Хочешь с нами — валяй, если конечно ты в деле.

Последнее, кем Чёрный Шип мог себя назвать, это моряком, так что Бетрим догадался, что "быть в деле" означало помощь в пиратстве.

— А чё не так с Чадом?

— В прошлый раз, как ты там был, ты пришиб двух членов правящего совета...

— Одного, — поправил Бетрим старого друга.

— Чего?

— На самом деле я не убивал ни одного, но моя команда грохнула одного из них. А за второго на меня просто свалили вину. Так и не узнал, кто эт постарался.

— Ну, потом ты добрался до Хостграда и пришел Грегора Х'оста, и всё такое, — Бетрим хотел было снова поправить старого друга. В конце концов, это Танкуил убил Х'оста. — И до кучи ты перерезал полгорода, хотя там сидела целая армия.

— Ну эт уж ваще не я. Эт был... — Бетрим помедлил, не зная, как объяснить, что этс натворили какие-то демонические тени, вызванные самим Х'остом. — Эт был не я!

— Да неважно, кто там на самом деле был, Шип. По слухам эт был ты.

Бетрим чуть не сплюнул, вот только решил, что Арип не очень-то такому обрадуется, с учётом яркого ковра на полу, который с виду стоил, как одна из тех дорогущих шлюх из Пяти Королевств, которые называли себя "госпожа".

— Арип, слухи эт херня. Ты не хуже меня знаешь. Помнится, был когда-то слушок про тебя и про лошадь.

— Ага. Тебе ли не помнить, коль ты сам его и распустил! — Они оба расхохотались, но потом лицо Арипа снова посерьезнело. — Слухи или нет, но их хватило, чтоб добрые люди Чада назначили цену за твою голову, Шип. Охуенную цену!

— Сколько? — с ухмылкой спросил Бетрим. Сколько себя помнил, за его голову назначали самые разные награды.

— Столько, что если б не висел за мной должок тебе за спасение Рилли, мне б и самому захотелось тя прикончить! — Арип помедлил и выдохнул. — Писят тыщ.

Бетрим скорчил такое лицо, будто понимал, сколько это. По правде говоря, он понятия не имел, но это точно было много. А ещё от него не ускользнуло, что ровно столько он должен был получить за участие в убийстве Х'оста.

— Значит, Солантис, — сказал Бетрим, не отводя взгляда от Арипа. — Не знаю, чё мне там делать, но уж всяко лучше, чем оставаться здесь, наверное.

— И как закончим — больше никаких долгов, — быстро вставил Арип.

— Ага. Доставишь меня в Дикие Земли, и мы в расчёте.

— Лады. А терь, может, возмёмшь тот бокал и расскажешь, чё там на самом деле стряслось в Чаде и Хостграде?

Джейкоб Ли

Прошло уже столько времени с тех пор, как Джейкоб выходил, что он уже почти забыл, каким чудесным местом был на самом деле мир. Утреннее солнце блестело над верхушками белых мраморных зданий, придавая Сарту прекрасное лёгкое сияние, которое исходило, казалось, от самого города. Звуки раннего утра — владельцы магазинов расставляли свои товары и дружелюбно кричали что-то друг другу; пара паршивых собак лаяла друг на дружку из-за остатков полусъеденной крысы.

Справа шла группа рабов — направлялась куда-то по своим делам под бдительным взором любящего владельца. Слева по каналу плыла маленькая лодочка, такая

умиротворённая на мерцающей голубой воде. Её груз — большая сеть, слишком большая для такой маленькой лодочки — была наполнена утренним уловом рыбы. Некоторые рыбины билась в своих путях, пытаясь освободиться, другие радостно встречали свою судьбу.

В воздухе витал чудесный запах. Удивительная смесь свежеприготовленного хлеба, заморских специй, возможно, тмина, и гниющих отбросов. Источник последнего Джейкоб тут же увидел у стены большого белого здания — по большей части зелень, кажется салат, впрочем, проверять он не собирался. Несмотря на всё его любопытство, у него не было времени на такую роскошь.

Две женщины спорили о принадлежности мужчины, которого нигде не было видно. Одна из них утверждала, что у неё двое детей от этого человека, а другая заявляла, что они любят друг друга, и он собирался бросить свою старую каргу. Обе женщины были уже готовы перейти к обмену ударами, но остановились и уставились на проходившего мимо Джейкоба. Они замолчали и, казалось, скорее встревожились, чем успокоились, когда он им улыбнулся.

Когда Джейкоб был всего лишь ещё одним арбитром, он даже привык к таким испуганным взглядам — а сейчас ему их почти не хватало. Сейчас на него вообще редко смотрели, за исключением крыс, которые иногда находили дорогу в его камеру — обычно они смущённо смотрели на него, словно для них удивительно было видеть его там.

Маленькая белая капля опустилась в паре метров справа от Джейкоба. Он взглянул туда и увидел севшую на городской фонарь большую птицу, возможно голубя или чайку — он никогда не утруждался запомнить между ними разницу. Голова птицы нервно дёрнулась, отчего арбитр улыбнулся. Затем птица испустила долгий скорбный крик, вспорхнула и исчезла за крышей здания, обозначенного вывеской "Усталый Мул". Было время, когда Джейкоб посещал подобные таверны. В конце концов, и Сару он встретил в таверне.

— Арбитр! Меня преследует еретик. Колдун, — кричал мужчина, который на большой скорости мчался в сторону Джейкоба. Он носил пышный наряд из ненастоящего шёлка расшитого в яркие цвета. Такое вполне могло быть нынче в моде, но Джейкоб слишком долго сидел взаперти, так что не знал наверняка.

Преследователь был лысый, бородатый и коренастый, как кузнец, но без присущей кузнецам мускулатуры. Он носил фартук, запятнанный кровью. Джейкоб заключил, что он, скорее всего, мясник.

Когда мужчина в поддельных шелках пробегал мимо с дикой ухмылкой на лице, правая рука Джейкоба выбросилась в сторону. Два пальца ударили мужчине в бок, тот споткнулся, прошёл ещё два шага и рухнул на колени, вцепившись в бок и кашляя кровью. Спустя несколько мгновений он скатился в канал, прекратил двигаться и медленно поплыл лицом вниз. Красная кровь кружилась, смешиваясь с голубой водой. Джейкоб даже не сбавил шага. Мясник на миг остановился, уставившись на мертвеца и на Джейкоба, потом пробормотал "спасибо" и убежал.

"До доков уже недалеко. Чем скорее мы вернём Чёрного Шипа, тем скорее вернёмся в мою камеру", — подумал Джейкоб. Приятно было знать, что каменная тюрьма ждёт его, и всегда будет ждать.

Добравшись до доков, Джейкоб не мог стереть с лица улыбки. Это было ещё чудеснее, чем он помнил. Солёный воздух бил в глаза и в нос, и Джейкоб глубоко вдохнул, ощущая его вкус и запах. Отовсюду доносился грохот говоривших одновременно сотен голосов, и смешивался со скрипом и стонами кораблей в доках, натянутых веревок и плеском воды по

корпусам. Перед ним прогремела телега, запряжённая лошадьё. Бедное животное видело только прямо перед собой — шоры, так их называют, и люди носят их всю жизнь, даже не замечая. Но не Джейкоб — его шоры убрали давным-давно, он видел всё, слышал всё, чувствовал всё. То, что другие называли бы ударом по чувствам, для него было приятным потоком переживаний.

В камере, выглядывая из окна во двор Инквизиции, Джейкоб видел много людей, но даже в самый людный день одновременно не более сотни. Здесь, в доках Сарта, были, наверное, тысячи. Это не должно было удивлять его — Сарт являлся не просто столицей королевства Сарт, но также он был и главным портом королевства, укрытым от штормов в бухте. К северу располагался полуостров Сон Богов, а к югу — утёсы Чёрной Скалы.

Люди не тарасились на Джейкоба, они тарасились в другие стороны — смотрели куда угодно, обходя его, лишь бы не привлекать внимание арбитра. Некоторые бросали мимолётный взгляд на его плащ, несомненно удивляясь, отчего тот чёрный, а не коричневый, как обычно. Арбитры в Сарте встречались часто, но люди вокруг Джейкоба раньше не видели чёрного арбитраского плаща — в конце концов, его плащ был единственным.

Джейкоб принялся рассматривать толпу, в поисках Чёрного Шипа. Ему рассказали, как тот выглядит: высокий, чуть больше шести футов, иссохшая плоть, которая раньше была сильными мышцами, бритая голова, сильно обожжённая и покрытая шрамами левая сторона лица, одного глаза не хватает, на левой руке три пальца. Джейкоб выучил описание наизусть и решил, что опознать человека будет легко. Немногие выживают с таким списком повреждений.

Проведя несколько часов на одной из главных площадок доков, за которой начинались пирсы, Джейкоб увидел больше лиц, чем мог сосчитать. Некоторых он видел много раз: приходившие и уходившие моряки и капитаны, торговцы и рабы. Некоторых он видел лишь однажды — просто проходившие мимо люди. У некоторых были побитые непогодой лица, у некоторых изнеженная кожа была жемчужно-гладкой. У иных были поразительные черты — огромные носы картошкой, кривые коричневые зубы, бельма на глазах, а некоторые выглядели просто, как и сам Джейкоб. Но никто из этих людей не был Чёрным Шипом.

Джейкоб решил отказаться от нынешней тактики. Похоже, вероятность случайной встречи с Чёрным Шипом была низка. Допрос капитанов кораблей мог оказаться продуктивнее, с учётом того, что Шип, вероятно, попытается сбежать назад в Дикие Земли. Начать с северного конца и двигаться на юг, допрашивая каждого капитана, казалось наиболее логичным, хотя, с сотнями кораблей это заняло бы много времени. К счастью, терпение было одним из немногих достоинств Джейкоба.

Восемь капитанов по очереди, и ни один никогда не видел человека, которого описал Джейкоб, и не слышал о Чёрном Шипе. Девятый корабль — большое лоснящееся торговое судно, низко сидящее в воде — назывался "Кровавая Невеста". Когда Джейкоб его заметил, оно как раз отправлялось от пирса. Он смотрел несколько мгновений и начал отворачиваться. В этот миг у правого борта показалось лицо, которое выглядело одновременно знакомо и незнакомо — лицо с повязкой на глазу и жутким шрамом от ожога. Владелец шрама заметил Джейкоба, и несколько мгновений они тарасились друг на друга. Корабль был уже слишком далеко, не добраться, и Джейкоб не смог бы быстро экспроприировать другое судно, по крайней мере такое, которое могло бы догнать "Кровавую Невесту".

Отвернувшись от уходящего корабля, Джейкоб схватил прохожего.

— Куда направляется тот корабль? — спросил он мужчину, указывая длинным пальцем на корабль, который имел в виду.

— А мне откуда знать? — крикнул мужчина в ответ. В его голосе слышался страх и немного обиды.

Джейкоб ударил правой рукой человека по лицу — недостаточно сильно, чтобы сломать челюсть, но достаточно, чтобы появился синяк и отёк.

— Следующий удар выбьет тебе челюсть, — сказал он мужчине, который хныкал и цеплялся в лицо. — Куда направляется корабль?

— В Дикие Земли, — донёлся голос из-за спины Джейкоба. — Он отпустил хнычущего мужчину с синяком на лице и повернулся лицом к говорившему. Маленький лысый мужчина в очках. Немногие могли позволить себе очки — этот был кем-то важным.

Джейкоб схватил коротышку за левое плечо и сжал. С криком боли тот упал на колени перед арбитром.

— Кто ты? — спросил Джейкоб.

— Арчибальд... Геллер, — ответил лысый коротышка, задыхаясь от боли.

— Хм-м, я тебя не знаю. — Джейкоб сжал плечо сильнее.

— Я... начальник дока... здесь, — удалось выдавить мужчине между воплями агонии.

— А-а. И куда в Диких Землях направляется тот корабль? — Джейкоб поднял начальника дока, повернул его и указал в сторону "Кровавой Невесты".

— Солантис. Капитан сказал Солантис. — Начальник дока расплакался от боли и страха.

— Понимаю, — сказал Джейкоб. Похоже, он не отправится в свою камеру так быстро, как должен. — А другие корабли направляются в Солантис?

— Я не знаю, — сказал начальник дока. Джейкоб сжал ещё немного сильнее. — Я... прошу вас... перестаньте. Я... я могу проверить.

— О-о, — с улыбкой сказал Джейкоб и отпустил плечо мужчины. — Как мило. Прошу вас, ведите.

Шип

Два месяца — это долгий срок, а уж два месяца в море для человека, который славится тем, какой хреновый он моряк — ещё дольше. Но всё-таки Бетрим нашёл применение длительной морской жизни. Он много ел и старался по возможности не извергать из себя всё съеденное. Немного махал новым топором, выполнял на корабле любую работу, связанную с подъёмом тяжестей и даже чуть-чуть попираствовал — ему годилось всё, лишь бы набрать мышц, которые он потерял, лёжа раненым без движения в камере в Сарте.

По вечерам он по большей части ел с Арипом и Рилли — они проводили время отдельно от команды, и это прекрасно подходило Бетриму. Чем меньше людей знало, кто он такой, тем лучше — всегда хватало тех, кто хочет заработать себе имя, убив Чёрного Шипа. Спал он с командой в трюме, и тогда ему снились сны. Всегда один и тот же сон, всегда Кессик резал его и вырывал глаз, и всегда Бетрим резко просыпался, истекая потом и слыша удары сердца, похожие на удары в камере.

Его волосы уже начали отрастать. Впрочем, без экканских орехов, которые можно перетереть в вонючую чёрную пасту, все видели только огненно-рыжую шевелюру, по которой его нельзя было опознать. На левой стороне лица, вокруг ожога, проросла редкая коричневая щетина, словно жалкая пародия на густую щётку щетины на правой стороне. Он старался бриться как можно чаще, но нынче это не означало слишком часто. Левая глазница по-прежнему чесалась, но повязка, которую купила Рилли, удерживала его от того, чтобы постоянно тыкать рану. Бетрим считал, что видок у него получался весьма свирепый, натуральный жуткий пират. Не то что бы ему хотелось глянуть в зеркало и проверить.

Одежда, которую достал ему Арип, была не во вкусе Бетрима, но по крайней мере она подходила по размеру. Простые белые штаны до колен, грубый кожаный пояс, на котором висел топор, и простая белая рубаша из какого-то лёгкого материала, от которого всё чесалось. По правде говоря, то же носила и вся остальная команда — хорошие вещи на корабле носить незачем. И ещё соль: она лезла повсюду — в одежду, в волосы, в нос. Если не морская соль, то солонина, которую они ели. По правде говоря, Бетрим почти обрадовался шторму, в который они попали спустя шесть недель. Потоки тёплой несолёной воды проливались на всё, на всех. От Бетрима тут не было никакой пользы, но ему просто приятно было стоять на палубе, позволяя природе начисто его отмыть.

Оказалось, что чем сильнее бушует море, тем меньше его укачивало. Арип находил это странным, а Рилли просто высмеивала его словами, которых он не понимал. По правде говоря, он бы и побил её, да только она, похоже, подтрунивала над ним по-доброму. И кроме того, несмотря на репутацию, Чёрный Шип не опускался до драк с женщинами — особенно с маленькими, особенно с такими, которые могут ответить, а Рилли с виду определённо была именно такой.

Они уже несколько дней шли вдоль берега, когда на горизонте показался Солантис. По любым меркам город не самый большой, на взгляд Бетрима, да и вообще сложно было назвать его городом. Скорее лагерь для всех отбросов, торговцев и наёмников Диких Земель. Заправляли в нём заплонившие город компании наёмников. Они правили и обеспечивали порядок, но Солантис не был свободным городом. Им владели и облагали налогами Брековичи — одна из девяти чистокровных семей Диких Земель, и нынче, после неудачного падения Х'остов, весьма возможно самая влиятельная. Солантис славился двумя вещами превыше прочих: самым высоким уровнем преступности в Диких Землях (неудачный побочный эффект от того, что порядок в нём поддерживали преступники), и своими бойцовскими аренами.

Бетриму никогда не нравилась идея сражаться на арене — но это потому, что ему никогда не нравилась идея сражаться честно. Если уж нужно кого-то убить, а людям часто такое нужно, то Бетрим давно решил, что нож в спину годится лучше всего — меньше шансов, что человек начнёт сражаться в ответ.

Солантис был последним местом, где Бетрим хотел бы оказаться, но направлялся именно туда. Это не значило, что он собирался оставаться там надолго. Раздобудет несколько монет, новые шмотки и какие-нибудь припасы, и может, отыщет зацепку, где теперь эта падла Кессик. Если не получится, то попробует вернуться в Коррал. Южные Дикие Земли подходили ему куда лучше северных. Здесь было намного прохладнее, а порой становилось и вовсе холодно, а Чёрный Шип никогда не любил холода.

— Па грит, ты воды боишься, — сказала Рилли. Девчужке нравилось подкрадываться к Чёрному Шипу со спины. Похоже, до неё ещё не дошло, что у него глаза на затылке. На

затылке их нынче, может, даже больше, чем спереди.

Бетрим повернул к ней голову и понял, что пытается смотреть через левое плечо. Может, когда-нибудь он и привыкнет к тому, что у него не хватает глаза. Посмотрел через правое плечо.

— Чёрный Шип ничё не боится. Просто воду не люблю... или то, чё в ней... или под ней.

Рилли плюнула за борт.

— Пока у тя палуба под ногами, морской живности бояться нечего. В океане лучше бойся метеорологических условий — вот чё тут может тебя прибить. Или жестокая популяция пиратских островов.

Бетрим сердито посмотрел на девчонку. Он-то думал, что с одним глазом сердито смотреть сложнее, а оказалось, что намного легче. Похоже Рилли нравились слова, которых Бетрим не понимал, и от того факта, что она говорила их с густым акцентом Диких Земель, они звучали ещё более странно.

— Ты б лучше остереглась бесить людей, которые знамениты своей жестокостью в гневе, — с ухмылкой сказал Бетрим.

Рилли фыркнула.

— Па грит, нечего тебя бояться. Грит, ничё ты мне не сделаешь. Грит, ты мне жизнь спас.

Бетрим отвернулся и взглянул на Солантис.

— Ну, твоему папашке лучше б не болтать о таком. И меньше всего с такой говноротой, плоскогрудой морской ведьмой, как ты.

— Иди нахуй, Шип. Уж лучше морская ведьма, чем нарциссичный, шовинистический сын шлюхи.

Бетрим ухмыльнулся. Последние два месяца они оскорбляли друг друга, и он был уверен, что никогда не победит, поскольку она говорила будто на иностранном языке, но решил, что в этот раз её достал.

— Моя мать владела ранчо, а шлюхой была твоя.

— Нет, не была, — пробурчала Рилли.

— Ага, — сказал Бетрим, ухмыляясь. — Была.

— Па грил, она была пираткой.

— Твой папаша врал.

Рилли посмотрела на него и фыркнула.

— Ты лживое говно, Чёрный Шип. — И с этими словами она повернулась и ушла, оставив Бетрима смотреть, как город наёмников растёт с каждой минутой. Даже отсюда он видел приземистые здания, окружавшие доки — в основном лишь чуть лучше деревянных ящиков, — в которых жили простые люди.

Бетрим уже собрался, и к тому времени, как они заходили в док, был готов свалить. По правде говоря, ему и нечего было собирать. У него и было-то — одежда, что на нём, да топор на боку. От крупного состояния настолько далеко, насколько возможно. Он планировал слезть с корабля как можно быстрее — не было смысла толкаться на пути Арипа, когда тот начнёт разгружать свои грузы. И к тому же Бетриму очень хотелось поскорее снова оказаться на твёрдой земле. У него для моря просто ноги не подходили. Ну, или внутренности.

Наверное, он должен был заметить, что это случится, должен был подозревать, что явно что-то не так, судя по тому, как подозрительно команда на него смотрела, по тому, как они

избегали его уже пару дней. Бетрим решил, что они просто сторонятся человека, который собирается покинуть их корабль, но видимо, здесь было что-то большее.

Низкое вечернее солнце лениво светило над мрачными зелёными водами залива Солантиса, и Бетрим таращился на эти воды, размышляя, что там шныряет под ними, когда они встали перед ним. Впрочем, не самая хитрая засада — они начали со слов, а не с острых предметов.

— Чёрный Шип, — сказал один, с носом картошкой и кривой бровью. Он был высок, как Шип, и мускулист, какими бывают моряки, которые всю свою жизнь провели на корабле. Звали его вроде Джонас, но Бетрим никак не мог запомнить, да и не особо хотел. — Положил бы ты топор, да пошёл с нами потихоньку. И никому не будет больно.

Пирс всё ещё был довольно далеко, и Бетрим не горел желанием научиться плавать. Он повернулся к противникам. Их было всего шестеро: некоторые моложе, некоторые старше, и все не готовы схватиться с Чёрным Шипом. Впрочем, они были вооружены: у двоих тупые и ржавые абордажные сабли, которые, похоже, никогда не точили. У двоих топоры, у одного кинжал, и один размахивал мясницким ножом. В последнем Бетрим вскоре опознал повара. Жалко будет его убивать, он неплохо справлялся, Бетрим раньше никогда не ел такой вкусной копчёной рыбы.

— Вряд ли вам этого охота, парни, — сказал Бетрим таким голосом, чтобы было ясно: он не шутит, и сможет исполнить угрозу. Он злобно глянул на каждого своим единственным глазом. Шип ещё не взял в руку топор — с пустыми руками угроза должна была выглядеть более убедительной.

— За то бабло, что за тебя дают — пожалуй, охота, — ответил Кривобровый.

Казалось, последовавшая тишина тянулась довольно долго. Никто из шестерых не хотел делать первый шаг. Похоже, раз они знали, кто такой Чёрный Шип, то знали и что он делал, и на что способен. Ни один из них не собирался добровольно умирать первым.

— Думаю, вы обо мне слышали, — сказал Бетрим. — Думаю, вы выбрали не того. Нельзя требовать награду, если ты сдох, а Чёрный Шип знаменит не тем, что оставляет в живых людей, которые на него напали. Последний шанс, парни. Валите-ка отсюда.

Они нервно переминались с ноги на ногу и испуганно смотрели на него. Некоторые многозначительно поглядели на других, но никто затею не бросил и к работе не вернулся. Похоже, пятьдесят тысяч — это большая куча монет.

— Чё тут происходит? — голос Арипа прогремел над кораблём с таким командирским духом, который может обеспечить лишь капитан. Рилли прыгнула с бака на палубу и пристально осмотрела каждого по очереди. И каждый отводил взгляд от её карих глаз, пока очередь не дошла до повара. Быстро, как змея, рука кока метнулась вперёд, схватила Рилли за хвост тёмных волос и подтащила к нему; его мясницкий нож оказался у её шеи.

— Кэп, я тя уважаю, — сказал Кривобровый, — но съебись отсюда. Эт тут Чёрный Шип, и так случилось, что стоит он больше, чем весь твой корабль. Чёрт, да даже за половину от того, что мы с него получим, мы сможем прикупить свой корабль, вдвое больше и быстрее "Невесты". Те надо тока отойти в сторону, и с Рилли всё будет в порядке.

— Джонас, эт вроде как мятеж. Я сам тя повешу, — пригрозил Арип.

— Давай, кэп, а я прирежу Рилли, как свинью.

И чтобы подчеркнуть свои слова, повар прижал нож к шее девчонки. Кровь потекла по острому металлу и закапала на палубу. От такого большинство известных Бетриму девушек начали бы плакать, но Рилли была из другого теста.

— Убери чёртов тесак от моего лица, пугающая гора пастозного мяса! — закричала она. На белом одутловатом лице кока появилось выражение полного недоумения, но он не шевельнулся. Мясницкий нож остался у шеи девчонки.

Арип посмотрел на Бетрима, Чёрный Шип посмотрел на старого друга в ответ и слегка качнул головой. Он бы ещё и подмигнул, да вот только нынче у него остался один глаз, и он не хотел даже на миг упускать ситуацию из вида. По правде говоря, последнее, что было нужно Бетриму, это обвинения в смерти Рилли. Арипу явно было больно отступить в сторону, но он отступил и оставил Бетрима выпутываться самостоятельно.

Теперь Бетриму нужно было всего лишь убить шестерых моряков, не поранив Рилли, несмотря на его не лучшую форму. Где-то в глубине души Бетрим знал, что прошлогодний Чёрный Шип пошёл бы на такое. Он бросился бы вперёд, размахивая топором, прорубаясь через врагов. Но за последний год в нём что-то изменилось, и дело было не только в его ослабленном состоянии. У Бетрима больше не было прикрытия, команда ему уже не поможет. Сильный, командирский вид Босса, неистощимая сила Мослака^[4], тихая и смертоносная жажда крови Генри, неизменные способности Шустрого. Их уже нет, теперь он остался один, и шансы ему не нравились.

Бетрим услышал крик сзади-снизу — кто-то на пирсе. Он повернулся и прыгнул, перескочив через поручень. Какой-то частичкой разума он осознал, что далеко не так быстр, как когда-то, и что один из моряков бросился за ним следом. С тяжёлым ударом Бетрим приземлился на доски пирса на четвереньки. Его правая рука с натренированной точностью вынула топор с пояса. Быстрый моряк коснулся пирса мигом позже, и споткнулся при приземлении. Первый удар Чёрного Шипа отрубил все пять пальцев на левой ноге мужика. Вторым мощным ударом на противоход топор глубоко врубился в кричащее лицо моряка. Бетрим не стал проверять, жив ли тот ещё, а просто оттолкнул его плечом и помчался по пирсу в сторону Солантиса, и всё время его преследовали крики пятерых оставшихся моряков.

Как и любой чёртов док из тех, что в своей жизни видел Бетрим, док Солантиса являл собой неразбериху людей, ящиков, скотины и медленно закипающего насилия. Он крикнул людям впереди — бессловесный вопль, который, по его мысли, должен был сообщить народу что-то вроде: "нахуй с дороги!". Люди повернулись и в замешательстве посмотрели на него. Некоторые суть поняли и принялись толкать других, чтобы освободить пространство, другие просто стояли, развесив рты. Бетрим всем своим весом бросился в толпу. Люди спотыкались, падали, очухивались, толкались в ответ, некоторые даже кричали, но большинство просто старалось сдвинуться. Наконец Бетрим высвободился из толчеи, город Солантис растянулся перед ним, и он понял, что понятия не имеет, куда направляется. По правде говоря, Солантис был одним из тех немногих мест в Диких Землях, где Бетрим никогда не бывал — вроде как раньше и повода-то не находилось.

Крики сзади предупредили Бетрима, что его по-прежнему преследуют. Он вытянул шею и увидел моряков, проталкивавшихся через толпу. Один из них застрял посреди покорно смотрящих животных, белых с чёрными пятнами. Или, может, они были чёрными с белыми пятнами. В любом случае, звери были здоровенными и шевелиться не спешили.

Бетрим начал отступать. Несколько наёмников развлекались, наблюдая за ним без особого интереса.

— Эти люди меня преследуют! — сказал он наёмникам.

Самый большой из них фыркнул и посмотрел на толпу.

— Ага, похоже на то.

Поняв, что собрался искать помощи у местных правоохранительных органов без денег, чтобы заплатить за неё, Бетрим развернулся и побежал. Он уже потерял немало времени, и моряки нагоняли.

Перед Бетримом по обе стороны улицы маячили здания. Приземистые штуки, низкие и уродливые, построенные из необожжённого бурого камня. Он сомневался, что хотя бы в одном есть больше пары комнат, а уж роскоши точно нет ни в одном. Зато там, снаружи зданий, были лестницы, ведущие на плоские крыши. На некоторых крышах под полуденным солнцем сушилась мокрая одежда. На других на стульях сидели люди и смотрели, как на улицах под ними двигается мир. На некоторых крышах стояли открытые бочки, несомненно, полные воды, а на некоторых не было ничего. Бетрим не особо задумывался, почему здания так строили, он поднялся по первой же лестнице, перепрыгивая по две ступеньки за раз, и быстро добрался до крыши, где не стал останавливаться. Гигантским прыжком он перемахнул на соседнее здание, споткнулся и покатился кубарем. В следующий миг он вскочил на ноги и глянул назад. Один из моряков как раз поднимался по лестнице на первую крышу. И снова Бетрим повернулся и побежал, перепрыгивая с крыши на крышу, а два мужика преследовали его сверху и два снизу по улицам, перекрикиваясь, чтобы не отстать.

Резко остановившись, Бетрим сменил направление и бросился налево. Преследователям на крышах это дало лишнюю секунду, зато моряки на улице потеряли его из виду, и им пришлось мчаться наперерез по переулкам, чтобы не отстать. Всем известно, что переулки Солантиса — опасные места. Всегда есть те, кто готов пырнуть кого-нибудь за пару бронзовых монет, или за что угодно, что можно снять с трупа.

Маленькие здания закончились, и им на смену пришли многоэтажные строения из хорошего серого камня. Бетрим скользнул направо и перепрыгнул узкий переулок. Внизу он слышал крики мужика, пытавшегося не отставать, но проигнорировал их. Он нацелился на одно большое здание с балконом — если получится правильно рассчитать прыжок, то можно будет пробраться внутрь.

У Бетрима всегда были проблемы с погонями, и хотя обычно он был среди тех, кто догоняет, но он просто был не создан для такого. По правде говоря, Чёрный Шип вообще не очень-то годился для бега — он годился для сражения и убийств. Он чувствовал, как от каждого вдоха горят лёгкие, чувствовал, как ноги ноют от напряжения. Он едва не решил прекратить погоню и наброситься на четверых моряков, но тут время вышло, и стало некогда об этом думать. Балкон оказался прямо перед ним, а инерция не давала возможности передумать.

С хрипом Бетрим бросился в сторону нависающего балкона. Похоже, тот оказался дальше, чем он рассчитывал, и на один захватывающий миг Бетрим не сомневался, что рухнет. Жуткий образ мелькнул в голове Бетрима: он валится на улицу, и четыре моряка стоят над ним. Впрочем, образ исчез, когда Бетрим ударился грудью в каменные перила балкона. Прежде чем он осознал, что едва не промахнулся, Бетрим принялся карабкаться, дёргаться, толкаться и, наконец, перевалился на балкон. Услышал, как позади в камень ударилось тело, и решил не проверять, получился прыжок у моряка или нет.

Бетрим пробрался через тонкую занавеску и обнаружил двух женщин, тарасившихся на него. Обе голые в кровати. Одна женщина, с кожей чёрной, как ночь и сосками размером с виноградины, сидела на другой. Обе были в ужасе. Бетриму показалось, что в сцене что-то слегка не так, но он не собирался останавливаться и задавать вопросы, как бы сильно ему

этого ни хотелось.

Он врезался плечом в дверь на другом конце комнаты и обнаружил лестницу, ведущую вверх и вниз. Он выбрал верх и бросился по ступенькам так быстро, как только позволяли измученные ноги. Лестница закончилась на верхнем этаже, и впереди тянулся длинный коридор с дверями на каждой стороне — все были закрыты, и несомненно заперты. На дальнем конце коридора виднелось единственное окно с открытыми ставнями, в которое задувал прохладный воздух снаружи.

Хромая, Бетрим побежал к окну. Похоже, его лодыжка где-то подхватила ноющую боль — неясно, когда это случилось, но хорошего тут было мало. До окна он добрался, как раз когда один из моряков появился на верхних ступенях лестницы и крикнул вниз остальным. Не думая, Бетрим выбросился из окна.

На пути вниз Бетриму пришло в голову, что неплохо было бы посмотреть вниз перед прыжком. Вблизи не было зданий, на которые можно было приземлиться. На самом деле, вблизи не было ничего, кроме жёсткого камня улицы тремя этажами ниже. А ещё нескольких ящиков неприятного вида. Бетрим решил нацелиться на ящики — не то чтобы у него были какие-либо возможности контролировать падение.

Раздался шум — вроде треск или грохот — и пришла боль. Такая боль, которая разом пронзает всё тело. По ощущениям — в точности как если приземлишься на что-то твёрдое, упав с большой высоты. Но всё-таки, похоже, что-то несколько замедлило его падение, поскольку у него было ноющее чувство, что он ещё не мёртв, хотя всё удивительно потемнело, и повсюду был чуждый, мускусный, лёгкий запах.

Что-то острое и болезненное начало царапать лицо Бетрима, его рука дёрнулась и схватила это. Спустя мгновение он открыл глаза и обнаружил, что на самом деле попал в ящики, и на самом деле умудрился уничтожить их все. Рядом стоял мужик и извергал такие проклятия, каких даже Бетрим раньше не слышал. А та штука, которая царапала его лицо, оказалась курицей, и к тому же весьма напуганной. Она напомнила Бетриму его родителей на ранчо в Сарте, так много лет назад, напомнило ему ссору с ними, напомнило, как та ссора привела к их смерти.

Сверху раздался крик, и Бетрим отпрыгнул, когда с неба с тошнотворным хрустом свалился моряк — как раз в то место, где только что лежал Чёрный Шип. Человек не шевелился, просто лежал изломанный и булькал последние вздохи. Бетрим аккуратно поставил курицу на землю и захромал прочь.

Он шёл по широкой улице с множеством каменных зданий по обеим сторонам — дома, магазины, одна таверна. Не сказать, что на ней было многолюдно, но и пустой улица не была. Ходили люди, некоторые останавливались посмотреть на окровавленные останки моряка, а некоторые просто игнорировали всё, словно смерть была для них обычным делом, и скорее всего, это было недалеко от истины. Несколько наёмников, из тех, что считались в городе полицией, стояли рядом, смеялись и шутили, глядя на труп. Бетрим проигнорировал их всех. Если бы он только мог убраться подальше, он бы...

— Шип! — Бетрим узнал голос, принадлежавший моряку с кривой бровью. Повернулся и понял, что не ошибся. Тот бежал к нему, тяжело дыша и держась за бок. Похоже, не один Бетрим не привык к бегу. Кок хромал следом за Кривобровым, а третьего моряка выбросил из двери здоровенный наёмник, у которого дёсен было больше, чем зубов. Третий моряк отряхнулся от пыли, осмотрелся и примкнул к повару и Кривобровому.

— Пора те притормозить!

Бетрим ухмыльнулся, хоть и сомневался, что это выглядит так же угрожающе, как обычно, поскольку всё ещё тяжело дышал.

— Думаю... я бы ещё побегал. А ты?

Кривобровый прорычал Бетриму:

— Думаю, ты трус.

Ухмылка испарилась. Бетрим Шип был известен многими вещами, но трусости в этом списке не было. А он знал, что в тот миг, как он позволит этому херу свалить, называя его трусом, и вскоре уже все станут делать то же самое. А потом пройдёт немного времени, прежде чем те же люди попытаются его убить. Таковы правила игры в Диких Землях: люди без громких имён вечно стараются пришить людей с громкими именами, и, по правде говоря, не было имён громче, чем Чёрный Шип.

Говорить вроде больше было нечего. Бетрим надел на лицо бесстрастную маску, взял топор в правую руку, а кинжал с пояса в левую. И пошёл на троих моряков.

Все трое стали разделяться, пытаясь окружить его, но Чёрный Шип не был мальчишкой, зелёным, как трава, и знал, как драться. С яростным бессловесным воплем он бросился на Кривобрового. Моряк, казалось, одновременно удивился и испугался, но умудрился увернуться от первого взмаха Бетрима, а на втором отбил его топор абордажной саблей. Бетрим уже собирался пырнуть его в лицо кинжалом, когда кок махнул в его сторону тяжёлым мясницким ножом. Бетрим отклонился вправо от полосы металла, и чуть не наткнулся на оруduющего кинжалом моряка, который, видимо, рад был кого-нибудь пырнуть.

Это был молодой моряк, с кинжалом-то. Сложно было сказать точно, но Бетрим решил, что он только что достиг зрелости. На лице у него было жадное выражение, какое бывает у пацанов, когда они хотят совершить своё первое убийство. До того, как поймут, что убийство не сделает тебя мужчиной, не даст тебе имени, не даст ничего — только другой человек умрёт. Бетрим уронил топор, схватил атакующую руку моряка своей правой, а ножом, зажатым в левой, трижды ткнул ему в шею. Топор он подхватил ещё прежде, чем тело упало наземь. Два оставшихся врага уже выглядели далеко не так самоуверенно.

Кок что-то пробубнил Кривобровому, возможно на другом языке, сложно было сказать. Кривобровый сурово посмотрел на Бетрима, а затем взглянул на кока.

— Двадцать пять тыщ! — Кок кивнул, а потом они оба пошли на Бетрима.

На этот раз оба моряка атаквали вместе. Бетрим отбил саблю топором и отпрыгнул от ножа, отступая перед нападавшими. Он видел, что вокруг собирается толпа — все наблюдали, словно он сражался на арене Солантиса. Наёмники стояли и смеялись, делая ставки на исход, и никто не стремился вмешаться. Солантис не славился порядком на улицах, и здесь тому было подтверждение.

Они снова напали, и на этот раз Бетрим отразил мясницкий нож, уклонился от сабли и рубанул кинжалом по Кривобровому. Моряк отпрыгнул назад, и Бетрим бросился между ними. Заставил их повернуться, чтобы не выпускать его из виду. Два моряка снова одновременно бросились, не понимая тактику Бетрима. По правде говоря, тактики там особой не было, он просто хотел, чтобы они продолжали ничего не понимать.

С коком была проблема. Он хорошо обращался с этим мясницким ножом, и Бетрим не сомневался, что если прибить кока, то Кривобровый побежит. Не то чтобы Чёрный Шип собирался дать ему шанс сбежать.

Бетрим почувствовал что-то влажное на груди, не похожее на пот, тёплое и липкое. Он

глянул вниз и увидел неглубокий порез, из которого на белую рубашу сочилась красная кровь. Дюймом ниже, и отхватил бы сосок, хотя Бетрим и не понимал, зачем мужчинам соски. Вот женские соски другое дело — на женской груди на них и посмотреть приятно, и поиграть с ними. Бетрим никогда не видел смысла играть со своими сосками. По правде говоря, большую часть времени он о них вообще не помнил.

Странная мысль пришла в голову Чёрному Шипу, так что он прокричал:

— Вы убили Рилли?

Кок покачал головой, но ответил Кривобровый:

— К ней и к кэпу у нас вопросов нет. Только к тебе, Шип.

Это было хорошо, по крайней мере не нужно было мстить за дочь друга. Глаза кока расширились, он издал приглушённый крик, всё его тело напряглось и содрогнулось, а его нож упал наземь. Из рта у него полилась кровь, и Бетрим не сразу понял, что из груди мужика торчат два кончика кинжалов; кровь растекалась по его запятнанному фартуку. Чёрный Шип не стал терять времени и метнул топорик в Кривобрового. Топор попал моряку прямо под шею, вонзившись с глухим мясистым чпоком, и сбил Кривобрового на землю. Бетрим решил, что тот умер, ещё не коснувшись земли.

Кончики кинжалов исчезли из груди кока, и тот перестал дёргаться. Мгновение спустя его тело рухнуло на землю, как мешок с мясом без костей. За трупом стояла маленькая женщина и с жестокой улыбкой разглядывала кровь на своих кинжалах-близнецах.

Женщина была невысокой и стройной, но явно гибкой и сильной. Её волосы были длиннее, чем Бетрим когда-либо у неё видел — уже касались плеч — но всё такого же цвета пыли, как и всегда. Глаза как холодные голубые озёра, а шрам на губе по-прежнему горделиво изгибал её рот в постоянной усмешке. Бетрим отметил, что она уже не носила кожаную одежду. Вместо этого на ней была белая мешковатая льняная рубаша и мужская пара простых коричневых штанов. Пара крепких сапог доходила ей почти до колен.

Спустя долгое мгновение женщина прекратила восхищаться кровью на кинжалах и посмотрела на Бетрима. Изогнула бровь, увидев, что он таращится на неё. Какой-то тревожный миг Бетрим думал, что она поймёт, что он вспоминал, как она выглядит голой — чертовски хорошо, кстати, если память его не подводила.

— В чём дело, Шип? Обнимашек не будет? — сказала женщина с грязной ухмылкой, от которой Шип против воли улыбнулся.

— Убери кинжалы, Генри, и, чёрт возьми, я тя хоть расцелую, коли хошь.

— Тока если не в губы.

Генри вытерла кинжалы и убрала в ножны на поясе. Бетрим подошёл поближе и обнял её маленькую фигурку своими большими руками. Она слегка предостерегающе пискнула, но не пырнула его. По правде говоря, Чёрный Шип обычно не обнимался, но чувствовал, что сейчас это то, что надо.

Когда он её отпустил, она на него пристально посмотрела.

— Блядь, Шип, да я пошутила про обнимашки. — Она ухмыльнулась ему. — Хотя, коли хошь...

— Генри, — донёсся грубый командный голос справа от Бетрима. Он обернулся и увидел, что один из наёмников стоит с самым невозмутимым видом. — Вроде я грил те, чтоб больше никаких убийств.

Генри подмигнула Бетриму и шагнула в сторону наёмника. Было почти забавно видеть, как большой мужчина поспешно отступает перед такой маленькой женщиной.

— Не было никаких убийств, Кайн. Грохнула по-простому, да и всё. Эти тупые ублюдки напали на моего доброго друга. Просто помогала ему.

Наёмник, Кайн, перевёл взгляд с Генри на Бетрима.

— Чем планируешь заняться в Солантисе, моряк?

Бетрим сплюнул.

— Для начала избавлюсь от этих ебучих моряцких шмоток. А потом — не твоего ума дело.

Генри отвернулась от наёмника и ухмыльнулась Бетриму. Почему-то он никак не мог перестать представлять её голой, а потом решил, что это всё оттого, что прошло чертовски много времени с тех пор, как он был с женщиной, с любой женщиной. Бетрим подумал, что неплохо бы как-нибудь поскорее найти бордель... и денег, чтобы расплатиться.

— Пойдём, Шип. Отведу тебя в своё заведение, — сказала Генри, повернувшись и не уделяя больше внимания наёмнику.

— У тебя есть заведение? — Бетрим не смог скрыть удивление в голосе.

— Ага. Заведение.

Генри

Приятно было снова увидеть Шипа, хоть и выглядел он неслабо потрепанным. У Генри всегда было мало друзей, и тех, что были, она обычно отпугивала. Впрочем, Шип был не из таких. Даже когда они только сошлись, даже когда она его пырнула ножом.

Это было единственным, что им не удалось оставить в прошлом. Шип, похоже, воспринял тот удар близко к сердцу. Похоже, думал, что если они снова займутся сексом, то она снова его пырнёт. Но для Генри всё было не так. Даже тогда Чёрный Шип был громким именем, одним из самых громких. Имя Генри было на подъёме — шли слухи о женщине, убивающей людей в Чаде. Конечно, некоторые из тех слухов ещё говорили, что она чудная, и Генри это не особо нравилось.

Чёрный Шип тогда сидел один в таверне — в одном из обычных охотничьих уголков Генри. С мрачным выражением на обожжённом, покрытом шрамами лице, которое отпугивало самых мерзких людей из тех, кого знала Генри. Но она не испугалась. Генри никого не боялась, даже ту суку, Мастера Клинка, которая оставила её болтаться над Йорлом.

Купила Чёрному Шипу пару пива, а потом привела к себе в номер. Хотела посмотреть, что может сделать человек с таким громким именем, и, по её воспоминаниям, она осталась довольна. Проблема была в том, что её слегка занесло, и ей захотелось узнать, кровоточит ли Чёрный Шип, как все остальные. Так что посреди процесса она пырнула его в бок. Порез был неглубокий и не смертельный, и даже не помешал Чёрному Шипу кончить — всего лишь пустила ему кровь, да оставила шрам на память о себе. Оказалось, что кровоточит он в точности как любой, кого пырнула Генри. Но с тех пор он всегда смотрел на неё так, словно она снова собирается его пырнуть. Но она уже увидела всё, что хотела, и не было смысла повторять. Впрочем, потрахаться она бы не отказалась — нечасто доводилось встречать человека с третьей ногой.

Генри поняла, что смотрит на него уголком глаза. Такой же высокий, как и прежде, но

похоже, потерял в весе. Раньше волосы у него были длиннее, чем у неё, и выкрашенные в чёрный цвет, но теперь они были короткие и рыжие. Генри нравился рыжий — цвет крови^[5]. Левая сторона лица по-прежнему была обожжённой, сморщенной, расплавленной, но теперь левый глаз закрывала повязка.

— Его нет? — спросила она.

Шип повернул голову, чтобы взглянуть на неё — и ему пришлось сильно поворачивать, поскольку Генри шла слева.

— Глаз? Ага, нету.

— Чё случилось? — спросила она, сильно заинтригованная тем, что под повязкой.

— Арбитр его вырвал.

Генри гортанно прорычала — ей эти охотники на ведьм нравились примерно как Шипу, то есть она испытывала к ним нечто среднее между ненавистью и жуткой ненавистью.

— Тот самый? Что с ним?

— Танкуил помер. Но это был не он. Другой, — сказал Шип, и, похоже, тема ему не очень-то нравилась.

— А чё с его шлюхой? Тоже сдохла?

Шип выглядел нерадостно, но по его лицу сложно было сказать наверняка.

— Джеммет... Ага. Тоже мертва.

Генри сплюнула и ухмылка расплылась на её лице. Похоже, денёк нынче хороший.

— Охуенное избавление.

Шип не ответил; так и шёл в тишине с этим своим несчастным лицом. Спустя какое-то время снова заговорил.

— Гляжу, ты в Солантисе ориентируешься. Давно ты тут?

— Полгода или типа того. После Хостграда... После того, что случилось с Боссом, я сбежала в Чад. Думала, найду новую команду, или... хер знает. Думала, все уж точно окажутся там. Вышло так, что не оказались. — Генри помедлила, чувствуя как стискиваются зубы. Почувствовала, как гнев разгорается настолько сильно, что ей захотелось закричать. Захотелось пырнуть кого-нибудь. Боль в правой ноге снова запылала — нынче она становилась постоянной. Постоянная ноющая боль, которая иногда становилась сильнее и заставляла хромать.

— Почему Солантис? — спросил Шип. Он смотрел на неё одним глазом, с этим своим бесстрастным выражением на лице.

Генри приглушила гнев, прежде чем ответить.

— Место вроде не хуже других. Работы полно, если кому надо. Народу полно. Законов не очень много. — А ещё она здесь родилась, но ей не хотелось этого признавать. Такое никому признавать неохота.

Она остановилась перед таверной под названием Собачий Смех. На вывеске была нарисованы смеющиеся собаки^[6], воющие на луну над равнинами. Не самое весёлое название, но в Солантисе вообще весёлого было мало. По правде говоря, здание было дерьмовым. Частично деревянное, частично из бурого камня. Два этажа и винный погреб, кухня и зал на первом этаже. На втором четыре спальни. Когда-то эти комнаты снимали, но сейчас уже нет.

Перед дверью валялся пьянчуга, прислонив голову к стене таверны. Он баюкал пустую бутылку, словно это был новорождённый младенец. Генри хотела было пнуть его по башке, но решила, что он от этого даже не проснётся. Прогорклый затхлый перегар от него она

чуяла даже отсюда.

— Добро пожаловать в моё заведение, — сказала Генри, ухмыляясь.

— Чего? Ты владеешь таверной? — удивление в его голосе переполнило Генри гордостью.

— Ага, — сказала Генри, всё ещё ухмыляясь. Шип таращился на неё, раскрыв рот, но она не собиралась его останавливать. Вместо этого она осмотрела свою маленькую таверну и почувствовала себя такой довольной, что гнев улетучился.

— Так ты расскажешь, как дошла до такого? — спросил Шип.

Генри глубоко вздохнула, просто чтобы растянуть удовольствие, просто чтобы попудрить ему мозги.

— Ага, наверно. Думаю, за пивом оно получше прозвучит.

— Пиииииииииво... — пробулькал пьянчуга с земли, возвращаясь к жизни от звуков об алкоголе.

Шип засмеялся, хотя звучало это больше похоже на скрежет кинжала по камню.

— Я-то думал, ты сдох.

Пьянчуга открыл глаза и покосился на Шипа и Генри. Подо всей этой грязью от сна на улице он вроде был симпатичным.

— Послушайте, — пробулькал он, указывая куда-то в сторону Шипа, — Милостивый государь, я готов на всё за выпивку, и я имею в виду всё что угодно. Я с радостью подую в вашу трубу.

Генри пришлось сдерживаться от смеха, но Шип выглядел озадаченно.

— Чё за хуйню он несёт?

— Подую в вашу трубу, — снова сказал пьянчуга. — Сыграю на вашей дудочке. Пососу вашу сосисочку... э-э-э... — Пьянчуга запнулся и умолк.

Теперь Шип выглядел не столько озадаченно, сколько рассерженно.

— Ты какой-то не такой что ли?

Пьянчуга посмотрел вверх с невинной улыбочкой на лице.

— Что? Я? Нет. Разумеется, нет... если только вы не из этих. В таком случае конечно. Почему бы нет.

— Чего? — Генри посмотрела на Шипа. На его лице было выражение, будто он хочет что-нибудь ударить. Генри отлично знала это выражение, оно было одним из её любимых. Но было что-то в этом пьянчуге... что-то с его лицом.

— Шип. Кажись, он чистокровный, — сказала Генри, по-прежнему ухмыляясь от уха до уха, по-прежнему сдерживая хохот.

Шип уставился на пьянчугу, его лицо снова стало бесстрастной маской. Его всегда легко было отвлечь.

— Похоже, ты права.

— Никогда не была с чистокровным, — протянула Генри. — Ты только хуй сосёшь, или с пиздой тоже справишься?

Пьяница перевёл мутный взгляд на Генри, и его лицо осветилось симпатичной улыбкой.

— Ради вас, миледи, я сделаю всё, что угодно... Ну, ради вас и ради выпивки. Я подниму вас к высотам наслаждения. Заставлю задрожать землю. Заставлю вас узреть Богов.

— Да ты чё. — Генри понравилось, как он болтает — причудливо и красноречиво. Впрочем, признаваться в этом кому-либо она не собиралась. — Внутрь, оба.

В таверне было малоллюдно, но тут редко бывало людно до темноты. Респектабельные

люди сюда не ходили — не то чтобы в Солантисе было много уважаемых людей. Ну а здесь обычно ошивались воры, преступники и наёмники. Комбинация опасная, как пить дать, но все держали себя в руках из-за страха. У Генри была репутация, было имя, и нынче оно было почти такое же громкое и тёмное, как у Чёрного Шипа.

— Джозеф, — крикнула она мужчине, который присматривал за заведением. — Это Шип. Он мой старый друг. Дай ему всё, что захочет. Я буду в подсобке.

Она схватила пьянчугу за рубаху и потащила, прежде чем тот начал спрашивать Джозефа о выпивке. Уголкем глаза она заметила, как Шип рассмеялся и уселся, как можно дальше от двери и спиной к стене.

Генри открыла дверь подсобки, втокнула внутрь чистокровного пьянчугу и закрыла дверь за собой. Поставила пьяницу на колени, прислонилась спиной к двери и расстегнула ремень, дав штанам упасть и оставшись обнажённой от пояса, за исключением сапог — понадобилось бы столько времени, чтобы их снять, что она и думать бы о них не стала.

— Ну, валяй, приступай.

Пьянчуга немного покачался на коленях, а потом сфокусировал взгляд на её промежности.

— Насчёт той выпивки.

— После упьёшься, как захочешь.

— Ясно, — с ухмылкой сказал пьяница и страстно принялся за дело. Вскоре Генри намокла, и по мере того, как чистокровный целовал, лизал и посасывал её пизду, обнаружила, что мурлычет, словно кошка. Для равновесия она схватилась за дверной косяк и приподняла правую ногу, чтобы ему было удобнее. Он тут же с хлюпаньем принялся водить языком внутри неё.

Это всё Шип виноват. Странно думать об уродливом ублюдке, когда внутри неё язык чистокровного, но так уж оно и было. Увидев его, она снова подумала о том, как встретила с ним впервые, и как он её завёл. Прошло уже много времени с тех пор, как её трахал постоянный мужик — по правде говоря, после Босс никого и не было. Ну и три месяца в постели, без движения, тоже могли привести к такому.

Дрожь наслаждения пробежала по ней, и Генри испустила громкий неровный стон. Что-то влажное потекло по её левому бедру. Слишком много времени прошло с тех пор, как кто-то другой доставлял ей удовольствие.

— Знаете, — сказал пьянчуга, отводя лицо. Генри увидела, что его рот и подбородок влажные, и он вытер их рукавом. — С выпивкой в моей голове это будет намного проще.

Генри поняла, что задыхается, и отвечать ей пришлось между вздохами.

— Да ёб твою мать, уж почти всё. Давай уже. — Она схватила затылок чистокровного и ткнула его лицо себе в промежность. Он понял намёк.

— А я-то почти и забыл, как ты громко орёшь, — сказал Шип из-за стола, когда Генри появилась. Она всё ещё чувствовала, как часто бьётся её сердце, но теперь это уже заканчивалось. Выражение лица Шипа напоминало улыбку, но по нему сложно было что-либо сказать.

— Ничё не могу поделать. Мне нравится открыто выражать свои чувства, — ответила она, по-волчьи ухмыляясь и показывая как можно больше зубов.

Спустя несколько мгновений пьяница сел рядом с кружкой пива в каждой руке и довольным видом на симпатичном лице.

Генри отметила, что Шип прищурил глаза, глядя на пьянчугу.

— Я решила его не гнать, — сказала она им обоим.

— Он так хорош? — спросил Шип, по-прежнему буравя пьянчугу взглядом. Генри лишь хмыкнула в ответ. — У него есть имя?

— Э-м-м... — Генри не пришло в голову спросить.

— Есть, милостивый государь. Я имею честь называться Андерсом. И совершенно точно большая... хм... честь для меня познакомиться с вами, мистер Чёрный Шип.

Генри увидела, что правая рука Шипа тянется к топору. Её собственная рука прикоснулась к рукояти кинжала. Ей не хотелось убивать Андерса, да ещё в своей таверне, хотя в красном цвете заведение выглядело бы неплохо.

— Объясни-ка, откуда знаешь моё имя, — спокойно сказал Шип.

— Хм, — проворчал Андерс с полным ртом пива, а потом сглотнул, увидев обнажённое оружие. — Несложно прийти к такому заключению. Эта милостивая госпожа называла вас Шипом. — Генри нравилось, когда её называют госпожой. Так она чувствовала себя кем-то важным, или что-то вроде того, но она не собиралась этого показывать. Не тогда, когда ей, возможно, придётся убить чистокровного ублюдка. — Принимая во внимание ваше... хм... лицо. Вы, должно быть, Чёрный Шип, прославленный убийца и вор. — Андерс закончил ухмылкой, а потом снова набрал полный рот пива, словно это был его последний глоток.

Шип не выглядел убеждённым, но всё равно убрал топор. Генри последовала его примеру.

— Чтоб без резких движений, — сказал Шип Андерсу. Тот лишь улыбнулся в ответ улыбкой пьянчуги.

— Так Генри, как те досталось это заведение? — сказал Шип, откидываясь на спинку стула к стене. Своим одним глазом он уставился на неё.

Генри фыркнула.

— После... — она снова почувствовала, как поднимается гнев, и решила, что некоторые истории лучше начинать с середины. — После того, как я приехала в Солантис, начала тут ошиваться. Вроде ничё так местечко, и никто особо не парится, если кто-то из местных вдруг пропадёт. Иногда эт единственный способ поднять денегат. Заправляла тут пожилая дама, вся такая сморщенная. Называла себя Элисс, и эта старая сука вроде как привязалась ко мне. Говорила, что увидала во мне себя в молодости. Пустила жить здесь, ага, и сказала, что могу работать, если тока перестану убивать за деньги. Где-т месяц спустя она просто сказала, что заведение теперь моё. И Джозефу тож сказала, а потом просто собралась и свалила. И не возвращалась, так что... заведение моё.

— Никогда не думал, что ты из тех, кто станет заправлять таверной, Генри, — сказал Шип. — Изувеченной рукой он почёсывал вокруг глазной повязки. — И не думал, что ты знаешь, как это делается.

— Блядь, Шип, я никакого понятия не имею, как заправлять заведением. Просто даю Джозефу ошиваться тут с напыщенным видом, словно чё-то понимаю. — Они оба посмеялись. Андерс поднял глаза на весёлые звуки, немного поводит кружкой и снова положил голову на стол.

— Так Шип, у тя план-то есть? — спросила она его.

— Слегка намахнуть разве на план не похоже?

— По-моему, ты легко можешь надраться в говно не хуже Андерса.

Шип улыбнулся, по крайней мере Генри решила, что это улыбка, и по правде говоря, она казалась немного грустной.

— Я уже не пью, как раньше, Генри. Но коль у ты найдётся пара монет займа, я бы почистился, да одежку нормальную прикупил, а после нашёл бы работу.

— Ага, — Генри снова по-волчьи ухмыльнулась. — Одно условие. Возьмёшь Андерса и приоденешь.

Шип громко застонал, но всё равно согласился.

Шип

По правде говоря, Андерс отлично приоделся. Смыв грязь, пот и старую выпивку и надев нормальную одежду, он стал выглядеть почти как настоящий член чистокровного семейства. Он убрал тёмные волосы в длинный хвост, сбрил щетину, открыв сильный подбородок и высокие скулы, и подобрал себе простой комплект кожаной одежды для верховой езды и старый, потёртый зелёный плащ. Ещё он настоял на покупке старой рапиры, которую повесил в ножнах у правого бедра. Бетрим спросил, что случилось с его предыдущим мечом, но Андерс настаивал, что понятия не имел — просто проснулся как-то утром, а его уже не было. Скорее всего, проснулся он в канаве, а меч украли.

Сам Бетрим помылся, побрился налысо — теперь, когда волос было мало, они только досаждали. Потом купил себе лёгкую подбитую кожаную куртку и тяжёлый бурый плащ. Что хорошо в большом плаще — всегда много мест, куда можно спрятать ножи. Чёрный Шип давно решил, что раз не знаешь, когда придётся кого-то хорошенько пырнуть, то лучше всегда носить с собой достаточно острых предметов, чтобы хватило пырнуть всех вокруг. Ещё он видел на рынке причудливую повязку на глаз — чёрный кружок кожи с красным камнем в центре, который выглядел, словно блестящий демонический глаз. Конечно, Бетрим из первых рук знал, что глаза у демонов жёлтые, и яркие, как пламя, но большинство людей этого не знали. После жаркого спора, во время которого Андерс использовал множество непонятных слов вроде "вычурный" и "зловещий", Бетрим уступил, хотя и зыркнул хорошенько своим глазом на чистокровного пьяницу.

На самом деле сейчас Андерс, идущий рядом, давал Бетриму то, чего у него раньше никогда не было — некую респектабельность. Чёрный Шип, может, и был больше года в команде с Шустрым, но в том явно была видна ублюбочная кровь. Андерс же её хорошо скрывал — выглядел почти так, словно он принадлежит чистокровному семейству, ну, если не обращать внимания на резкий запах алкоголя и пьяную походку.

— Думаю, коль ты будешь рядом, то эт откроет несколько новых дверей, — сказал Бетрим, покосившись на Андерса.

— Предполагаю, вы ссылаетесь на мою родословную, мистер Шип? — сказал Андерс. Его язык заплетался едва заметно, что производило впечатление, с учётом количества выпивки, которое он принял с утра.

— Твою... э-э... родосл... точно. Да.

— Вы предлагаете мне работу? — спросил Андерс.

— Работу?

— В вашей команде.

— Какой команде?

— Я согласен. — Андерс улыбнулся Бетриму. — Босс.

— Погоди, — Бетрим не понял, что сейчас произошло, но знал, что не хотел быть во главе никакой команды. Те, кто следовали за Чёрным Шипом, обычно кончали на том свете. — Это не команда. У меня нету команды. Просто... нужна работёнка, а если ты будешь рядом, эт может открыть некоторые двери. Ну, у тя ж вроде кровь и всё такое.

— Точно. Как скажете. Просто знайте, что я готов к работе, босс.

— Прекрати. И не называй меня боссом, — недовольно проворчал Бетрим. Андерсу сс всеми его словечками всё только усложнял.

— Простите. Я готов к работе, ЧШ.

— Че... Шэ? Чё?

— Это акроним... вашего имени. Ваши инициалы.

— Откуда ты знаешь мои инициалы?

Андерс выглядел озадаченно.

— Чёрный Шип... Ч.Ш.

— А-а. Точно. — Бетрим не привык общаться с образованными людьми. У него появилось отчётливое ощущение, что Андерс долго не протянет.

Бетрим протолкнулся в дверь Собачьего Смеха. Некоторое время его глаза привыкали к мраку внутри. Андерс проскользнул мимо неподвижного Чёрного Шипа и быстро прошёл к бару. Генри сидела за центральным столом в зале, задрав ноги на стол и ковыряясь в тарелке с беконом и свежим хлебом. Она посмотрела на Бетрима со странным выражением на лице. Шип точно не знал, что это за выражение, и что оно значит, но ясно было, что счастливым его не назовёшь.

— Год назад я бы убила за такой завтрак, — сказала маленькая душегубка, глядя на Бетрима. Во взгляде Генри было что-то от смеющейся собаки — та уж если схватит, то вряд ли выпустит. Похоже, у неё сейчас было настроение для сердитых взглядов. — А теперь у меня такой каждый день, и он мне уже не особо подходит. Вышло так, что мне хочется сушёного мяса, да чёрствого хлеба, и чё там ещё мы находили на равнинах.

Бетрим сел напротив Генри и хорошенько взглянул на бекон. Он подумал, не взять ли кусочек, но по настроению Генри было ясно, что она и пырнуть за такое могла, а Чёрный Шип не станет рисковать из-за куска бекона.

— Наверно, Генри, оседлая жизнь те не подходит.

— Джозеф, дорогой мой, — весело сказал Андерс заплетающимся языком. — Не будешь ли так любезен налить мне несколько стаканов? Я чувствую ужасную жажду.

Генри отвела взгляд от Бетрима и обрушила его на чистокровного пьяницу.

— А-а, видать, заработал на мою выпивку, да?

Андерс обернулся, его рот открылся, чтобы изрыгнуть очередную красноречивую чушь, но от взгляда холодных глаз Генри он заткнулся. Она осмотрела его сверху донизу.

— Похоже, он неплохо отмылся, — и она снова уставилась на Бетрима. — А твой плаш не чёрный.

— Подумал, пора чё-т новое попробовать, — сказал Бетрим.

— Твои волосы...

Бетрим фыркнул.

— Я так понимаю, народ ищет Чёрного Шипа. Некоторые ищут мужика в чёрном с чёрными волосами и с двумя глазами. Может, пока не стоит светить моим именем.

Генри кивнула. Андерс медленно подошёл и рухнул на стул у стола с печальным, унылым выражением на лице. Генри глянула на него, потом фыркнула и сплюнула на пол.

Бетрим тут же услышал, как Джозеф вздыхает за баром — несомненно, именно ему Генри поручила чистить пол.

— Думаю, смогу найти нам работёнку, — сказала Генри некоторое время спустя.

— Нам? Хочешь примкнуть ко мне с этой своей работёнкой? — спросил Бетрим.

Рот Генри скривился в обычной злобной усмешке, которую Бетрим уже не раз видел.

Шрам на верхней губе делал её презрительной.

— Думаю, для команды трое лучше двоих.

Бетрим покачал головой.

— Это не команда, а я не босс.

Андерс на это встрепнулся.

— Точно, Ч.Ш. Но вы говорили, что вам нужны деньги, не так ли?

— Ну... да... но...

— Значит, трое, — сказала Генри, ухмыляясь. — Думаю, монеты нам пригодятся.

Некоторые на это вздохнули бы, но Чёрный Шип был не из таких, так что он зарычал.

— Где встретимся с посредником?

Её улыбка угасла.

— С этим есть небольшая проблемка. Посредника зовут Карлстон Барроу. Заправляет игровым притоном на восточной стороне арен. Окружил себя бугаями...

— Чувствую какой-то подвох, — невнятно проговорил Андерс.

— Моё имя упоминать нельзя... вообще, — сказала Генри. — Он не очень-то меня любит из-за убийства его племянника, которое случилось несколько недель назад.

— Он этого заслуживал?

— Не многих я встречала, кто бы не заслуживал. Схлестнулась с ним, когда он бил девчонку за то, что со смехом глянула на него. С его-то прыщом на носу сложно было смотреть на него без смеха. — Она помедлила, и по её лицу медленно расплылась улыбка. — Крови из него вытекло... много.

— И думаешь, этот Карлстон нам подойдёт? — Бетриму не нравилась идея работать на человека, у которого зуб на Генри, но нужда заставит.

— Ага. Он специализируется на задачах вроде той, что мы ищем. На такой работе, в которой я и ты хороши. И методы его не пáрят. У него есть что-то вроде чести. Необычно для посредника.

— Ну ладно. Возьму Андерса, — Бетрим встал из-за стола. — Знаешь, где эти арены?

Андерс поднял взгляд, посмотрел на бар, а потом снова на Бетрима.

— Э-мм... знаю... но не думаете ли вы, что лучше нам ... э-мм... сначала выпить?

— Сразу за аренами, — сказала Генри, проигнорировав Андерса, — здоровое зданье. Не пропустишь. Куча людей снаружи, большинство вооружены и выглядят опасно. Они тя обьщут, прежде чем впустить, так что оружие оставь.

Бетрим фыркнул.

— Если смогут найти всё.

Андерс уже встал и направлялся в сторону бара.

— Джозеф, будь лапочкой, наполни это чем-нибудь крепким и дешёвым. Предпочтительно такое, чтобы было жгучим на пути вниз и спокойным на пути обратно. — И протянул бармену старую потёртую плоскую флягу.

— Чёрт, где ты её взял? — спросил Бетрим, когда Джозеф взял флягу и начал наполнять из бутылки какой-то золотистой выпивкой.

Андерс повернулся с испуганным выражением на лице.

— Знаете, я наверняка не уверен. Просто вроде как... нашёл этим утром... когда мы ходили по магазинам. Поверите ли, кто-то оставил её совершенно без присмотра в своём кармане.

Генри расхохоталась. Бетрим лишь покачал головой и пошёл к двери. Вскоре Андерс догнал его, отхлёбывая из фляжки.

Генри не ошиблась, что здание Карлстона было не пропустить. Оно выдавалось на добрых пять этажей над окружающими строениями, которые были обычно не выше жалких двух-трёх этажей. Построенное из прочного серого камня, с большими окнами и по меньшей мере двумя балконами, выходившими на улицу. На одном из балконов стоял пожилой мужчина — с небольшим избытком веса, судя по его куртке, с густой копной тёмных волос, подёрнутых сединой. В одной руке он держал трубку и смотрел на улицу так, словно оглядывал свои владения. На нём был чёрный жилет, слегка поблекший, но оттого не менее элегантный. Рядом с пожилым человеком стоял высокий гибкий человек с волосами, связанными в плотный хвост, и почти с таким же количеством шрамов на лице, как у Чёрного Шипа.

— Андерс, ты любишь делать ставки? — тихо спросил Бетрим.

Андерс осматривал улицу, переводя взгляд от одного вооружённого человека к другому. Бетрим не раз прежде видел, как люди так себя ведут, да и сам не раз так делал. Это был взгляд человека, который ожидал неотвратимого насилия и считал, что сам окажется в самой гуще.

— Если бы любил, то поставил бы на то, что это плохая идея, Ч.Ш.

— Говорил же, не называй меня так.

— Предпочитаете, чтобы я называл вас Чёрным Шипом? В этой компании?

Бетрим подумал, что тут пьянчуга прав. Он насчитал перед зданием двенадцать вооружённых бугаев, и внутри имелось, несомненно, ещё больше. И каждый на руке, на ноге или на голове носил повязку с символом, похожим на гигантскую кошку с равнин, только с сильно увеличенными клыками.

— Узнаёшь этих наёмников? — спросил он своего чистокровного спутника.

— Узнаю, — Андерс не повышал голоса. — Отряд Длинного Зуба. Широко известны своей диаметральной противоположностью пацифистам.

— Диа... чего?

— То есть полной.

— Ясно... а пацифисты?

— Это те, кто не любят насилие.

Бетриму пришлось поразмыслить, разбираясь в том, что сказал Андерс.

— Так значит, у них есть склонность бить людей?

— Именно. Ваш словарный запас очень скоро улучшится, — сказал Андерс, встревоженно улыбаясь.

— Хватит уже использовать ебанутые слова.

— Простите, босс.

Бетрим собирался сказать Андерсу, чтобы не звал его боссом, когда пожилой мужчина на балконе заметил их и кажется начал испытывать к ним нездоровый интерес, сопровождавшийся тревожными указаниями.

— Селвин, немедленно приведи сюда этих двоих.

Тот, кого называли Селвином — высокий мужчина с мышцами больше, чем у среднего медведя, — выглядел слегка озадаченным.

— Этих? — сказал он грубым голосом, тоже указывая на Бетрима и Андерса.

— Да, — сказал мужчина с балкона. По голосу чувствовалось, что он теряет терпение. — Живо!

Селвин поворчал и направился в их сторону. Глаза на затылке подсказали Бетриму, что позади него тоже немало вооружённых людей.

— Думаю, ты можешь и прав, — сказал Бетрим Андерсу. — Нащёт того, что это была плохая идея.

Андерс открутил крышку фляги и нервно глотнул.

— Мило с вашей стороны согласиться, босс. Впрочем, уже немного поздно.

Внутри здания было так же многолюдно, как и снаружи. Здесь толпились разнообразные люди, богатые и бедные, мужчины и женщины, чистокровные и простолюдины, которые делали ставки, играли в карты и в кости друг с другом или с заведением. Люди покупали выпивку, а другие им её приносили, и за всем наблюдал отряд наёмников Длинного Зуба. Насчитав десяток, Бетрим перестал считать, решив, что число вооружённых охранников намного больше двадцати, а значит, если дело кончится дракой, они с Андерсом окажутся в значительном меньшинстве.

Их вели по изогнутой лестнице, которая завивалась снова и снова, пока они не поднялись на четвёртый этаж. Там их проводили по короткому коридору с закрытыми дверями по обеим сторонам, и, наконец, провели через открытую дверь в конце. За ней оказалась роскошно украшенная комната. Большой камин с потрескивающим огнём, отгонявшим проникающий холод. Полка, набитая бумагами, которые, несомненно, что-то о чём-то говорили. Бетрим никогда не находил времени на чтение. По его мнению, всё важное можно было сказать ему в лицо.

Пол покрывал гигантский ковёр, который выглядел, как жёлтая шкура какого-то огромного мохнатого зверя с чёрными полосами. На дальнем конце ковра стоял большой деревянный стол, за которым сидел пожилой мужчина с балкона. Высокий стройный мужчина с воинским хвостом стоял неподалёку, слева от стола. Перед столом стояло два стула, и пожилой мужчина указал на них одной рукой.

Бетрим и Андерс обменялись тревожными взглядами, а потом сели. От Бетрима не уклонилось, что позади них встало четверо вооружённых мужчин.

— Ты выглядишь как человек, которому что-то нужно, — обратился пожилой мужчина к Андерсу.

На миг рот пьянчуги раскрылся, но он взял себя в руки.

— Ах, это недоразумение. Вам нужно разговаривать с ним, — он указал на Бетрима. — Он босс.

— Я не босс, — проворчал Бетрим.

— Точно. Но вы во главе, Ч.Ш.

Бетрим подумал немного.

— Наверное. Ага.

— Видите, — сказал Андерс, нервно улыбнувшись. — Я всего лишь работаю на него. Или с ним. Он во главе.

— Понимаю. — На пожилого человека это не произвело впечатления.

— Думаю, ты, наверно, Карлстон? — догадался Бетрим.

— Думаю, наверно, — Карлстон несколько раз быстро затянулся из трубки, а потом выдул дым над столом в лицо Бетриму.

По правде говоря, Чёрный Шип терпеть не мог дым. От него одежда воняла, глаза слезились и болели, он лез в нос и заставлял чихать, и во рту от него было мерзко. Он никогда не мог понять, отчего люди этим занимаются. Но некоторые, вроде Карлстона, считали, что они важнее, чем есть на самом деле, и обязательно не только курили, но ещё и других окуривали. Но всё же, Чёрный Шип был не из тех, кто показывает, что ему неудобно, даже если люди в комнате и не знали, что он Чёрный Шип.

— Грят, ты посредник, — проскрежетал Бетрим в клубах дыма. — А я вроде как работу ищу. Нас немного, но опыт есть. Можем... всякое.

Некоторое время Карлстон просто смотрел. В его взгляде читалось, что он способен на убийство и на что похуже. Такие взгляды Бетрим хорошо знал. С другой стороны Андерс явно к таким взглядам не привык. Он глотал из своей фляги с такой скоростью, что выпивка в ней могла скоро закончиться.

— Ты выглядишь знакомо, — спустя долгое время сказал Карлстон.

— Мне часто эт грят. Наверно, из-за носа, — быстро ответил Бетрим.

— Знаете, — начал Андерс. — Однажды я знал человека...

Карлстон перебил его.

— На самом деле в тебе есть примечательное сходство с одним мертвецом, который, как я слышал, как раз вчера сошёл с корабля.

— Да ну? — фыркнул Бетрим и чуть не сплюнул, но решил потренироваться сдерживаться. — Насколько мне известно, мертвецы не очень-то ходят горазды... ну, разве что в Пяти Королевствах.

— Пятьдесят тысяч золотых монет, — сказал Карлстон. Он не моргал, только смотрел Чёрному Шипу прямо в глаз.

— Звучит как куча денег, — сказал Бетрим, глядя прямо в ответ.

— Пф-ф-ф, — звук донёлся от Андерса, но и Шип и Карлстон пьяницу проигнорировали.

— Целых пятьдесят тысяч в Чаде. Знаешь, что такое для меня Чад? — спросил Карлстон.

— Очень далёкое место? — спросил Бетрим.

— Ага, и это тоже. А ещё натуральная жопа.

Бетрим чуть не рассмеялся.

— А то Солантис рай, да?

— Осторожнее, Шип. Солантис мой дом.

— А я бывал в Чаде, — объявил Андерс, хотя его никто не спрашивал. — На самом деле был там больше года назад. Прекраснейшая дама выбросила меня из окна, можете себе представить?

— Могу, — сказал Карлстон и сурово посмотрел на пьянчугу. — Думаю, я готов последовать её примеру.

— Тот факт, что ты не прибил меня, не упаковал мою голову в соль и не отправил её в Чад, говорит мне, что у ты есть для меня работёнка, — перебил Бетрим. — Чё-то, что твои ручные наёмнички сделать не могут. А ещё, что она может принести немало монет, которых хватит, чтоб не убивать меня. Так может, начнём уже болтать о том, скока ты мне заплатишь?

Карлстон улыбнулся, жестоко и широко, и покачал головой.

— Нисколько. Выполнишь эту работу, и останешься в живых.

Бетрим хмыкнул.

— Так себе стимул работать. Думаю, может, я просто исчезну, когда выйду отсюда.

Думаю, ты меня больше никогда не увидишь.

Карлстон улыбнулся и махнул рукой в сторону Андерса.

— Мы оставим здесь твоего человека. Что-то вроде гарантии.

Чёрный Шип хрипло рассмеялся.

— Оставляй. Я его тока вчера встретил, да и ваще он не особо мне нравится.

От этих слов Андерс вскинулся, на его лице было написано что-то между страхом и обидой.

— Что значит, я вам не нравлюсь?

Карлстон откинулся на стуле и уставился на Чёрного Шипа, скривив губу. Люди, которые считают себя важными, не любят заключать сделки с теми, кого считают ниже себя. Бетрим наклонился вперед, уставившись на него в ответ.

— Так как нащёт того, чтоб начать заново, тока теперь ты скажешь мне, скока заплатишь?

Андерс

— Ты взялся за работу? — сурово и спокойно спросила Генри.

— Уже получил пятьдесят золотых. Ещё сто пятьдесят по выполнению, — ответил Шип.

Они оба смотрели на Колизей, и ни один не выглядел счастливым или убеждённым.

— Неслабо, — присвистнула Генри.

— Я не был уверен, — сказал Шип. — Хрен знает, скока раньше команде платили за работу. Обо всём Босс договаривался. Моя часть редко была больше нескольких монет.

— Босс всех нас имел.

— А я-то думал, только тебя. — Шип ухмыльнулся и слегка толкнул Генри, а та ухмыльнулась в ответ. Андерс стоял за ними, наблюдая. Он чувствовал, что между ними есть какая-то история, но пока не мог понять, какая именно. Они, кажется, доверяли друг другу, по крайней мере, насколько кто-то может доверять другому в Диких Землях, но Андерс думал, что заметил следы напряжения. Он открутил крышку фляги и сделал большой глоток. Жидкий огонь полился через горло в его живот. Он с довольным вздохом прислонился к стене и продолжил наблюдать за разговорами этих двоих.

— Он нам недоплачивал. Всем нам, — Генри сплюнула на землю. — Помнишь те его укрытия? По одному в каждом городе, и он никогда не говорил нам, где они. Они были не только для того, чтоб люди оставляли ему сообщения. Босс прятал там большую часть платы. Думаю, в каждом городке у него было небольшое состояние.

— А теперь он помер, и никто не знает, где спрятаны все эти монеты, даже ты.

— Ага, — согласилась Генри. — Даже я.

— Бля.

— Не уверена, что тебе надо было браться за эту работу.

— Особого выбора там не было, — сказал Шип. — Повезло ещё, что выбрались с какой-

то платой и головой Андерса на плечах.

— Над ней висела угроза, — с улыбкой сказал Андерс, когда Генри посмотрела на него. — Хотя я принимал её стоически и с мрачной решимостью смотрел судьбе в лицо.

— Ага, — сказал Шип, не глядя. — Само воплощение мужества.

— Миледи, вы сегодня выглядите положительно очаровательно, — сказал Андерс Генри, которая продолжала на него таращиться. — Просто олицетворение Богини.

Она улыбнулась, или же презрительно усмехнулась, он точно не понял, но на какой-то миг она выглядела почти как настоящая дама. А потом она отвернулась и продолжила наблюдать за Колизеем. Андерс решил, что настоящей дамой она кажется из-за шляпы — изящной тёмно-синей кавалерийской шляпы с широкими полями, с большим серым пером, украшенным чёрными полосами. Шляпа привлекала внимание, но зато скрывала лицо.

— Слышал, Шип? Я выгляжу, как Богиня, — сказала Генри. Звучало так, будто она всё ещё улыбается, но со спины Андерс не мог знать наверняка. Он решил, что глазеть на её задницу не будет неуместно.

Шип сразу не ответил. Казалось, он что-то обдумывает, почёсывая подбородок трёхпалой рукой.

— А чё ты не мертва? — спросил он. — Ты ж говорила, что Карлстон хочет тебя убить за то, что ты пырнула его племянника. Ну так я тут из первых рук узнал, что у него есть небольшая армия. Думается, он мог бы тебя в любое время грохнуть.

— Моя таверна не на территории Длинного Зуба. Там вся земля принадлежит Сломанным Клинкам, а они не сдадут меня, судя по тому, как их капитан, Кайн, хочет сунуть в меня свой хер. Если кого угодно из Длинных Зубов увидят на земле Сломанных Клинков, это, скорее всего, приведёт к войне. А никто этого не хочет. То есть, если меня здесь никто не узнает, то я неприкосновенна. За исключением людей, которых он изредка посылает, чтоб меня грохнуть, да тока и я не беспомощная дамочка.

Шип хмыкнул.

— Пожалуй, эт объясняет шляпу. Значит, мы на земле Длинных Зубов?

Шляпа Генри покачнулась.

— Арены и всё вокруг принадлежит Брековичам. Чистокровные, которые владеют провинцией. По большей части они рады, что этой жопой заправляют наёмники, пока те платят налоги, но вот арены приносят деньги, большие деньги. Наверно, глупо было б им проходить мимо таких денег.

— Некоторых мудрейших люди частенько считают глупцами, — сказал Андерс с земли. Он не помнил, когда сел, и его слова наверняка сливались в невнятный бубнёж. — Может, нам пойти в таверну?

Генри и Шип разом обернулись, посмотрели на него и снова принялись рассматривать Колизей. Андерс вздохнул.

— Так какой план? — спросила Генри.

— Через пять дней там будет матч — два громких имени в боях на аренах. Из них верняк только один, чернокожий южанин по имени Орен. Карлстон говорит, ему верняк нравится, люди ставят много. А ещё больше ему нравится, когда верняк проигрывает — тогда люди больше теряют. Так что через четыре ночи мы проберёмся туда и накачаем этого Орена порошком, который дал мне Карлстон. Он считает, что это замедлит ублюдка, и даст другому преимущество.

Андерс прищурился, чтобы сфокусироваться, и осмотрел открытый двор, наполненный

лавками торговцев, окружавший арены. Длинные Зубы, Кровавые Руки, Восходящие Солнца Сломанные Клинки, Змеиные Глаза и многие другие наёмники. Андерс прекратил считать, сколько отрядов наёмников вокруг арен. Это была нейтральная земля, сюда мог приходить кто угодно — кто угодно и приходил. Это был подлинный кипящий котёл потенциального насилия, и на профессиональный взгляд Андерса, почти идеально отражал все Дикие Земли.

— Это работа. Какой план? — резко и тихо сказала Генри.

— Ух-х... — Шип выглядел неуютно. Он чесал шею, тревожно переминался с ноги на ногу, потом фыркнул, сплюнул и отступил, чтобы прислониться к стене возле Андерса. — Как думаешь, скока там охранников?

— Слишком много, чтоб просто поднимать шум. Слишком много, чтобы проделать всё тихо, — ответила Генри, не присоединяясь к остальным у стены. Андерс решил вернуться к рассматриванию её задницы. Из-за штанов видно было не очень хорошо, но возможно позже удастся посмотреть на неё получше. Лучше всего было бы после пары стаканов.

— А что если просто прошмыгнуть вместе с остальными, а после спрятаться там, когда всё закроется на ночь?

— Бессмысленно, Ч.Ш. — сказал Андерс с земли, радуясь, что хоть на миг может присоединиться к планированию. — Этих... хм... участников или бойцов охраняют. Держат отдельно от основной публики, в разных частях арены. Думаю, это очень похоже на клетки для рабов.

Шип кивнул с мрачным видом.

— А где рабы, там и охрана. Пожалуй, хорошо, что у нас есть четыре дня на разработку плана.

Андерс прекратил слушать планирование и вернулся к размышлениям о своём положении. Раньше он никогда не был членом команды. Он и сейчас не захотел бы становиться, да вот только Генри согласилась давать ему нализаться, пока он будет... лизать ей. А ещё ему нужно было искупить вину. Нечестно было бы выйти сухим из воды, после всего, что он натворил, в то время как всю вину взял на себя другой человек. Андерс был воспитан лучше такого. Ненамного, но по крайней мере чуть-чуть лучше. Если уж он не может сознаться в преступлении и взять вину на себя — а этого он совершенно точно делать не собирался — то он найдёт другие способы искупить вину. К тому же Генри и Шип казались не особо плохими. Они оба имели склонность к насилию, но в Диких Землях это было свойственно большинству. А ещё в них было кое-что ещё: они до сих пор были живы, несмотря на всё, что с ними случилось. И если хотя бы половина бак про Чёрного Шипа не вралась, то случилось с ними многое. Андерс считал, что друзья, имеющие привычку выживать, нынче ему пригодятся — может, и ему перейдёт часть этого умения.

— А может, канализация? — сказал Шип.

— Ты всегда предлагаешь канализацию, — ответила Генри и покачала головой.

— Канализация эт хорошо. Воняет как ад, так что за ней никто не следит.

— А ты не обращал внимания на улицы Солантиса?

— Э-э-э...

Генри расхохоталась.

— В Солантисе нет канализаций.

— Бля.

Они продолжали спорить о том, как лучше проникнуть в арены. Андерс снова перестал слушать. Вместо этого он открутил крышку фляги и снова глотнул. Пусто... пусто! Ему в

голову пришла ужасная мысль: если они не придумают способ проникнуть внутрь, то возможно, они проторчат здесь весь день. А если они проторчат здесь весь день без выпивки, то он начнёт трезветь, а этого никому из них не захотелось бы, и ему меньше всех.

Андерс закашлялся, пытаясь привлечь внимание остальных. Ни один из них не оглянулся на него, так что он попробовал ещё раз, на этот раз кашляя громче. И снова никакого ответа ни от Шипа ни от Генри.

— Эй! — Андерс понял, что почти кричит. Генри и Шип сердито обернулись. Андерс вздохнул. — Давайте вернёмся в таверну... Я хочу пить.

Шип фыркнул.

— Никуда мы не пойдём, пока не поймём, как пробраться и выполнить работу.

Андерс снова вздохнул и набрался решимости для того, что собирался сказать. Если это вернёт его в таверну к выпивке, то оно того стоило.

— Я могу провести нас внутрь.

Сузку

Чад не был похож ни на одно место из тех, что когда-либо посещал Перн Сузку. Всякий раз, как он отправлялся в город, он чувствовал, что почти заблудился среди толп людей — рабов, торговцев, воров, богатых лордов и простых жителей Чада. Не становилось лучше и оттого, что клиента, похоже, это устраивало. Во время обучения на хаарина Перна учили игнорировать все отвлекающие факторы и сосредотачиваться на защите клиента. Его глаза должны были без промедления высматривать и высчитывать любые угрозы, ни на что не отвлекаясь. Эту способность Чад постоянно испытывал до самых крайних пределов.

Мимо шли три раба — спины окровавлены, босые ноги волочились по пыльной улице, руки и ноги в кандалах и цепях, а лютый надсмотрщик гнал их по дороге щедрыми ударами хлыста. Вперёд выбежал торговец и попытался продать Шустрому тусклый металлический чайник. На улицах Чада рука Перна никогда не отпускала меча, но сейчас она его наполовину вытащила из ножен, ещё прежде, чем человек заговорил. Торговец — коротышка с растущими из ушей волосами, глянул на хаарина, а точнее на хааринский клинок, и отступил.

Группа карманников наблюдала из тёмного переулка. Воровство в Чаде опасная работа — стражники продавали всех пойманных воров гильдии рабовладельцев, но всё равно многие становились преступниками. Они осматривали Шустрога, но всегда недолго, переводя свои стреляющие глазки на более лёгкие цели. Мудрое поведение. Перн с клиентом был не долго, но уже знал Шустрога достаточно хорошо, чтобы понимать — у этого так просто не украсть, и он с радостью передаст работорговцам любого мужчину, женщину или ребёнка за несколько золотых монет.

Послав Шустрога в качестве клиента, Бог решил испытать не только навыки Перна, но также и его терпение и приверженность долгу. Этот человек был самовлюблённым воров и убийцей и, хуже того, не чувствовал на этот счёт никаких угрызений совести. Он был одним из самых опасных людей, кого встречал Перн. Отлично обращался с мечом и с кинжалом, и ещё лучше с луком.

По дороге в Чад их атаковала группа преступников в надежде на лёгкую поживу. Глупая

ошибка, хотя численность вселяла в бандитов мужество. Их было двадцать два, когда они напали, и Шустрый лично убил пятерых. Перн убил только троих, прикрывая клиента. А когда короткая схватка завершилась, Шустрый принялся вместе со всеми обшаривать трупы. Кое-кто из бандитов оказался жив — молодая женщина, некрасивая и покрытая грязью, пылью и кровью, с почти отрубленной левой рукой. Шустрый решил преподать ей урок: швырнул её лицом вниз и изнасиловал посреди её павших товарищей. А после в очередь выстроились его выжившие охранники. Когда все закончили, Шустрый объявил, что собирается зайти дальше, но Перн сжалился над бедной, несчастной девушкой и убил её, пока ещё больше боли и унижения не обрушилось на неё. Он ожидал, что Шустрый разозлится от этого вмешательства, но тот лишь рассмеялся.

— Большинство из этих тупиц даже не знают, кто я, — сказал Шустрый, глянув на Перна. Клиент улыбался, он всегда улыбался. — Знают только имя. Думаю, за последние пару месяцев я показал, на что способен, но сомневаюсь, что хоть кто-то из них знает, как я выгляжу.

Перн хранил молчание. Он был хаарином. Не его делом было давать советы или даже высказывать мнение по таким вопросам. Он здесь, чтобы защищать, и больше ни для чего.

— Наверно, мне оно и нравится, — продолжал Шустрый. — Так можно действовать незаметно. Сидеть на свету весело, но я больше привык прятаться в тени. Как наш друг вон там. Который крадёт по переулку. Наверно, надо сказать привет.

Шустрый повернулся и направился к переулку, на который указывал. Перн как можно быстрее последовал за ним, страдая от того, как люди на улице, казалось, хлынули вокруг, чтобы отделить его от цели. Его взгляд метался от одного к другому в поисках опасности. Если он собирался отыскать потенциальную угрозу, то правда откроется не в том, что у того будет клинок, а в его глазах. Глаза всегда выдают действия человека. Перн давно понял, что если научишься читать по глазам, то у тебя всегда будет преимущество.

А потом толчея закончилась, и Перн оказался в переулке прямо за Шустрым, который улыбался человеку, скрытому в темноте. Лица того не было видно, но Перн чувствовал в равной мере опасность и напряжение. Тёмно-синяя аура, цвет контроля, тёк вокруг его фигуры, словно ключья тумана.

— Давненько не виделись, Кессик, — сказал Шустрый и сплюнул на пыль переулка. — Чё ты всё темноте-то прячешься? Мог бы и выйти ко мне, а не заставляешь меня таращиться туда.

— Отошли охранника, Шустрый, — сказал человек в темноте.

— Не-а, эт вряд ли. Тут у нас хаарин Перн Сузку. Он хаарин. И ничё из сказанного он никому не передаст. Я потратил кучу бабла на него, так что терь он прикрывает мне спину. Не думаю, что стану отсылать его, когда моя спина сильнее всего нуждается в прикрытии. Думаю, эт было бы глупо с моей стороны.

От Перна не укрылся намёк в словах Шустрого. Он сдвинулся вбок, прислонив спину к стене, чтобы видеть в обе стороны переулка. Его рука была над рукоятью меча, он наблюдал. Он не видел лица мужчины, скрытого в тени, но чувствовал его взгляд.

— Приятно узнать, как ты тратишь мои деньги, — сказал Кессик, и в его голосе послышались угрожающие нотки.

— Твои деньги? — Шустрый рассмеялся. — Я вроде как помню, что ты отдал их мне. Значит, терь эт мои деньги.

— Я дал их тебе не просто так. За услугу.

— Ага, и я ведь её и выполняю?

— Недостаточно шустро.

Шустрый снова рассмеялся.

— Ай, молодца^[7]! — Тут его улыбка испарилась, и на смену ей пришёл взгляд, которого Перн раньше не видел. Тёмный и опасный взгляд, и от него Шустрый во всех отношениях стал выглядеть убийцей, которым себя и считал. — Ты, Кессик, давненько в Диких Землях не был, вот чё я те скажу. Так что дай-ка я те кой-чё объясню. Некоторые вещи требуют времени, и это одна из них. Приказ не самый простой, но получишь ты своих людей, не бойсь. А терь свали-ка ты отсюда, и связывайся со мной, тока когда будет настоящая причина.

Фигура в темноте постояла некоторое время, а потом повернулась и пошла прочь.

— Не заставляй меня сожалеть о том, что я выбрал тебя, Шустрый. Не уверен, что ты сможешь пережить моё разочарование.

Шустрый подождал, пока Кессик не скроется из виду, а потом повернулся, направляясь обратно на улицу. Он ухмыльнулся Перну.

— Думаю, выпивка мне не помешала бы. А ты как?

Перн покачал головой.

— Я хаарин.

— Ладно, ладно. Никогда мне этот пиздюк Кессик не нравился. Но нужда заставит.

— Кто он? — спросил Перн.

— О, ну конечно. Заинтересовался, а?

— Он угрожал вашей жизни. Чем больше я знаю, тем проще мне будет вас защитить, — ответил Перн. Это была чистая и простая логика.

Шустрый посмотрел на Перна уголком левого глаза.

— Ага. Похоже, наш Кессик был когда-то арбитром. И чёт я не думаю, что Инквизиция многих просто отпускает, так что, кажется, этот хрен сбежал от них. Может, как-нть придётся им заняться, но не щас, пока он всё ещё мне платит.

— Вы работаете на него? — спросил Перн.

— Не-а. Мы скорее партнёры. Он даёт мне деньги, много денег, а я нахожу людей, которые ему нужны. Прежде чем ты спросишь, я понятия не имею, зачем они ему, и мне плевать, пока он платит. Но вот в чём штука. Деньги, которые он мне платит... они, блядь, уже мои. — И снова ухмылка исчезла с лица Шустрого, сменившись чем-то намного более тёмным.

— Видишь ли, ты можешь спросить себя — как у арбитра появилось так много монет? Он украл их. — Шустрый горько рассмеялся. — После того дела в Хостграде в прошлом году, с Х'остами было покончено. Всех чистокровных членов семейства, которых не пришили в резне, потом выследили и отправили на тот свет. Не в обычаях чистокровных оставлять человека в живых, когда ему конец. Они почуяли конец Х'остов, и бросились к их глотке. Не удивился б, если этот хуй, Д'роан, прибил к своей стене голову-другую. Так что, как мне кажется, коль уж все чистокровные Х'осты померли, то наследство должно отойти бастарду Грегора Х'оста, так? То есть мне. Проблемка в том, что всё его богатство, похоже, пропало. Наёмники его не забрали, ни один из них к форту и близко не подошёл, после того, как повылазили те демоны. Так где всё? Горы золотых. Миллионы. Исчезло. А потом этот хуй Кессик появляется и кричит, что работал с моим папашкой. Кричит, хочет платить, и очень щедро, если я добуду то, чё ему надо. Похоже, и монеты у него есть, так что я покопался в

его прошлом. Выяснил, что совсем недавно он был арбитром. И где ж он мог разжиться таким баблом? — Шустрый фыркнул и сплюнул на землю. — Нужны крепкие яйца, чтоб украсть у человека, а после платить ему его же собственными деньгами.

Перн решил, что начинает понимать.

— Так вы заключили контракт со мной, поскольку не собираетесь исполнять приказ Кессика.

Шустрый ухмыльнулся.

— О, я пока буду делать, чё он хочет. Пока не узнаю, где он прячет монеты. А после думаю глянуть, насколько трудно убить арбитра.

Они остановились перед большим каменным зданием на восточной стороне Золотого квартала Чада. За последние несколько недель Перн хорошо узнал это здание. Там Шустрый появлялся раз в несколько дней, а его хаарин тенью следовал за ним.

— Пора заключать сделку с болванами, которые думают, что правят этим местом, — сказал Шустрый, скорчив гримасу. — Думаю, однажды мне придётся поубивать их и взять город в свои руки. — С этими словами Шустрый зашагал в палаты правящего совета Чада.

Андерс

Нервозности не было, но потом Андерсу пришлось признать, что это лишь потому, что он был слишком пьян, чтобы чувствовать, как медленно треплются его нервы. В пьянстве он был специалистом, и имел более чем достаточно опыта во всех двенадцати стадиях алкогольного опьянения.

Прямо сейчас он находился на восьмой стадии — слишком пьян, чтобы что-нибудь чувствовать, кроме тёплого ощущения самодовольства. Вечером пришлось постараться, чтобы остаться на восьмой стадии. Седьмая стадия приносила ощущение паранойи и крайней изоляции, а девятая легко могла превратить его в излишне эмоционального нарцисса — и ни одна из них не поспособствовала бы текущему плану. И как же теперь Андерсу хотелось, чтобы он его вообще не предлагал.

— Ты знаешь, как этой штукой пользоваться? — спросила Генри.

Андерс улыбнулся.

— Я думаю, моя дорогая, что уж ты-то, должна уже...

— Мечом, — оборвала она, и на губах не было даже тени улыбки, лишь обычная презрительная усмешка. На ней по-прежнему были сапоги для верховой езды, мужские штаны, кавалерийская шляпа с широкими полями, но кроме того на ней была лёгкая кожаная куртка. Волосы она связала в короткий хвост, и её блестящие голубые глаза яростно полыхали. В общем, Андерс был вынужден признать, что она была поразительно привлекательной.

— О-о. Ну, брал несколько уроков в юности. Думаю, надо просто держать за этот конец, — он положил руку на эфес, — и махать мечом перед лицом другого человека, пока из того не потечёт кровь.

Генри бросила на него твёрдый недоверчивый взгляд. Похоже, его юмор как-то прошёл мимо неё. Андерс решил попробовать разрядить атмосферу.

— У меня есть некоторый опыт в фехтовании. Я даже как-то раз убил человека, хотя я

действительно всегда стараюсь по возможности избегать этого. Лишь однажды...

— Думаешь, надраться было хорошей мыслью?

— Ну, я уж точно не хотел бы сражаться с мужчиной на трезвую голову, — Андерс снова ухмыльнулся, и снова Генри посмотрела на него с каменной презрительной усмешкой.

— А если это будет женщина? — спросила она.

— А?

— Гришь, не хотел бы сражаться с мужчиной. А если придётся завалить бабу? — В том, как маленькая убийца вздёрнула подбородок, читался вызов.

— О-о, ну, полагаю, я смог бы сразиться с женщиной, если бы пришлось. — Он уже убивал женщину, и был точно уверен, что сможет повторить. Андерс пока убил лишь одну девушку, и это было грязное дело. Это была даже не её вина: Андерс пытался убить мужчину на ней. — В конце концов, сомневаюсь, что есть какая-то разница. Все мы внутри красные, мужчины или женщины.

На это Генри улыбнулась, хотя Андерс не понял, почему. Она жадно взглянула на него, а потом кивком показала, что пора присоединиться к Чёрному Шипу, который, надо сказать, выглядел так, словно нашёл особенно неудобное место, где прислониться.

— Уверен, что это сработает? — Сказал Шип, переминаясь с ноги на ногу. Потом развернул плечи, потянул шею из стороны в сторону и наконец принялся чесать обожжённую часть лица изувеченной рукой.

— Нет, — буркнул Андерс, хотя на самом деле был уверен, что точно сработает.

Шипа это не взбодрило.

— Точно. Наверно, большинство в городе не отличит одного чистокровного от другого. Буэм надеяться, они не заметят никакой разницы.

Андерс вырос среди людей, говоривших с акцентом Диких Земель. Он жил среди них практически всю свою жизнь, и сам мог так говорить, если было нужно, хотя и не по своей воле. Но иногда этот акцент его начинал раздражать, а от постоянного употребления двойных отрицаний^[8] у него зубы сводило. Но всё-таки по прошлому опыту он знал, что пытаться объяснить концепцию большинству людей приводило примерно к тем же результатам, что ставить на хрому собаку в забеге. Так что он просто молчал и замышлял хорошенько закатить глаза, когда Шип обернётся спиной.

— Уверен, всё пройдет нормально, Ч.Ш. Мне всего-то и придётся — подойти к охранникам с вами в качестве моего телохранителя и нашей милой Генри в качестве моей... — Андерс помедлил, не зная, как Генри отнесётся к тому, что её называют "сопровождающей". — Скажу им, что я Андерс Брекович. Они мне поверят, и, не желая расстраивать своего нанимателя, впустят нас внутрь.

Шип кивнул и глянул на Андерса.

— Ну, видок у тебя что надо. Никогда ещё ни один чистокровный не одевался так модно.

Андерс снова закатил глаза. Генри схватила его и больно ударила по руке — в месте удара начало расходиться онемение.

— Синяк останется, — пробормотал он, скорчив лицо, похожее, как он надеялся, на мордочку умоляющего щеночка.

— А-а, подпортила твою молочную кожу? — усмехнулась она.

— Возможно.

Она снова ударила его в то же самое место. Андерс вздохнул и принялся жадно рассматривать ближайшую таверну. "Слепой Попрошайка" — название для здешних мест

обычное, но, в конце концов, это и была обычная забегаловка. Конечно, банальность не могла отпугнуть Андерса, когда в деле была замешана выпивка. Подумав об этом, Андерс понял, что трезвеет с каждой минутой, а последнее, что всем им было нужно, это чтобы он вернулся на седьмую стадию.

— Возможно, нам стоит... хм... подождать ещё минут тридцать. Вон там через дорогу фантастически вульгарная с виду таверна. Как раз то, что надо для нашей маленькой команды.

Шип сплюнул.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Эт не команда. Больше никаких ожиданий и никакой выпивки. А теперь, босс, вали туда и ослепи нас всех своей маскировкой.

Андерс ещё раз шумно вздохнул и поправил жакет своего нового костюма из замечательной ткани, лёгкой и модной. Андерсу удалось раздобыть его довольно дёшево, и, хотя жакет был слегка великоват, но определённо выглядел как надо. Цвет был неудачным — коричневый никогда ему не шёл, — но иногда нужда заставляет. Андерс как мог поднял голову, чтобы смотреть свысока на всех, кто окажется перед ним. А потом зашагал к входу в арены.

— Эт никогда не сработает, — услышал он голос Шипа за спиной. В кои-то веки его фраза оказалась верной.

— Эй ты, — Андерс требовательно привлёк внимание первого охранника. — Меня послал отец.

Охранник посмотрел на одного из своих товарищей, а потом снова на Андерса.

— Ваш отец?

Андерс бросил на него такой взгляд, от которого сразу бы стало ясно, что ему уже наскучило с ним болтать.

— Найлз Брекович.

Глаза охранника расширились, а спина немедленно выпрямилась.

— Да сэр. Я не знал, что лорд Брекович будет присутствовать на поединке, сэр.

Андерс вздохнул.

— Ты его здесь видишь?

Охранник оглянулся, чтобы проверить, а потом покачал головой.

— Это потому что его здесь нет. Я здесь.

— Точно. Да, сэр, — ответил охранник.

— Я здесь чтобы поговорить с... — Андерс повернулся к Шипу и неопределённо взмахнул рукой. — Как там его зовут? Того, который завтра дерётся. Здоровяк такой. Вроде какой-то чемпион.

На лице Шипа отразилось что-то среднее между удивлением, гневом и страхом, но быстро взял себя в руки.

— Орен Громобой.

Андерс дёрнулся, чтобы повернуться к охраннику, но замер.

— Правда? Какое фантастически наглядное имя.

Шип кивнул.

— Да, босс.

— Я здесь, чтобы посмотреть на этого Громобоя перед поединком. Это приказ моего отца. — Андерс глубоко вдохнул и выдохнул как можно театральнее.

— Могу я спросить, зачем, сэр? — спросил охранник.

— Нет.

— Точно. Конечно, сэр. Вам потребуется сопровождение? Эти арены как лабиринт.

Андерс с отвращением взглянул на мужчину.

— Похоже, что мне нужно сопровождение?

— Хм...

— Ой, да просто отойди уже в сторону. — Он прошёл мимо охранника и остановился. — Правильное обращение к сыну лорда также "лорд".

Охранники яростно закивали.

— Да сэр. Э-э-э... лорд... лорд Брекович.

Андерс так покачал головой, чтобы у охранника не осталось иллюзий, что его невежество недостойно даже презрения, и продолжил свой путь по аренам Солантиса.

Пройдя внутрь и скрывшись из глаз охранников, Андерс повернулся к остальным с ухмылкой во всё лицо.

— Что скажете? Я же говорил, сработает.

Шип фыркнул.

— Ага, я в те и не сомневался.

— Сомневались, — заныл Андерс. — Я слышал, что вы говорили за моей спиной.

— Надо найти нужное место. Охранник не врал, что тут как в лабиринте.

— Можно мне по крайней мере фляжку вернуть? — прохныкал Андерс.

Шип уставился на него, а потом кивнул.

— Ага. — Он вытащил её из кармана своего плаща, отвернул крышку, вылил остатки себе в рот, а потом передал помятую металлическую фляжку Андерсу.

— Это было грубо, — сказал Андерс, но всё равно взял фляжку и поднял, в надежде, что там осталась хоть капля алкоголя.

— Думаю, нам сюда, — сказала Генри, указывая во мрак.

Некоторое время спустя Андерс начал подозревать, что Генри просто выбрала случайное направление. Им не попадалось ничего похожего на жилые помещения для чемпионов арен. Они проходили мимо оружейных, полных оружия, большую часть которого Андерс не знал. Проходили мимо тюремных камер, пустых и полных. В некоторых были тощие костлявые рабы, в других — горы мышц, волос и отвратительных характеров. А в некоторых сидели даже дикие животные, и Андерс с минуту таращился на ленивого с виду льва. Они проходили мимо тренировочных залов, в которых бойцы без рабских ошейников махали мечами или пускали стрелы по цветным мишеням. Впрочем, больше всего на их пути встречалось холодного, мрачного, тёмного камня.

Андерс понял, что весь коллизей построен вокруг арен и зрительской зоны, расположенной концентрическими кругами в три яруса вокруг площадок. Он попытался представить себе, насколько велико всё строение, и не смог. Если он правильно помнил — а вполне возможно, что и не правильно — в центре коллизей было около десяти арен, каждая добрых тридцати футов в диаметре и с трибунами, с которых летели крики одобрения и насмешки. Кроме того, была основная арена — чудовищное поле битв, по меньшей мере в десять раз больше самых маленьких арен. Там было пролито крови больше, чем в любой темнице, и ежедневно проливалось ещё больше.

Вместе с жилыми помещениями, камерами, оружейными и столовыми... Андерс задумался, как кто-то мог себе позволить построить такую чудовищность. Но в конце

концов, Брековичи всегда были одной из самых богатых чистокровных фамилий, и получали достаточно денег от арен, чтобы их вложения окупились. Народ со всего мира съезжался, чтобы посмотреть, как здесь умирают люди.

Внутри они проходили и мимо других охранников. Это были не обычные наёмники, которых можно встретить в Солантисе повсюду. Это были мужчины и женщины, верные Брековичам, но это не означало, что они когда-либо видели своих чистокровных нанимателей. Андерс продолжал играть свою роль, разговаривая со спутниками, сам с собой, с охранниками, постоянно стараясь выглядеть скучающим и отменяя все попытки осведомиться о его намерениях. Все охранники видели чистокровного, который выглядел так, будто владеет этим местом, а они были приучены не задавать вопросов вышестоящим лицам.

— Почему нам просто не остановиться и не спросить направление? — спросил Андерс некоторое время спустя.

— Потому что мы почти на месте, — кратко ответил Шип.

Андерс посмотрел в одну сторону широкого изгибающегося коридора, а потом в другую. На его взгляд всё выглядело в точности как и прежде.

— Откуда вы знаете?

— Это место построено тремя кругами. Ясно, что те, кто завоевали себе свободу, будут снаружи, как можно дальше от арен. Глянь, в этом кольце никаких камер. Комнаты всё больше и больше. Этот Громобой какой-то иноземный чемпион, приехал откуда-то с юга. Думаю, он будет в самой большой комнате.

Андерс не мог поспорить с этой логикой, она выглядела безупречно.

— Что хотите поставить на то, что это комната с двумя охранниками?

Два бугая, одетых в какие-то лёгкие доспехи с гребнем Брековичей, стояли по обе стороны от большой деревянной двери. У обоих на поясах висели длинные мечи, и оба повернулись посмотреть на прибывшую команду. Андерс не замедлил шага — иначе это бы их выдало.

— Быстро и тихо, Генри. Я возьму левого, — хрипло прошептал Шип сзади.

Андерс остановился перед охранниками, а Генри и Шип встали по бокам от него. Оба охранника посмотрели на наёмника и на стройную убийцу, а потом сосредоточились на пьяном аристократе перед собой.

— Меня зовут Андерс Брекович. Я здесь, чтобы повидать человека, который у вас там.

— Я знаю... — прошепелявил один из охранников, когда Генри и Шип разом бросились вперёд. Тренированным движением шагнули и ударили охранников. Кинжал Шипа попал охраннику под незащищённым подбородком, клинок прошёл прямо через мозг. Кинжал Генри пронзил второму мужчине бок, попав Боги знают в какие жизненно важные органы. Оба умерли на месте. Андерс схватил мужчину, которого убила Генри, чтобы помочь ей опустить его на пол, но она его отпихнула. Охранник был раза в два тяжелее неё, но она справилась самостоятельно.

— Знаете, я начинаю думать, что вы этим уже раньше занимались, — сказал Андерс.

— Наверно, я могу то же сказать про тебя, — ответила Генри, внимательно глядя на него. Андерс ухмыльнулся в ответ. — Ты вроде отлично притворяешься одним из чистокровных.

Андерс застенчиво улыбнулся.

— Ну, когда в тебе есть частичка чистой крови, то можно использовать её к своей

выгоде.

— Спрячьте трупы, — сказал Шип, разглядывая деревянную дверь. — Куда-нить, где их не найдут до завтра.

Генри посмотрела на коридор.

— Куда?

— А я, блядь, откуда знаю? — прошептал Шип в ответ. — Просто спрячьте. Я проберусь внутрь и дам это нашей цели. — Он похлопал мешочек с порошком, висевший на его поясе.

— Думаю, лучше это мне сделать, — высказалась Генри. — У меня потише получится, чем у тебя.

— Ага, но чё, если он проснётся? Думаю, человек с таким громким именем как Громобой, наверняка немаленький. Он тя как орех расколется.

Генри фыркнула, но нагнулась и схватила руку одного охранника.

— Андерс, дай-ка мне руку.

— Да, конечно. — Андерс последний раз глянул на Шипа, который всё ещё рассматривал деревянную дверь, и начал помогать Генри утаскивать труп.

Шип

Уловки, по правде говоря, никогда не были сильной стороной Бетрима. Чёрный Шип всегда был скорее тупым инструментом, который используют без особой изысканности. Хотя, в своё время ему пришлось немало подкрадываться. Есть способ открыть дверь тихо, но на это нужно немало терпения, чего Чёрному Шипу было не занимать.

Тщательно и осторожно он толкал твёрдую деревянную дверь, пока не смог просунуть голову. Если Громобой в это время ещё не спит, то все уловки придётся забыть, и Бетрим сможет вернуться к испытанному методу — бить всех по мордам. В комнате было темно, едва-едва горела лишь одна свеча на маленьком деревянном столике. Бетрим увидел единственный шкаф, сундук, а за сундуком единственную кровать. На кровати растянулся огромный комок темноты — полностью одетый, темнокожий и храпящий, как ревущее пламя.

С приглушённым вздохом Бетрим раскрыл дверь пошире и проскользнул в комнату. Сначала в нос ему ударил запах — раздражающий ноздри и такой резкий, что его глаз задёргался. Это была трава под названием мята, и Бетрим знал, что некоторые жуют её, чтобы прочистить нос и легче дышать. Бетрим не мог понять, как можно мириться с этим вкусом, если его от одного запаха воротило. Но довольно вкусовщины — дело не сделать, если просто стоять здесь и нюхать воздух. Не отводя глаз от бессознательной массы на кровати, Бетрим прокрался ближе.

Бетрим знал: по части сна есть два типа людей — те, кто засыпают мгновенно и просыпаются от малейшего шороха, и те, кто засыпают долго, зато их и громом не разбудишь.

Чёрный Шип однажды знал человека по имени Миллет Четвёртый. Никто не знал, были ли до него ещё три Миллета. По правде говоря, никто и не думал спрашивать. Так этот Миллет совершенно точно был из второй категории. Он был охотником за головами, и довольно успешным, но Чёрный Шип с его командой как раз в это время наткнулись на

охотников за головами и решили не рисковать. В итоге звуки битвы могли разбудить и мёртвых, но не Миллета. Этот невезучий ублюдок проспал всю чёртову заварушку. Проснулся он лишь потом, когда все остальные охотники уже были мертвы. Команда славно позабавилась с беднягой, прежде чем порешила его. Бетрима чуть не передёрнуло от воспоминаний, что они с ним сделали.

А Орен Громобой, похоже, был не из тех, кто спит глубоко. Прежде чем Бетрим подобрался к нему на три фута, глаза бойца распахнулись, и он выскочил из постели прямо на Чёрного Шипа.

Мясистая рука схватила Бетрима за шею и крепко сжала, а другая боролась с его правой рукой. Вскоре Бетрим понял, что из-за руки Громобоя, обхватившей его шею, он не может дышать. Здоровяк оттолкнул Чёрного Шипа назад и жёстко вколотил в каменную стену. Бетрим толкался и пихался, боролся и пытался выкрутить правую руку, но сильный боец неукротимо держал его, не давая двигаться. Левой рукой Бетрим скрёб по ладони, сжимавшей его шею, три его пальца пытались впиться в плоть, но ничего не выходило. Тёмные, почти миндалевидные глаза Громобоя жестоко смотрели в единственный глаз Бетрима с необузданной злобой.

Как раз когда мир стал темнеть, Бетрим вытянул левую руку, схватил правое ухо Громобоя и потянул изо всех оставшихся сил. Огромный боец заворчал, потом завопил и отпустил правую руку Бетрима, чтобы разобраться с левой. Чёрный Шип не тратил время зря — правой рукой он ударил мужика по морде, потом вырвался из его захвата, согнувшись едва не пополам, вдыхая прекрасный воздух в ноющие лёгкие.

Хотелось бы Бетриму получить минутку на восстановление, но к сожалению Громобой не был столь любезен. Массивные руки обхватили грудь Бетрима, и он быстро ударил его локтем в лицо. Боец проигнорировал удар, и Бетрим оказался схваченным, изогнутым и прижатым лицом к холодному каменному полу. Жёсткий кулак ударил его в бок, прямо под почками, Бетрим закашлялся от боли, а потом перевернулся на спину и разогнул ноги, отпихнув Громобоя.

Тот, оступившись, сделал шаг назад и упал на кровать. Бетрим воспользовался этой возможностью, чтобы отползти на заднице и при помощи шкафа встать на ноги. К этому времени Громобой очухался и с рёвом бешеного слона бросился на Чёрного Шипа.

Бетрим отлично понимал, что в этом бою ему не победить. Оба были примерно одного веса, вот только Громобоя не били недавно ножом, и он не лежал три месяца, привязанным к столу. По правде говоря, боец был сильнее, чем Чёрный Шип в лучшие годы, а Чёрный Шип ещё не до конца восстановился. И даже при этом Бетрим знал, что не может использовать оружие — если он убьёт бойца, то задание будет провалено, и кто знает, как в такой ситуации поступит Карлстон. Так что Бетрим мог лишь надеяться, что не уступит здоровяку в свирепости.

Громобой ударил Бетрима в корпус, и снова Шип врезался в стену. Но прежде, чем Громобою удалось взять верх, Бетрим прыгнул на него и ударил коленом в живот, а потом ещё, ещё и ещё раз. Громобой ответил тем, что схватил Бетрима за ноги, поднял и перебросил Чёрного Шипа через плечо.

Бетрим ударился об пол, и у него перехватило дух. Прежде чем он смог ответить, он почувствовал, как на грудь ему опустилась нога, а две большие руки схватили его левую руку и принялись тянуть. Чёрный Шип извивался, тянул и изгибался, хрипел, фыркал и ворчал, а Громобой отвечал рычанием и свободной ногой пинал Бетрима в лицо.

Он не знал, почувствовал или услышал хруст, не знал даже, какой это был палец. Боль охватила его, словно поток кипящей воды, и вопль, вырвавшийся из лёгких был чем-то средним между криком боли и яростным воем. Бетрим изо всех сил махнул правой ногой и был вознаграждён хрипом, поскольку та как-то попала Громобоя в голову. На миг хватка бойца ослабла, и Бетрим высвободил левую руку, сел и изо всех сил ударил Громобоя правой рукой в пах. Рот Громобоя и глаза расширились, и он охнул от боли. Бетрим как раз собирался достать мешочек с порошком, когда откуда ни возьмись появилось колено бойца и попало ему в лицо.

Бетрим откатился и постарался подняться на ноги, баюкая левую руку у груди — похоже, мизинец был сломан. Громобой поднялся с пола и захромал вперёд. Чёрный Шип отлично знал, каково это, получить удар по яйцам, и знал, что Громобой сейчас чувствует. Впрочем, здоровяка это от атаки не остановило. Бетрим правой рукой отбил первый удар, но второй с такой силой попал ему прямо в лицо, что отбросил назад, заставив покатиться. Прежде чем он понял, что происходит, два удара попали ему в спину, ноги Бетрима подкосились, и он упал на колени. Он как раз вовремя увидел, как вокруг его головы смыкаются руки, рванулся на ноги и почувствовал, как макушка ударила Громобоя в подбородок с нездоровым хрустом. Пока боль от удара не вырубил его, Бетрим развернулся и хлестнул правым кулаком, попав Громобоя по лицу, прямо под левым глазом.

Огромный боец отступил на пару нетвёрдых шагов, затряс головой, словно сдувая паутину, и взревел на Бетрима. Чёрный Шип, чтобы не дать превзойти себя, заорал в ответ на здоровяка, схватил с пояса мешочек с порошком и швырнул ему в лицо.

Громобой с натренированной точностью схватил мешочек в воздухе. К несчастью для него, его огромные кулаки не были предназначены для мягкости, и, как только он поймал мешочек, порошок из него клубами полетел в лицо бойца.

Громобой чихнул и отступил, отгоняя порошок руками. Потом сфокусировался на Бетрима и снова взревел. Бетрим уже готовился получить ещё несколько ударов по лицу, когда рёв Громобоя сменился кашлем, потом чиханием, а потом боец затрясся. Белки его глаз покраснели, и на губах выступила розовая пена. Боец рухнул на колени, потом упал набок, по-прежнему сотрясаясь, его красные глаза расширились, и из носа потекла струйка крови.

Вскоре содрогания прекратились, и у Бетрима появилось безошибочное чувство, что он находится в комнате с трупом. Не только из-за крови, текущей изо рта, носа и ушей — до Бетрима донеслась ещё и вонь дерьма. Умирая, люди часто обгаживаются, и, похоже, Громобой не был исключением. Бетрим стоял в боевой стойке и хорошенько приглядывался к телу — по правде говоря, он не хотел вдохнуть ни крупицы порошка. Определённо труп — Шип немало их повидал, и знал, как они выглядят. Устало и болезненно мотнув головой, Бетрим направился к двери.

Генри и Андерс возвращались за телом второго охранника, когда Бетрим вышел из комнаты Громобоя. Андерс, как обычно, шлёпал губами — похоже, он любил поболтать. А Генри улыбалась его словам, и на её лице не было ни следа её обычной презрительной усмешки. Улыбка быстро сменилась хмурым выражением, когда она увидела Бетрима.

— Чё с тобой случилось?

Бетрим не сомневался, что видок у него был ещё тот: весь в поту, кровь сочится из дюжины царапин, большая часть которых у лица, и если синяки ещё и не проявились, то скоро несомненно проявятся. К тому же ещё и мизинец на левой руке был сломан и

неестественно выгнут. Он знал, что придётся вставить его на место, и больно будет, как в аду.

— Похоже, нас подставили, — сказал Бетрим, когда Генри сунула голову в комнату Громобоя, чтобы взглянуть самой.

— Бля, Шип. Ты не должен был убивать ублюдка. Хотя эт и впечатляет.

Андерс тоже хорошенько взглянул.

— Босс, что вы с ним сделали?

Бетрим прислонился спиной к стене и опустился на пол. По правде говоря, он устал, и даже более того. Ничто так не выматывает, как старый добрый кулачный бой.

— Эт не я. Ну или я. Эт всё порошок. Сомневаюсь, что Карлстону был нужен этот Громобой в живых.

— А зачем ему посылать нас травить Громобоя, если он хотел просто его убить? — спросил Андерс. — Зачем врать об этой работе?

— Просто не предполагалось, что мы выйдем отсюда живыми, — сказала Генри, яростно пнув труп последнего охранника. — Видимо, он знает обо мне?

Бетрим кивнул. Карлстон упустил награду за голову Чёрного Шипа, чтобы добраться до Генри. Немногие поставили бы месть выше такой кучи монет, но некоторые считают семью важным делом, а Генри убила его племянника. С заметным усилием Бетрим поднялся на ноги и издал звук — нечто среднее между рыком и вздохом. Он как раз собирался предложить спрятать второго охранника, когда откуда-то из коридора до них донеслись звуки голосов.

Генри

Нечасто Генри могла сказать, что всё произошло по её вине, но тут, несомненно, был такой случай. Это она убила племянника Карлстона, и по правде говоря, сделала бы то же самое, несмотря ни на какие чёртовы последствия. Этот ублюдок ни за что ни про что бил юную девушку, и это принесло воспоминания. Воспоминаниям лучше оставаться в прошлом. Проблема заключалась в том, что вместе с воспоминаниями в ней откуда-то изнутри начинал закипать гнев, который она не могла контролировать, и тогда потребность совершить какое-либо насилие становилась буквально физической. Следовало признать, сейчас она была чертовски разгневана, и удачно оказалось, что, судя по звукам, насилие не за горами.

— Миледи, мне кажется, сейчас самое время отступить, — дрожащим голосом сказал Андерс.

— Или мы останемся и поубиваем их, — ответила Генри. Она уставилась на изогнутый коридор, ожидая появления обладателей тех голосов. Они всё ещё гулко разносились, и это означало, что до них ещё оставалось какое-то расстояние, которое постепенно сокращалось.

— Не уверен, что босс готов к следующему бою. Он выглядит усталым.

— Я в порядке, — проскрежетал Шип. — Впрочем, думаю, нащёт отступления ты прав. Некоторых схваток лучше избежать.

Генри стиснула зубы, сплюнула, повернулась и злобно глянула на Андерса.

— Хватит звать его Боссом. — И с этими словами она захромала прочь от

приближавшихся голосов. Она не могла понять, отчего боль всегда именно в такие моменты начинала полыхать огнём.

Они полушли-полубежали от голосов позади, вдоль изогнутых стен, игнорируя как открытые, так и закрытые двери. Миновали группу из трёх охранников, стоявших у одной из занятых комнат. Эти люди выглядели скорее озадаченными, и Генри сомневалась, что с учётом погони, у них есть время драться с этими ублюдками.

При первой же возможности она перешла во второе кольцо, даже не думая смотреть назад, чтобы проверить, следуют ли остальные за ней. Похоже, в этом кольце держали рабов, в камерах по пять человек и больше, в основном мужчин и несколько женщин. Рабы либо не открывали глаз, игнорируя их, либо с горькой обидой таращились на Генри и остальных, словно в том, что на них железные ошейники, была её вина. На самом деле Генри никогда не понимала, зачем люди становятся рабами. Ей казалось, что человек, конечно, может надеть на тебя ошейник и объявить своей собственностью, но рабом сделаешься, только если сам ему это позволишь. Если бы кто-то попробовал повернуть такое с ней, то она нашла бы способ убить его при первой возможности. Впрочем, некоторые, видимо, сдавались и позволяли владеть собой. Генри этого совсем не понимала.

— Твою мать, — проскрежетал Шип и остановился, согнувшись пополам и тяжело дыша. — Ненавижу бегать. Давайте драться с этими падлами.

Генри подошла к огромному, одноглазому наёмнику.

— Это ж вроде ты решил бежать.

— Ага, — согласился Шип. — А теперь я меняю своё решение. Будем драться. Их не может быть очень много.

— Э-э-э, — начал Андерс, но потом решил заткнуться. Этот болван покачивался из стороны в сторону. Впрочем, несмотря на пробежку, он почти не задыхался.

— Давай уже, выкладывай, — прорычала Генри, уставившись на чистокровного пьянчугу. Иногда её раздражало, что почти все были выше неё, а больше всего в такие минуты как эта, когда нога болит, и смерть грозит прямо из-за угла.

— Точно. Да. Конечно. Просто... Брековичи довольно богаты. Думаю, почти наверняка охранников здесь много. Возможно больше, чем мы сможем победить.

Генри посмотрела на Шипа. Здоровяк в ответ лишь пожал плечами. Решение должно было быть за ним — руководство было его задачей, но похоже, у него не было никакого желания. Генри уже чуть было не решила за всех, когда решение пришло само. Пятеро вооружённых мужчин быстро вышли с той стороны, откуда бежали Генри, Шип и Андерс.

Оглянувшись, Генри уверенности не ощутила. На самом деле изогнутый коридор был широким, добрых двадцати футов в ширину, а это значило, что их можно было окружить. Генри не особо нравилась идея сражаться с врагами спереди и сзади — так легко можно получить удар чем-нибудь острым в спину, а у охранников были отличные длинные копья, которые для такого дела отлично подходили. К тому же, оставались охранники, приближавшиеся сзади. Не понадобится много народу, чтобы превзойти числом их троих. Шип уже держал топор в пятипалой руке и небольшой нож в трёхпалой. Похоже, его мизинец был сломан, но, в конце концов, Шип никогда не жаловался на раны. Андерс шумно вздохнул и вытащил рапиру из ножен.

— Андерс, дай сюда ключи, — приказала Генри пьянице.

— Э-э?

— Ключи, которые ты взял у мёртвого охранника.

— А-а, точно. Конечно, — Андерс покачнулся и начал копать в кармане. Потом вытащил связку ключей и бросил их в направлении Генри, хотя и промахнулся на добрых несколько футов.

Она схватила ключи и подошла к ближайшей занятой камере. Восемь рабов — пять мужчин и три женщины, все покрытые шрамами и выглядящие так, словно они знали, как драться, — осторожно наблюдали за ней.

— Не подпускайте их ко мне, — сказала Генри, указав на приближавшихся охранников, которые как раз начали расходиться, чтобы окружить их. Шип понял и встал между Генри и врагами, мгновением позже за ним последовал и Андерс. Кончик его рапиры опускался, поднимался и качался из стороны в сторону.

Двенадцать ключей на кольце, и Генри понятия не имела, какой нужен — она надеялась, что хотя бы один подойдёт. К тому времени, как она пробовала третий, Генри услышала, что Шип и Андерс начали драться с охранниками. Она слышала, что по меньшей мере один человек умер, слышала предсмертный хрип его последнего вдоха. После стольких убийств эти звуки были хорошо знакомы Генри — это был приятный, успокаивающий звук. К седьмому ключу она услышала, как Андерс изрыгает врагам проклятия, которые крутились в основном вокруг их матерей. Шип действовал тихо, за исключением редкого скрежета смеха. Восьмой ключ скользнул в скважину, Генри почувствовала, как механизм вращается, и, наконец, она с ржавым скрежетом раскрыла дверь. Рабы отпрянули вглубь маленькой тёмной камеры, испуганно глядя на свою освободительницу.

— Ну, давайте же, — крикнула Генри рабам. — Хули вы ждёте? Выметайтесь.

Самый большой раб — почти такой же высокий мужик, как Шип, с большими мышцами, маленькими голубыми глазками и большой коричневой татуировкой на левой стороне голой груди — вышел вперёд, вытянув правую руку, взялся за дверь своей камеры и закрыл обратно.

— Не наш бой, — вот и всё, что сказал здоровяк.

— Генри, — проскрежетал Шип. Смеха в его голосе уже не слышалось; судя по звукам, его сильно теснили, и ему была нужна подмога. Генри его проигнорировала. Она глянула на следующую камеру — рабы сбились к дальней стене, показывая покорность своим владельцам. От этого Генри захотелось плевать, захотелось зарезать их всех.

— А чё если я сделаю этот бой вашим? — выкрикнула она всем. — Вы все с радостью сидите и гниёте в своих камерах, пока те, кто надел на вас ошейники не скажут, кого вам убивать? Никто не может сделать ты рабом, кроме ты самого, и думаю, вы все это знаете. Наверно, вы все будете рады выполнять, чё вам велят всю вашу жизнь. Легче жить и помирать по воле других, да? Так ведь? Хотите быть рабами?

Здоровяк, державший руку на двери, выглядел озадаченным. Возможно, устыдился, что женщина, в два раза меньше его, ставит под вопрос смысл его жизни. Он убрал руку с двери и почесал лицо.

— Никто рабом-то быть не хочет.

Генри сплюнула и швырнула связку ключей в грудь большого раба.

— Так сражайся, блядь, за свою свободу! — закричала она, повернувшись к ним спиной, вытаскивая свои кинжалы-близнецы и бросаясь на оставшихся двоих охранников.

Она перехватила кинжалы и уклонилась в сторону, когда в неё полетел наконечник копья. Мужик постарался снова ударить её, но Генри была слишком быстра, даже несмотря

на постоянную боль в ноге, из-за которой приходилось хромать. Быстро развернувшись, она скользнула к охраннику и три раза пырнула его — один в левую руку, один в бедро и последний удар в шею. Мужик уронил копьё и отшатнулся, зажимая рану на шее, из которой хлестала кровь. Спустя несколько мгновений он упал, и Генри оставила его умирать. Теперь остались только двое охранников, и Генри видела, как Шип хватается за копьё, раскалывает древко топором, а потом бьёт им владельца в глаз. Генри подбежала сзади к последнему охраннику, нападавшему на Андерса, и перерезала ему глотку. Андерс с криком оттанцевал от струи крови, а потом бросился вперёд и обнял Генри. На какой-то жуткий миг пьяница напомнил ей Шустрого, и она его чуть не пырнула.

— Благодарю вас, миледи, — невнятно пробурчал он. — Разумеется, я навеки у вас в долгу. Этот человек доставлял мне нескончаемые неприятности.

Генри глянула на трупы на полу. Судя по всему, Андерс сам отправил на тот свет двоих. Генри решила, что в чистокровном ублюдке есть больше, чем он показывает, но сейчас не время копать глубже. Прибывало всё больше охранников, намного больше. Намного больше, чем они втроём могли победить.

Самый большой раб, с татуировкой на груди, открыл дверь камеры, передал ключи человеку позади и поднял одно из брошенных копий. Человек позади бросился открывать другие камеры, и остальные рабы стали выбегать, поднимать копыя мёртвых охранников и вытаскивать мечи из ножен трупов. Вскоре уже охранники оказались в меньшинстве, а после короткой схватки они уже быстро убегали от Генри, Шипа, Андерса и кучи рабов-бойцов, преследующих ублюдков по коридорам. И всё больше и больше рабов присоединялось к восстанию.

Рабы вырвались с арен впереди Генри, Шипа и Андерса. К тому времени, как они добрались до дверей, уже шла схватка на площади. Охранники перегруппировались, и на помощь им пришли наёмники, ошивавшиеся неподалёку. Всё больше наёмников постоянно прибывало, но рабов были сотни, и все распалённые и настроенные сражаться за свою свободу. Генри поняла, что ухмыляется — в Солантисе намечалась кровавая ночь.

Она почувствовала, как её за руку хватает трёхпалая рука и утягивает прочь от хаоса. Андерс топтался рядом, и выглядел ещё более обеспокоенным.

— Сомневаюсь, что Брековичам это понравится, — сказал чистокровный пьянчуга, когда они оказались достаточно далеко от входа, чтобы не ввязываться в сражение.

— Ага, — согласился Шип, уставившись одним глазом на Генри. — Генри, ты с нами?

Генри поняла, что на её лице до сих пор играет полубезумная, кровожадная ухмылка. С некоторым усилием ей удалось успокоиться.

— Ага. Я в порядке. — Она осмотрела площадь за Колизеем. Сотни человек сражались и умирали. Это был уже не просто бой. Это была битва. Битва, которой она стала причиной. И теперь Генри думала, что уже не так уж рада — возможно, немножко даже расстроилась.

Шип схватил её за плечо и кивнул ей.

— Хорошо поработала, Генри. Пожалуй, всех нас спасла.

Она лишь кивнула в ответ. По правде говоря, ей сейчас не хотелось говорить. Не знала, что она в итоге наговорит.

— Эм-м... — начал Андерс, на его лице было паническое выражение. — Я хотел бы предложить убраться отсюда, пока мы не оказались ещё глубже вовлечены в эти вечерние празднества.

— Чё?

Чистокровный пьяница вздохнул.

— Думаю, нам надо валить. Живо.

Шип кивнул. Он всё ещё держал руку на плече Генри, и теперь, когда она обратила внимание, это казалось успокаивающим.

— Точняк, Андерс. Давайте быстро в заведение Генри. С тем, какого хуя будем делать дальше, разберёмся там.

— С тем, что мы будем делать? — переспросил Андерс.

— Ага. Это говно, Карлстон, тока что пытался нас убить. Те, кто хочет убить Чёрного Шипа, после неудачи обычно не долго живут. Думаю, надо бы ему отплатить.

Шип

Бетрим считал, что никто из них не мог предсказать, как далеко зайдёт освобождение рабов, устроенное Генри. Прошло два дня, и теперь сражения шли повсюду. По правде говоря, рабов в Солантисе было больше, чем наёмников, а рабы с арен освободились и теперь занимались освобождением всех, кого могли найти. Большие части города стали лагерями для свободных рабов, которых постоянно освобождали всё больше и больше. Отряды наёмников, неспособные объединиться и сражаться единой силой, во всех стычках были в меньшинстве и большую часть сражений проигрывали. Всего лишь за два дня Солантис из незаконной жопы превратился в незаконную зону военных действий, и Генри начала всё это. На взгляд Бетрима, восприняла всё это она не очень-то хорошо.

Два дня ни один из них не покидал таверну Генри. Бетрим со своей стороны проводил большую часть времени, прислонившись к стене, шагая или возясь со своим недавно сломанным пальцем. Забавно, как боль временами может практически вызывать привыкание. Андерс решил использовать вынужденное бездействие для развития своего пьянства. Он очухивался от своего пьяного ступора только для очередной выпивки. Генри с другой стороны то бросала на всех и каждого, тёмные взгляды, то проводила бóльшую часть времени в одиночестве в своей комнате наверху.

К счастью, до них сражения ещё не дошли. В этой части Солантиса не многие заведения могли позволить себе рабов, так что освобождать здесь было некого. Впрочем, это не значило, что этот район не мог однажды превратиться в поле битвы. Если бы всё решал Бетрим, то к тому времени они были бы уже далеко отсюда. Но Генри не была в восторге от идеи оставить свою таверну.

А ещё надо было разобраться с этим Карлстоном. Он подставил их и пытался сделать так, чтобы они не вышли живыми из арен. Он потерпел неудачу, а Чёрный Шип славился тем, что не давал людям второго шанса. К сожалению, Карлстон Барроу командовал небольшой армией наёмников, и сейчас, несомненно, залёг за стеной стали и плоти. Это расстраивало Бетрима, но следовало признать, что надо оставить это дело, по крайней мере на время. Если повезёт, то восстание рабов покончит с мелким посредником, но если нет, то Бетрим просто запланирует как-нибудь в будущем обратную поездку в Солантис, когда всё успокоится. Это не то место, которое он хотел бы посетить снова, когда отсюда выберется, но некоторые вещи неизбежны. В конце концов, надо поддерживать репутацию.

Андерс встрепенулся от пьяной дремоты, поднял голову от стола, прищурился и с таким

видом осмотрел таверну, что у Бетрима не осталось сомнений, насколько он был бухой. С героическими усилиями пьянчуга поднялся на ноги, сбив в процессе стул, и направился в сторону бара, где Джозеф стоял с таким каменным выражением на лице, что и Чёрный Шип мог бы позавидовать.

— Будь умницей и... и... и налей... мне выпил... хм... выпить... Джозеф, — невнятно пробубнил Андерс, обвалившись на бар, а потом ухмыльнулся бармену. В ответ Джозеф покачал головой, скрестив жилистые руки на груди. — Что? Отказываешь? Чушь собачья!

— Андерс, — позвал Бетрим. Сам он стоял, прислонившись к стене, как можно дальше от двери, с хорошим обзором каждого закоулка, трещинки и уголка помещения. — Поди наверх и приведи Генри. Думаю, самое время обсудить, как будем убираться из этой жопы.

Андерс обернулся и, прищурившись, оглядел весь зал, словно не понимал, кто здесь говорит. Довольно странное действие, с учётом того, что за исключением Бетрима, Генри, Андерса и Джозефа ни один человек не заходил в таверну с самого начала восстания рабов.

— Ясно, босс, — сказал Андерс, потом повернулся и устоялся на лестницу, словно она была величайшим вызовом, когда-либо брошенным человеку. Поставил одну ногу на первую ступеньку, рухнул, и прополз весь оставшийся путь наверх. Бетрим взглянул на Джозефа, и тот в ответ закатил глаза. Бетрим подумал, что со временем он будет скучать по закатыванию глаз. Один-то глаз он и сейчас ещё мог закатить, но эффект будет не тот.

Генри и Андерс не спешили возвращаться. Бетрим уже чуть сам не отправился за ними, когда Генри неспешно пошла вниз по ступеням. Она оделась, чтобы уезжать: сапоги до бёдер для верховой езды, простые штаны, плотная кожаная куртка и та же шляпа, что она носила недавно. Похоже, ей стали нравиться шляпы. Бетриму никогда не нравилась сама идея шляп. Они сужали поле зрения, и из-за них сложнее было понять, не собрался ли кто-то покушаться на твою жизнь. Андерс нетвёрдым шагом спустился следом за Генри и разместился перед баром.

— Джозеф, налей Андерсу выпить, — приказала Генри. Джозеф исполнил, но выглядел при этом далеко не радостно.

Генри плюхнулась на стул рядом с Бетримом и вздохнула, даже не взглянув на него.

— Ну, эта... — начал Бетрим.

— Ты хошь свалить, — закончила Генри.

— Уж лучше так, чем получить перо в бочину от кучки буйных рабов.

Генри фыркнула.

— И куда поправишься?

— Хрен знает. Скорей всего на юг. Кессик, тот хуй, который это сделал, — он указал на глазную повязку, — где-то в Диких Землях. Думаю его поискать, отплатить ублюдку. Думаю, уж это я кое-кому должен. А ты остаёшься?

Генри кивнула.

— Я нигде и ничем раньше не владела. Наверно, надо просто попробовать. Посмотреть, получится ли... хрен знает.

Бетрим кивнул.

— Ага. — Он решил, что говорить больше нечего. По опыту Бетрима в такое время лучше всего уйти. В длинных прощаниях никакого смысла, особенно с таким народом. Он закинул котомку на плечо, кивнул Генри, Андерсу и Джозефу, и направился к двери. Ему надо было как можно скорее свалить из Солантиса, надеясь, что никто из освободившихся рабов не примет его за наёмника, и никто из наёмников не узнает, что за него назначено

вознаграждение.

Дверь ещё даже не закрылась за ним, когда Бетриму пришлось спиной вперёд вернуться в Собачий Смех, из-за острого кончика длинного меча, тыкавшего его в грудь. Если кто-то в таверне и удивился, то Бетрим этого не заметил. По правде говоря, он был слишком занят, глядя на человека, державшего перед ним опасное оружие. Их была целая группа — Бетрим насчитал двенадцать, и все как один были вооружены и выглядели недружелюбно. Бетрим подумал, что узнал державшего меч, хотя и не был уверен.

— Ну, может, побуду пока здесь, — сказал Бетрим, пятясь в таверну, и вооружённые люди проследовали за ним. — Эти парни привели весомые аргументы, чтоб я остался.

Бетрим услышал, как Генри сплюнула.

— Кайн. Ну разве это не мило — вламываться вот так, с оружием, в моё заведение. Особенно со всеми этими Длинными Зубами на поводке.

Знакомый на вид наёмник, тот самый, который направлял мечом в Бетрима, выглядел слегка смущённым.

— Мне жаль, Генри.

Генри фыркнула и горько рассмеялась.

— Не-а, не жаль. Если б те было жаль, ты б этого не делал.

— Вы здесь за наградой? — спросил Бетрим.

— Какой наградой?

Бетрим пожал плечами и постарался выглядеть беззаботно.

— Хотите отвести меня к Карлстону? — спросила Генри.

— Карлстона нет, — сказал другой мужик, один из Длинных Зубов.

— Помер? — спросил Бетрим.

— Сбежал. Ушмыгнул как-то ночью. Думаю, запрыгнул на первый попавшийся корабль.

Так убить ублюдка будет сложнее. Сначала Бетриму придётся найти Карлстона. Но перед этим придётся найти выход из этой ситуации.

— Забрать их оружие, всё. Следите за Генри, — приказал Кайн, и остальные наёмники исполнили приказ. Генри лишь смотрела, как два мужчины подошли к ней, и оба выглядели так, словно пытались обезоружить дракона.

— Кайн, не хошь рассказать, чё происходит? — спросила Генри, когда два мужика забрали её кинжалы.

— Сломанным Клинкам конец. Командир Гэрн взял большую часть парней, чтоб сражаться с рабами, и проиграл. Длинным Зубам тоже конец — теперь, когда Карлстон сбежал. Чёрные Кинжалы, Сыновья Сыновей и Дранные Флаги тоже. Всем конец, сдохли или свалили. Солантис почти пропал, и думаю, ещё до конца месяца тут будут заправлять рабы. Мы валим, пока эт не случилось. И вас троих берём с собой.

— Куда?

— В Тигель.

Раздался грохот — это Андерс упал возле бара, рухнув на пол пронзённой паникой грудой.

— Господа, вы, конечно, знаете, что я заложник. Они меня похитили, заставили этим заниматься. Я просто пойду своей дорогой. Благодарю вас от всего сердца за то, что спасли меня. — Пьянчуга встал, твёрдо, как скала, и направился к двери. Он сделал два шага, прежде чем один из наёмников ударил его в живот, согнув пополам.

— Связать им руки. Только этим троим, бармена оставить, — приказал Кайн, и

остальные повиновались.

Бетрим и Генри встали бок о бок и переглянулись. Каждый из них не впервые оказывался в такой ситуации, и оба знали, что лучше всего выждать, ждать подходящего момента, который, скорее всего, придёт ночью. Темнота давала много шансов для побега.

— Вы трое освободили рабов. Думаю, Брековичам это стоило немало. Мы ставим на то, что лорд Брекович будет весьма рад заполучить вас в свои руки.

Андерс застонал, Бетрим фыркнул, а Генри рассмеялась и сказала через плечо:

— Похоже, Джозеф, заведение теперь твоё. Удачи.

Джейкоб Ли

Джейкоб уже утратил понимание, сколько времени он провёл в своей новой камере, хотя большинство матросов звали её каютой. Океан ставил Джейкоба в сложное положение — он не мог подняться на палубу, не мог приближаться к морякам, поскольку в любой миг он мог услышать музыку. Его не привлекала возможность оказаться выброшенным в море. Так что он заперся в каюте, и один мальчишка каждый день доставлял ему еду — стучал один раз и оставлял поднос снаружи. Это было очень похоже на его камеру дома, только он слушал не других арбитров и клерков, рассказывающих о мире и своей жизни, а скрипы и стоны дерева под ним, над ним и везде вокруг него. Он слушал воду, которая качалась и пенилась, плескалась и хлюпала. Иногда он слышал голоса людей, ухаживавших за огромным деревянным зверем, но не часто. Нелегко было находиться долгое время на борту корабля, но жизнь была чередой трудностей, и с самой тяжёлой Джейкоб столкнулся давным-давно.

А сейчас, глядя на город, он видел, что столкнулся с совершенно новым вызовом. Капитан "Мира Хорхе", холёного корабля из Пяти Королевств, который вёз Джейкоба в Солантис, не хотел заходить в порт. С первого взгляда на огни и разрушения, даже издали, кто угодно мог понять, что прямо сейчас Солантис — не самое безопасное место. Капитан хотел уплыть назад, направиться на юг, в город под названием Коррал, но Джейкоб был не согласен. Сначала капитан упирался, но смягчился после первой сломанной кости, и согласился зайти в порт, чтобы Джейкоб сошёл.

При необходимости Джейкоб всегда мог конфисковать другой корабль, который отвёз бы его куда угодно, но всё же он верил, что найдёт Шипа в Солантисе. Судя по репутации этого человека, Чёрный Шип был причастен к нынешнему состоянию города.

Как только представилась возможность, Джейкоб спрыгнул за борт корабля и приземлился на деревянный пирс. И тут же услышал крик капитана выводить корабль обратно в море. Джейкоб повернулся и помахал рукой, но ни капитан, ни моряки не уделили ему никакого внимания.

Три человека, одетые в различные потрёпанные доспехи, приблизились к нему. У каждого на левой щеке красовалась уродливая татуировка. Собственные татуировки Джейкоба были куда более замысловатыми, искусными, и самые прекрасные были вокруг его глаз.

— Кто ты? — требовательно спросил один из мужчин.

— Я Джейкоб Ли, здесь по служебным делам, — ответил Джейкоб как можно

любезнее. В воздухе витал резкий запах, который исходил от горящей человеческой плоти, и Джейкоб слышал звуки битвы, где-то далеко в городе.

— Арбитр... здесь... уже? — спросил один из мужчин.

— Уже? — озадаченно переспросил Джейкоб.

— Прошло всего лишь два дня.

Джейкоб по очереди осмотрел всех мужчин.

— Два дня после чего?

— После восстания.

— А-а. Так это восстание? — Джейкоб посмотрел на вытянувшийся перед ним город. В доках валялись окровавленные трупы. Огни изрыгали клубы чёрного дыма в бледно-голубые небеса. Издалека доносился лязг металла по металлу. Джейкоб почувствовал, как у него немного начинает играть кровь. Где-то, очень далеко, как ему показалось, он услышал первую ноту песни.

— Я ищу корабль под названием "Кровавая Невеста". Он должен был прибыть в порт не более двух недель назад. Он всё ещё здесь?

Первый мужчина посмотрел на двух остальных. У говорившего не хватало правой руки и большей части зубов.

— Так это ж корабль кэпа Уинтерса. Он тут искал народ, заменить часть своей команды. Грит, ему пофиг кто, раб-не-раб, коль знает, как под парусом ходить.

— Капитан Уинтерс, вот кто мне нужен, — нараспев произнёс Джейкоб. — Он до сих пор здесь?

— Ага, "Невеста" всё ещё здесь.

— Вы не будете возражать, если я поговорю с ним? Немедленно, — улыбнулся Джейкоб.

Однорукий мужчина недоверчиво взглянул.

— А зачем арбитру кэп Уинтерс?

Джейкоб подошёл к нему, мягко отводя в сторону направленные на него клинки.

— Немедленно проводите меня к капитану Уинтерсу.

"Кровавая Невеста" была практически такой же, как Джейкоб её помнил, хоть и видел лишь раз, когда корабль уплывал от него. Теперь же он стоял у пирса со спущенной сходней, и пара ленивых моряков играли в кости, словно кровавый бунт в городе их вовсе не касался. Первый моряк, заметивший Джейкоба, ругнулся и вскочил на ноги, намереваясь поднять сходню. Джейкоб схватил мужчину за руку и выворачивал, пока не услышал щелчок, когда плечо вышло из сустава. Он позволил кричащему человеку упасть наземь и посмотрел на второго.

— Капитан Уинтерс на борту? — Испуганный моряк пылко кивнул в ответ. — Я хотел бы, чтобы вы немедленно проводили меня в каюту капитана. — Испуганный моряк снова закивал и повёл Джейкоба по доскам.

Джейкоб не стал утруждать себя стуком. Он приставил плечо к двери и толкнул. Замок сломался, и дверь распахнулась внутрь каюты. Укрытый ковром пол усеяли щепки. Мужчина и девушка внутри вскочили на ноги, размахивая оружием.

— Бля, — сказал мужчина.

— Капитан Уинтерс? — спросил Джейкоб.

— Э-э-э... нет, — не нужно было быть арбитром, чтобы понять, что человек врёт.

— Я хотел бы расспросить вас об одном вашем недавнем пассажире. О человеке по

имени Чёрный Шип.

Капитан Уинтерс сглотнул. Джейкоб слышал, как колотится его сердце.

— Никогда о таком не слышал. — Очередная ложь.

Джейкоб сделал несколько шагов по каюте.

— Печально это слышать. Он был на вашем корабле, когда вы покидали Сарт. Я лично видел его, и у меня прекрасное зрение.

Капитан взглянул на девушку.

— У нас действительно был пассажир. Не знаю, как его зовут. Не наше дело задавать вопросы.

Даже отсюда Джейкоб видел, как сильно потеет капитан в своих разноцветных одеждах. Он был отлично одет и прекрасно ухожен, хотя, очевидно, вышел из низов. Так же в руке он держал меч, и наличие оружия не внушало Джейкобу расположения.

— У арбитров нет здесь власти, — сказала девушка, бросаясь вперёд. — Просто скинем его за борт и избавимся от ублюдка.

— Рилли... — Капитан Уинтерс выскочил из-за стола, но было уже поздно. Рука Джейкоба метнулась и схватила девушку за горло. Та попыталась ударить его ножом, но Джейкоб другой рукой выбил клинок. Возможно, сломал ей кость в запястье, но сложно было сказать наверняка.

— Погодите... прошу, — Капитан Уинтерс замер на месте. Его лицо в ужасе застыло.

— Немного молода для любовницы, — сказал Джейкоб. — Хотя некоторым нравятся молоденькие. Возможно, дочь... — Глаза девушки пучились, а лицо приобретало странный голубоватый оттенок. Джейкоб сжал ещё чуть сильнее. Её рот открылся, она пыталась вдохнуть, но его хватка была слишком крепкой. Она цеплялась в его руку, ноги скребли по полу, пытаясь найти на полу опору, но Джейкоб держал её слишком высоко.

— Рилли, не так ли? — сказал Джейкоб, глядя на девушку и сдавливая ей горло. Он видел, что её глаза начинают тускнеть. — Ей недолго осталось, капитан. Или она задохнётся, или... её шея вот-вот сломается. — Руки девушки обвисли, а ноги перестали дёргаться.

— СТОЙ! ПРОШУ! — закричал капитан, его меч упал на пол.

Джейкоб ещё секунду подержал девушку, а потом отпустил. Она без сознания упала на деревянный пол. Джейкоб слышал тихое биение её сердца. Капитан Уинтерс бросился к дочери, чтобы убедиться, что она ещё жива. Джейкоб дал ему немного времени, а потом поднял капитана на ноги и легонько толкнул — мужчина ударился спиной в книжную полку.

Капитан Уинтерс ошеломлённо упал на пол, но Джейкоб не дал ему восстановиться. Он снова поднял капитана на ноги и легонько шлёпнул по лицу. Мужчина сплюнул полный рот крови на прекрасный ковёр, и его глаза сфокусировались на Джейкобе.

— Хорошо. А теперь расскажите мне о Чёрном Шипе, капитан. На этот раз правду, прошу вас. Сомневаюсь, что ваша дочь сможет пережить очередную ложь.

Капитан кивнул.

— Он был здесь, на борту. Доехал из Сарта в Солантис и сошёл. Несколько человек из моей команды преследовали его ради награды за его голову.

— Где он теперь? — спросил Джейкоб.

— Я не знаю. Не знаю. Последнее, что я слышал, это что он остановился в таверне под названием Собачий Смех, где-то на территории Сломанных Клинков. В заведении, которым

владеет его знакомая. Вот и всё. Всё что я знаю.

Джейкоб кивнул.

— Нет, не всё. Что вы мне не рассказываете, капитан?

Когда капитан прекратил кричать, Джейкоб знал, что тот уже мёртв. Его дочь, Рилли, так и не проснулась. С чувством выполненного долга Джейкоб покинул "Кровавую Невесту", соскочив на пирс. На этот раз моряков здесь не было, как и рабов в доспехах и с оружием. Джейкобу нужен был кто-то, знающий, как найти таверну. Его путешествие и миссия вскоре подойдут к концу, и он сможет вернуться в свою камеру. Впрочем, сейчас имелось нечто более неотложное.

Когда стихли последние крики капитана Арипа Уинтерса, Джейкоб услышал её совершенно ясно. Первые ноты безвкусной баллады об одном лорде Фалтерсе и жене рыбака. Он отлично знал мотив — тот был одним из любимых у Сары, хоть Джейкоб и не слышал, как она играла его на свирели.

Перед ним, вокруг доков, бродило множество вооружённых рабов, и столько же невооружённых. Просто идеально. В конце концов, так много времени прошло с тех пор, как Джейкобу доводилось потанцевать с кем-то.

Перн Сузку был хаарином. Он прошёл самое безжалостное, суровое и всестороннее обучение в Диких Землях, взял от него всё лучшее и сам стал лучшим. Его учителя были суровыми и требовательными, иногда даже жестокими, но Перн всегда считал это необходимым, поскольку это готовило его к любым жизненным обстоятельствам. Но ничто не могло подготовить к такому. Как могла женщина, даже такая маленькая, как эта, забраться в такой маленький ящик?

Конторсионистка^[9], как она сама себя называла, и хотя Перн не знал точного значения этого слова, он как раз начинал понимать. Она была не больше пяти футов роста, и всё же умудрилась поместиться в маленький деревянный ящик в четверть своего размера. Её ноги каким-то образом оказались за плечами, руки, казалось, выгнулись назад, а кисти пропали из вида под лужей человеческой плоти в ящике. Её лицо глядело на них, словно одна из собак-грызунов, живущих в пустыне, которые зарываются в песок, оставляя на поверхности лишь глаза и нос, ожидая в засаде проходящих мимо насекомых.

— Хм... — вот и всё, что сказал Шустрый. Перн был с клиентом уже несколько месяцев, и ещё ни разу не видел, чтобы тот не нашёлся, что сказать. — Чё думаешь, Сузку?

Перн взглянул на Шустрого и пожал плечами. По правде говоря, ему сложно было понять, что он видит. Казалось невозможным сформулировать любой словесный ответ.

Шустрый фыркнул, и казалось, собрался сплюнуть, но потом передумал.

— Ты можешь... хм... вылезти оттуда?

— Да сэр, — голосок у неё был высокий и в то же время тихий.

— Ну так вылезай.

То, как женщина извлекала себя из ящика, выглядело ещё тревожнее, чем то, как она туда помещалась. Сначала высвободились ноги, потом зашевелились руки, выгнувшись так, словно в теле у неё не было костей. Появилась кисть, потом другая, они взялись за края ящика, и женщина начала подниматься. Всё больше её тела показывалось над деревянным ящиком, и через несколько секунд женщина раскрутилась и встала перед двумя мужчинами, обнажённая, как в день появления на свет, и без единого волоса на теле. Она быстро опустила глаза и стояла, ожидая инструкций Шустрого.

Она не была красивой по сравнению с множеством женщин, которых Перн привык видеть в услужении Шустрого. Он находил её безволосость обескураживающей, не говоря уже о том, что её тело казалось детским. А Шустрый всё равно смотрел на неё плотоядно.

— Ты всё время делаешь это голая? — спросил он.

— Да сэр. В одежде это невозможно из-за трения.

— Ясно, — сказал Шустрый, кивая. — Трение, ага.

Женщина улыбнулась. У неё не хватало переднего зуба, и глаза были разного цвета. Перн обнаружил, что очарован абсолютной странностью этой женщины.

— Ну, кажись, ты нанята, — сказал Шустрый. — Чё скажешь, Сузку?

Перн не мог придумать никакого ответа, так что просто стоял и смотрел на женщину с её тонкими, как веточки, руками и ногами, и крошечной грудью. На миг она встретилась с ним глазами и отвела их, стеснённая его взглядом. Её аура была прозрачной и очень маленькой, почти незаметной.

— Ага, — сказал Шустрый, поняв, что Перн не собирается отвечать. — Выметайся и скажи Ярдли, что ты наняли. Он найдёт те место, где спать, и пристроит куда-нить. Но не давай ему себя трахать.

Женщина на миг встревожилась, потом кивнула и попятилась в дверь, прихватив с собой свой маленький деревянный ящик. Спустя несколько секунд она скрылась за дверью, которая захлопнулась за ней с громким стуком, эхом разнёсшимся по кабинету Шустрого.

— Пожалуй, эту бы я сам первым попробовал, — сообщил Шустрый, ухмыляясь Перну. Тот уставился в ответ с невозмутимым выражением на лице. — Если только этого не хочешь ты, Сузку. Вроде как она ты зацепила, а? Может, присунешь наконец свой хер куда-нить.

— Я хаарин, — заявил Перн.

— Ага, — со вздохом сказал Шустрый. — Эт ты, да.

Перн кивнул и вернулся на свой пост перед столом Шустрого, между ним и дверью. С начала своего контракта почти за три месяца Перн стал свидетелем семи покушений на жизнь своего клиента и способствовал предотвращению по меньшей мере двух из них. На самом деле его клиент предпочитал самостоятельно предотвращать эти покушения — Шустрый вполне способен был предотвратить всё, кроме самых решительных и опытных убийц. Временами Перн чувствовал себя почти излишним, но суждения были не его заботой. Того факта, что его клиент оплатил услуги хаарина, несомненно было достаточно, чтобы отпугнуть множество потенциальных желающих напасть.

Шустрый обошёл огромную отполированную деревянную плиту, служившую ему столом, плюхнулся в кресло, откинулся на спинку и положил ноги на блестящую деревянную поверхность. Каждый день рабы чистили и полировали стол, но никому не удавалось убрать царапины, появившиеся от ног Шустрого.

За исключением вычурного стола, кабинет Шустрого был аскетичным местом. Никакого камина, поскольку в Чаде не бывало по-настоящему холодно. Никаких книжных полок, поскольку книги могли бы открыть безграмотность Шустрого. В двух больших шкафах хранился большой выбор одежды — от самых модных нарядов до грязных лохмотьев и кожаных доспехов. На небольшой стойке располагалось множество разнообразного оружия, большая часть которого никогда не использовалась. Перн уже отлично знал, что его клиент вооружён до зубов, даже когда казалось, что он с пустыми руками. На восточной стене между дверьми и столом красовалась грандиозная картина с мужчиной весьма королевского вида. Изображение усопшего лорда Грегора Х'оста. Шустрый заявлял, что терпеть её не мог, но она напоминала людям, что он оставался единственным сыном Х'оста, хоть и бастардом.

— Так, кто там следующий? — сказал Шустрый, глядя на слугу у двери, как волк мог бы смотреть на муравья.

— Виллиан Огнеплотатель, — сказал слуга, нервно глядя на Шустрого, как муравей мог бы смотреть на волка.

Шустрый рассмеялся.

— Чё эт за имечко?

Слуга перед ответом привычно сглотнул. Перн наблюдал за мужчиной, в шестидесятый

раз за час оценивая степень угрозы с его стороны и снова приходя к выводу, что этот человек совершенно не опасен.

— Он глотает огонь, милорд.

— Да ну? Может, хоть поржём. Давай сюда этого болвана.

Слуга низко поклонился — так поступало большинство людей, которые хотели избежать внимания Шустрого — открыл дверь и позволил огнеглотателю войти. Тот оказался высоким и тощим, с тёмным лицом и русыми волосами, зализанными назад. Кривой нос, рыжая щетина, и слишком широкая улыбка, застывшая на лице. К тому времени, как огнеглотатель поклонился, Перн уже двигался.

— Милорд, — высоким голосом завыл мужчина, и в его руке появился маленький метательный нож. Запястье огнеглотателя непринуждённо дёрнулось, и нож полетел в сторону Шустрого. Перн отреагировал мгновенно — он протянул левую руку, схватив нож в воздухе, и бросился прочь, а ножи клиента тем временем уже вжикнули и вонзились в горло и в лицо огнеглотателя. Тот упал, булькая кровью, под звуки смеха и хлопков из-за его спины.

Мужчина средних лет в безупречной красной хлопковой рубаше, подходящих ей штанах и в длинном, но лёгком коричневом плаще перешагнул через истекающий кровью труп. Он всё ещё хлопал и смеялся, словно услышал самую смешную шутку в жизни. Он был привлекательным, в этом Перн не сомневался — с сильными, красивыми чертами лица, с коротко постриженными волосами цвета тёмного дуба и модной щетиной. Его ясные зелёные глаза, казалось, сияют на лице. Зубы были идеальными и белыми, за исключением одного золотого клыка, блестящего во рту. Обе мочки ушей мужчины были проколоты — в одной вставлен драгоценный камень, а в другой золотое кольцо. На виду новоприбывший носил лишь единственный длинный меч, но Перн чувствовал угрозу, словно она была материальной, словно погружала комнату во тьму — дымное облако угрозы. Пурпурная аура окружала мужчину, словно яркое пламя: в равной мере опасные намерения и контроль.

— Замечательно. Я поистине люблю отличные представления, — голос мужчины был глубоким и полным теплоты, хотя Перн не смог распознать акцент.

Правой рукой Перн вытащил меч ещё прежде, чем заговорил Шустрый.

— Ты как, Сузку? — в голосе Шустрого слышалось излишнее предупреждение, что опасность ещё не миновала.

Перн посмотрел на левую руку. Метательный нож вонзился в ладонь, а кончик клинка торчал с тыльной стороны. Он проигнорировал боль и подготовился к бою.

— Я хаарин.

Новоприбывший снова рассмеялся.

— Я так и понял, но думаю, тебе лучше наложить бинты. Почему бы тебе не свалить, а мы бы тут с Шустрым немного побеседовали приватно.

Перн не шевельнулся, а Шустрый не показывал, что хочет, чтобы хаарин шевельнулся. Как раз для такой ситуации Перна и наняли.

— Вроде как я тя не знаю, — сказал Шустрый. Перн не сомневался, что его клиент уже вооружён и готов в любой миг атаковать.

Новоприбывшего ничуть не испугало направленное на него оружие.

— Тогда позволь мне представиться. Капитан Дрейк Моррасс.

Перн почти слышал, как ухмылка спадает с лица Шустрого.

— Это невозможно. Мои люди в доках высматривают твой корабль.

Дрейк Моррасс легко прошёл мимо Перна, не обращая внимания на меч, направленный в его сторону, и уселся в кресло напротив Шустрого.

— Ага. Отвратительный тип по имени Брисон, кажется, сильно интересовался Фортуной, когда мы зашли в порт. В последний раз как я его видел, он плавал в заливе. Перед тем, как прыгнуть, этот дурачок решил набить карманы камнями и связать себе руки.

Шустрый выглядел совершенно недоволено.

— А с чего эт ему такое вытворять?

— Я могу лишь предположить, что он не хотел испортить сюрприз, — с широкой ухмылкой сказал Дрейк Моррасс, разводя руки. — Сюрприз!

— Ага, — сказал Шустрый и сел на своё кресло, держа в каждой руке по метательному ножу. — А у ты есть яйца, Моррасс. Приходить вот так, совсем одному. Для таких, как ты, эт может быть опасно.

— Ха! — рывкнул Моррасс. — Чепуха. Нам с тобой незачем желать друг другу смерти. По крайней мере, как мне это видится.

Шустрый взглянул мимо капитана Моррасса и махнул в сторону трупа, от которого как раз расходилось пятно красного цвета.

— Ах, это? Это просто я поздоровался. Ты же всё ещё жив, не так ли? Никакого вреда, — сказал Дрейк Моррасс, подмигнув Перну. Со своей стороны Перн был не совсем согласен насчёт отсутствия вреда: нож, по-прежнему торчавший из его левой ладони ощущался как довольно вредный. Но тренировки хаарина давным-давно научили его справляться с болью и игнорировать её.

— И чё ты хошь, Моррасс? — Спросил Шустрый, не проявляя никаких признаков веселья.

— Что ж, на самом деле есть парочка вещей. Во-первых, меня озарило, что я так и не поблагодарил тебя лично за работу, которую ты выполнил для меня в прошлом году.

— То есть, за убийство Х'оста.

Широкая улыбка Моррасса превратилась в жестокую ухмылку, и он почесал свою модную щетину.

— Ага. Конечно, твой отец был любопытным типом и весьма надоедливой занозой в моей заднице.

Перн видел, что Шустрый всё ещё осторожен, но он уже успокоился после покушения на свою жизнь. Его ноги снова легли на отполированный деревянный стол.

— У меня тоже парочка заноз найдётся. Но вряд ли стоит и дальше звать Х'оста моим папашкой. Насколько помню, он особо отцовских чувств не проявлял.

— И всё же ты хранишь такое... лестное его изображение, — Дрейк махнул в сторону портрета Х'оста. — А ещё ты предъявил претензии на состояние Х'оста, как единственный выживший наследник, хоть и бастард. Как я слышал, всех остальных Х'остов, выживших после резни в Хостграде, постигла череда несчастных случаев, окончившихся смертельными исходами. Забавно, как старая добрая резня может пойти кому-то на пользу.

На миг на лице Шустрого мелькнуло обеспокоенное выражение. Перн видел такое на лицах старых хааринов, неспособных или не желающих браться за контракт. Это был взгляд человека, который видел вещи, которые не желает вспоминать. Это был взгляд, который Перн не ожидал увидеть на лице своего клиента.

— Чё там в Хостграде стряслось — эт всё Чёрный Шип натворил, — запротестовал Шустрый. — Я сам выставил награду за его голову...

Моррасс засмеялся.

— Легко выставлять награду за голову мертвеца.

— А чё до остальных между мной и состоянием Х'оста — так не думаю, что я сделал чё-то, чё на моём месте не сделал бы и ты. И я-то уж уверен, что ты и чё похуже вытворял.

Улыбка сошла с лица Моррасса.

— Так деньги отца у тебя? Понимаешь, Шустрый, кое-что меня тревожит. Я заплатил тебе уйму денег за убийство твоего отца. Что-то около одного миллиона золотых монет, если я правильно помню, и ты, несомненно, тоже. Достаточно, чтобы купить место в правящем совете, но недостаточно, чтобы затем начать скупать всю собственность наших дорогих усопших лорда Зхо и лорда Колта. Так что, как видишь, мне пришлось задать себе вопрос, где же мой маленький убийца взял так много денег.

— Наследство, — солгал Шустрый через стиснутые зубы. — Богатый папочка оставил мне всё, методом исключения.

— Надеюсь, Шустрый. У твоего отца был знакомый. Интересно, слышал ли ты о нём. Его имя Кессик, в прошлом арбитр Кессик.

Шустрый фыркнул.

— Я с папашкой не особо дружил. Наскока мне известно, он мог хоть ёбаного императора Сарта знать, мне насрать. И чё у ты за дела с этим Кессиком?

— На самом деле обычные. Он хочет, чтобы я умер, а я примерно того же желаю ему. Ты, разумеется, дашь мне знать, если что-нибудь о нём услышишь.

— Ага. Само собой, — сказал Шустрый.

— Хорошо. Его сложно найти.

— И чё он делал для Х'оста?

Капитан Дрейк Моррасс ответил не сразу. Он сидел и смотрел на Шустрога, который смотрел в ответ. Перн стоял рядом, неподвижный, забытый, но обнажённый меч держал наготове на случай атаки.

— Твой отец хотел объединить Дикие Земли и сесть во главе, как сделал король Д'оро сотни лет назад. Он хотел снова объединить чистокровные семьи, и собирался сделать это кровью, огнём и страхом. Кессик помогал ему, по неясным причинам.

— Как? — спросил Шустрый.

И снова Дрейк Моррасс помедлил, артистично поправив воротник своего плаща.

— Не знаю точно, но благословения Инквизиции у него не было.

— А ты, значит, поддерживал кого-то другого? Ещё одного чистокровного?

С улыбкой и взмахом руки Дрейк Моррасс поднялся на ноги.

— Не-а. Мне плевать, кто из чистокровных сядет на трон, если кто-то и сядет. Просто не хочу, чтобы Кессик командовал. Ясно?

Шустрый кивнул.

— Ага. Ясно.

— Похоже, что ты и я, Шустрый, вместе владеем контрольным пакетом акций этого самого свободного города. Думаю, я побуду тут немного, посмотрю, как ты управляешься с остальными членами совета.

— Они у меня с рук едят.

Капитан Моррасс рассмеялся своим густым тёплым смехом, махнул Шустрому, подмигнул Перну и, театрально взмахнув плащом, повернулся и неспешно направился к двери, аккуратно переступив через истекающий кровью труп неудавшегося убийцы. Когда он

ушёл, Шустрый долгое время задумчиво сидел в тишине, а Перн стоял рядом, и его кровь капала на деревянный пол. Он почувствовал лёгкую слабость — нож нужно было вытащить из ладони, и чем скорее тем лучше.

— Скажи-ка мне вот чё, Сузку. — сказал Шустрый. Перн заставил себя сфокусироваться на клиенте. — Тот контракт по защите моей жизни распространяется на превентивные меры?

Перну понадобился лишь миг, чтобы понять, что имеет в виду Шустрый.

— Я хаарин, а не убийца.

— Блядь, за четыреста тыщ золотых тебе следовало бы быть, кем я захочу. Уёбывай отсюда и не капай кровью на мой пол. — Перн почтительно склонил голову и на нетвёрдых ногах пошёл к выходу. — И заодно избавься от ёбаного трупа!

Шип

— Драконово отродье, — один из наёмников, толстяк по имени Везунчик, говорил приглушённым голосом, словно само это слово могло вызвать огромную, летающую огнедышащую ящерицу им на головы.

— Это не драконово отродье, — сообщил Бетрим и снова поёрзал в седле. Похоже, как бы он не сел, ему всегда удавалось отдавить яйца. Наёмники из-за этого каждый день насмеялись над ним, а Чёрный Шип плохо относился к насмешкам. Он, может, и предпринял бы что-нибудь на этот счёт, но его руки были хорошенько скованы, не говоря уже о весомом численном превосходстве противников и отсутствии у него какого-либо оружия.

— А ты-то откуда знаешь, Шип? Хошь сказать, сам встречал дракона?

— Так уж вышло. Ага, встречал, — Бетрим врал со своим обычным непроницаемым лицом. — И эт не драконово отродье. Просто охуенно большая ящерица, вот и всё. Навроде водяных ящериц в Йорле, тока эти не плавают.

В этот момент, по правде говоря, ящерица ничего особенного не делала. Похоже, она не очень-то интересовалась проезжавшими мимо наёмниками и их узниками, и просто довольно грелась на солнышке на большом валуне. Бетрим подумал, что местечко у неё удобное, и он немного позавидовал зверюге.

— Ну, чё бы эт ни было, мне оно не нравится. Кыш! Уябывай! — крикнул Везунчик ящерице, махая копьём.

Ящерица подняла голову и посмотрела на толстого наёмника долгим терпеливым взглядом, не выказывая, что собирается немедленно двигаться. Спустя несколько секунд лошадь Везунчика отошла от валуна с ящерицей, и Бетрим понимал животное. Конкретно эта ящерица, длиной почти в три человеческих роста от носа до хвоста, была небольшим членом своего семейства, которые к северу, в скалистой части Диких Земель, вырастали вдвое больше и легко могли в два счёта расправиться с небольшой группой путешественников.

— Интересно, какой у неё вкус. Не отказался б от мяса вечером. — Это сказал один из бывших Длинных Зубов, мужчина с гигантским носом и широким прыщавым лбом. — Чё-нь свеженького. От солонины уже тошнит.

— Вряд ли ты б захотел её попробовать, — с ухмылкой сказал Бетрим. — Эти твари отравлены.

— Эти твари ядовиты, — натянуто сказал Андерс. С тех пор, как они остановились посмотреть на гигантскую ящерицу, он воспользовался возможностью ссутулиться в седле и злобно зыркать на всех из-под тяжёлых век.

— Чё? — проворчал Бетрим.

— Я просто поправил вас, босс, — сказал Андерс. — У них ядовитый укус, но они не отравлены.

— Не вижу разницы.

— А она есть, — Андерс покачал головой и поёрзал, чтобы уставитья в другом направлении.

Уже на следующий день после отъезда из Солантиса Андерс стал раздражительным. Он начал трястись, обильно потеть и много вздыхать. Теперь он трясся всё время, почти не спал и выблёвывал всё съеденное, когда вообще ел. Но вот от чего Чёрный Шип на самом деле хотел пристукнуть Андерса — так это от постоянных поправок. Казалось, всякий раз, как Бетрим нынче заговаривал, Андерс его поправлял — то по части языка, то по части структуры предложений. Бетрим даже не знал, что такое "структура предложений", но чем бы оно ни было, из-за этого он готов был избить Андерса до полусмерти. Даже наёмников уже достало — каждый день они катали кости, кто поедет с чистокровным ублюдком. На пятый день Кайн вставил Андерсу кляп, но сегодня пьянчуге снова дали вволю пользоваться ртом, и похоже, он был решительно настроен заставить всех пожалеть об этом решении.

Генри переносила путешествие намного лучше. Она все дни ехала молча, хотя раньше никогда не садилась на лошадь, и злобно смотрела на всякого наёмника, который приближался к ней на десять футов. Большинство научилось держать дистанцию, после того как первый наёмник, случайно тронувший её, кончил тем, что валялся, свернувшись на земле, а Генри его пинала — хотя он был вооружён и вдвое её больше, а она в кандалах.

Бетрим решил воспользоваться возможностью, пока наёмники глазели на огромную ящерицу, и направил лошадь в сторону Андерса. По правде говоря, он не знал, как управлять лошадью, так что он просто наклонился в ту сторону, куда ему было надо, и подождал, пока животное подчинится.

— Андерс, ты в порядке? — шёпотом спросил Бетрим.

Андерс поёрзал и взглянул на Бетрима. Он был бледен, как призрак, и по нему ручьями бежал пот.

— А как я выгляжу?

— Как тот, кто не хочет трезветь.

Андерс открыл рот, чтобы что-то сказать, потом закрыл, закатил глаза и вздохнул.

— Со мной было такое, — по секрету сказал Бетрим. — Станет лучше. Просто постарайся, чтоб эти парни те морду не расквасили...

— Я правда не думаю, что у меня будет время справиться с алкоголизмом, босс. Понимаете, завтра к этому времени мы будем в Тигле, и у меня есть странное чувство, что лорд Брекович не собирается просто тихо нас пожурить. — Лицо Андерса скривилось в подобии улыбки. — Но полагаю, скоро всё закончится. Есть чего ждать с нетерпением.

— Ну, эта... Думаю, я бывал в ситуациях и похуже. Чё-нть случится, — сказал Бетрим, стараясь сохранять позитивный настрой.

Андерс взглянул на Бетрима, потом застонал и зарыл лицо в гриву лошади. Животное

повернуло голову и посмотрело на Бетрима пустыми бесстрастными глазами. Некоторые в такой ситуации вели бы себя как Андерс, но Бетрим был не из таких. Когда ситуация крепчает, Чёрный Шип становится ещё крепче.

Когда едешь по Диким Землям, кажется, будто они тянутся без конца. Бетрим никогда не пробовал перейти их из конца в конец, и по правде говоря, так далеко на север, как сейчас, он ни разу не забирался, но ему рассказывали, что без лошади такое путешествие займёт годы. Погода здесь была холоднее, реки текли медленно, и самая большая — могучий Серый Поток. В ширину как Йорл, в глубь — как гора Око Бога в высоту, но при этом медленная, словно спокойный ветерок. Бетриму как-то раз даже рассказывали, что зимой поверхность Серого Потока может замёрзнуть. Замёрзшая вода казалась Чёрному Шипу особенно загадочной, и по правде говоря, сталкиваясь с ней ему не хотелось.

Пустынную местность усеивали камни и валуны, небольшие холмы часто вмиг сменялись отвесными утёсами, или, ещё хуже, штуками, которые учёные люди называли "осыпь" — склонами маленьких, шероховатых камней, которые двигались и крутились под ногами. На щебёнке невозможно остановиться — если уж камни посыпались, то унесут тебя донизу, а то и сбросят на дно и погребут под собой.

К счастью наёмники, которые захватили Бетрима и его маленькую команду, похоже, имели представление о местности и вели их по извилистому маршруту, всегда отыскивая долины и впадины, отваживаясь влезать на холмы, только когда не оставалось другого выбора.

На следующее утро перед маленьким отрядом наёмников и преступников уже тревожно виднелись огромные Крайсветные^[10] горы. Бетрим был не настолько глуп, чтобы думать, будто горы действительно отмечали край света, но у него не было ни малейшего представления о том, что находится за ними. По правде говоря, он сомневался, что хотел бы знать. Крайсветные горы отмечали северный край Диких Земель, и для Чёрного Шипа это значило край его света. И сейчас, зная, как близко ютился Тигель от этих гор (и к тому же были хорошие шансы, что Бетрима там казнят) — это место действительно могло оказаться краем его света. Мысль для головы Бетрима была неутешительная, поскольку город королей показался на горизонте, впервые в его жизни.

Говорили, что Тигель — старейший город во всех Диких Землях. По слухам, династия, правившая тысячи лет в Пяти Королевствах, изначально пришла из Тигля. Сам-то Чёрный Шип отлично знал, что большинство слухов отличалось от правды, как говно от мяса, но в одном все соглашались — Тигель был тем местом, вокруг которого Д'оро объединил Дикие Земли. Место, где он собрал всех военачальников Диких Земель под флагом перемирия, а потом жестоко убил половину из них, а вторую принудил к лояльности, похитив членов их семей, заставив жениться и используя странный яд, который убивал жертв, если они регулярно не принимали антидот.

Бетрим не был учёным, но о короле Д'оро он слышал лишь одно — это было, пожалуй, единственное имя в истории Диких Земель с репутацией чернее, чем у самого Чёрного Шипа.

С учётом того, что Тигель считался городом королей, он оказался совсем не таким, как ожидал Бетрим. По правде говоря, Шип даже немного разочаровался. Он-то ожидал грандиозный город вроде Сарта, с головокружительными зданиями и величественными башнями. А увидел холодные, серые каменные стены и стражников, которые скорее были похожи на варваров — одетые в доспехи, которые были странной комбинацией кожи,

металла и меха. Некоторые из стражников целились в наёмников и маленькую команду Бетрима из больших, опасных с виду луков. Ещё четверо на лошадях и со сворой злобных собак на поводках двигались от караулки, чтобы их окружить.

У самого плотного из четверых стражников был боевой топор и шрамов на лице не меньше, чем у Чёрного Шипа. На его шлеме был приделан череп какого-то животного, а поверх доспехов он носил длинную меховую накидку. Когда его лошадь рысью подошла, он сердито осмотрел всех в группе по очереди широко раскрытыми глазами, в которых, по мнению Бетрима, виднелся налёт безумия.

— Удивительно видеть гостей так далеко к северу. Особенно тех, кого мы не знаем, — голос мужчины скрежетал по всем оставшимся у Чёрного Шипа нервам.

Андерс застонал, сгорбившись в седле, а потом продолжил потеть и выглядеть как призрак. Собаки лаяли и рычали, а лошади ржали и казались настолько нервными, насколько это вообще возможно для неразумных животных.

Наёмник, Кайн, немного вывел лошадь вперёд, держа руки как можно дальше от оружия. Здоровенный стражник с боевым топором с виду был похож на человека, который с радостью срубит голову-другую без особого повода.

— Друг, может ты слышал о проблемах в Солантисе? — спросил Кайн.

— Ну.

— Так вот, эти трое стали тому причиной. Они освободили рабов. Они стоят за проклятым бунтом. Вся кровь на их руках, — сказал Кайн.

Бетрим сомневался, что им действительно стоит брать всю вину на себя, но не думал, что споры могут привести к чему-то хорошему. Его план заключался в том, чтобы убедить лорда Брековича, что их ложно обвинили. Он отлично понимал, что заявлять о невиновности на этой стадии бессмысленно, поэтому он решил держать рот на замке.

Огромный варвар с топором ещё раз хорошенько посмотрел на Бетрима, перевёл взгляд на Генри, которая злобно тарасилась в ответ с таким же налётом безумия, — и наконец посмотрел на Андерса.

— Сядь, — приказал варвар.

Андерс глубоко вздохнул и привёл себя в сидячее положение.

— Полагаю, мне уже немного поздно рискованно падать с лошади и таинственно ломать себе шею?

Большой стражник фыркнул и с отвращением покачал головой.

— Трус. — Потом он повернул лошадь и направился к городским воротам. — Поехали.

Чем ближе Бетрим подъезжал к стенам Тигля, тем сильнее его впечатляло, насколько они велики. Он решил, что стены примерно в двадцать человеческих ростов высотой, но лишь проехав под первой решёткой он понял, что в толщину они составляли добрых двадцать шагов твёрдого, серого крепкого камня. После второй решётки он понял, что стен две — внешняя и внутренняя. Проехав под внешней стеной, они оказались на деревянном подъёмном мосту длиной в футов тридцать. Под ним текла холодная с виду серо-голубая вода, и, судя по всему, текла она вокруг всего города между двумя стенами. Бетрим посмотрел вверх и увидел, что внутренняя стена ещё выше внешней, хотя сложно было понять, насколько. Потом они проехали под очередной решёткой и въехали в ворота внутренней стены. Эта стена была ещё толще, может даже вдвое, и, глянув вверх, Бетрим увидел больше дыр-убийц, чем мог сосчитать. Намного больше, чем он мог сосчитать.

Внутри города в пределах пятидесяти футов не было ни единого здания, а те, что

начинались дальше, были большими, укрепленными каменными чудищами, в основном с узкими с бойницами для луков, а на некоторых даже с баллистами, и все они были направлены пятьдесят футов земли до стен.

По всему, что видел Бетрим, было ясно, что любая армия, пожелавшая штурмовать Тигель, понесла бы недопустимые потери. Не то чтобы Чёрный Шип когда-нибудь принимал участие в осаде города с какой-либо стороны — у него просто не было на это причин. Впрочем, он видел несколько осад, и даже стал причиной одной.

Всего лишь несколько лет назад его схватил магистрат провинции Иланос, которого в то же время преследовал его старый друг, военачальник по прозвищу Пим Три Щели. Магистрат засел в городе Слимтаун, а Пим Три Щели прибыл днём позже, требуя передать ему Чёрного Шипа для казни. Магистрат отказался и настаивал, что Чёрного Шипа следует обвинить, согласно закону провинции, за убийство чистокровного из семейства Фанклинов. Три Щели времени не терял, начал штурм Слимтауна, и уже через несколько часов полгорода горело, а другая половина захлёбывалась в крови и дерьме, которые всегда сопровождают сражение. По иронии, пока две стороны сражались друг с другом за право казнить Чёрного Шипа, Бетрим вскрыл замок своей камеры, обездвигил пару напуганных стражников и умудрился ускользнуть из города, переодевшись солдатом из армии Трёх Щелей. Последнее, что слышал Бетрим, это что Пим отказался от титула военачальника, вернулся к бандитизму и нынче отнимал у людей заработанные тяжким трудом монеты где-то на равнинах Джевари. Разумеется, во всей истории со Слимтауном обвинили Чёрного Шипа.

После площадки за стенами и укрепленных сторожевых зданий Тигель начинал походить на город. Приземистые дома из дерева для бедняков перемежались с большими зданиями из дерева или из камня, которые скорее всего были тавернами или мастерскими. Множество колодцев снабжали город водой, а в лавках или на редких маленьких рынках сидели торговцы. Бетрим не заметил ни воров, ни попрошайек, ни наёмников. Вооружёнными были только стражники, которых было немало, и все были одеты как здоровенный варвар с безумными глазами, который их сопровождал.

— Лорд Брекович не очень-то любит преступность, — с улыбкой сказал Везунчик слева от Бетрима. Словно этот болван прочёл мысли Чёрного Шипа.

Бетрим сердито уставился на толстого наёмника одним глазом.

— И как ты тогда объяснишь Солантис? Самый незаконный и набитый преступниками город во всех Диких Землях. Даже хуже Коррала.

— Человек может не замечать чего угодно, пока бросаешь деньги в его сторону, — обречённо сказал Андерс. — Видимо, даже такой человек, как Найлз Брекович.

— Тихо! — командным голосом приказал варвар с безумными глазами.

Андерс ухмыльнулся ему в спину и насмешливо отсалютовал.

— Есть, капитан.

По мере того, как они продвигались в центр города, здания становились больше и лучше, хотя и сохраняли некий налёт аскетичности, по сравнению со столицами других чистокровных. На взгляд Бетрима, в этом районе жили лорды и леди, богатые торговцы, городские чиновники, командиры армии и другие чистокровные. Но, хотя жилища были большими, они не были экстравагантными. Ни высоких стен вокруг домов, ни причудливых садилов, полных бесполезных цветов, ни орд зрителей, и, что удивительнее всего, никаких рабов.

— Говорят, лорд Брекович не похож на остальных чистокровных в Диких Землях, — тихим голосом поведал Андерс, направив лошадь ближе к Бетриму. — Здесь ценится сила, а не экстравагантность. Жёсткий человек, который проводит жёсткую политику со своими людьми. Сурово, но справедливо. За кражу отнимают руку, за убийство — жизнь. И это только за преступления. Если его лорды начинают тратить кучи монет на имущество, он воспринимает это так, что у них слишком много денег и поднимает налоги. Если бедняки начинают голодать, он поднимает зарплату, чтобы помочь им расплатиться за еду. Город хорошо управляется и содержится в чистоте. Все солдаты, которых вы видели — опытные бойцы и проходят регулярные тренировки. Здесь достаточно еды, чтобы город мог выдержать по меньшей мере год осады, и достаточно оружия, доспехов и амуниции, чтобы любая нападающая армия поплатилась своими зубами.

— Угу, — проворчал Бетрим, разглядывая виды Тигля.

Дворец лорда Брековича появился почти неожиданно для Бетрима. Он ожидал снова увидеть высокую крепость, окружённую высокими стенами, видными через полгорода. Но это оказалось двухэтажное здание в ширину не больше сотни футов, примерно трёх сотен в длину и с изогнутой крышей, которая напомнила Бетриму корпус лодки. К парадному входу вела небольшая лестница, и по обе стороны от двери висело по гигантскому черепу с бивнями длиннее Бетрима.

— Блядь, а это кто такие? — спросил Везунчик.

Варвар с безумными глазами мрачно обернулся к толстому наёмнику.

— Черепа слонов. Оба были в полных доспехах и с множеством всадников на спинах. Лорд Брекович обоих убил в сражении.

— Никогда не слыхал, чтоб чистокровный лорд сам сражался в своих битвах, — вставил Бетрим.

И снова варвар сердито посмотрел на Бетрима.

— Если вождь не готов умереть за своих людей, то как он может ожидать, что они будут умирать за него?

Андерс фыркнул.

— Ага. Послушать, так он настоящий герой. Не могли бы мы закончить с этим? Кажется, я должен присутствовать на казни, и сомневаюсь, что она может случиться без меня.

— Знаешь, — сказал Бетрим, тыкая Андерса в бок. — Похоже, пьяным ты мне больше нравился.

— Я всем больше нравлюсь пьяным. Частично поэтому я так ненавижу трезветь.

Варвар покачал головой и спешил, передав поводья своей лошади ближайшему солдату.

— У этих ты главный? — спросил он Кайна.

Кайн глянул на остальных наёмников и кивнул.

— Ага. Наверное я.

— Тогда пошли. И вы трое, — он указал на Бетрима, Андерса и Генри. — Остальные остаются.

Бетрим спешил и изо всех сил постарался не рухнуть, несмотря на боль в ногах. Андерс прыгнул с лошади, словно был рождён в седле. А Генри чуть не упала, пытаясь слезть от животного, но сумела приземлиться на ноги, а потом злобно осмотрела всех, не смеётся ли кто над ней. Никто не смеялся.

Варвар пошёл по ступеням с Бетримом, Андерсом и Генри, которые стучали кандалами при каждом шаге, а Кайн поднимался позади. Варвар кивнул двум солдатам, стоявшим на страже, а потом открыл дверь. Бетрим последовал за ним внутрь.

Когда все вошли в здание, дверь закрылась, и Бетрим обнаружил, что они стоят в некоем подобии прихожей. Варвар подождал немного, а потом заговорил.

— У тебя есть ключи от кандалов? — спросил он Кайна.

— Ага.

— Сними их.

— Эм... ты уверен? Это преступники. Опасные преступники. — С последними словами Кайн глянул на Генри, и она посмотрела в ответ холодным, убийственным взглядом.

— Сними, — повторил варвар. — И не заговаривай с лордом Брековичем, пока к тебе не обратятся. И советую не делать угрожающих движений. — Он подождал, пока последние цепи не упали с запястий Бетрима, а затем открыл двери в главный зал и вошёл.

Прежде чем последовать за варваром, Бетрим быстро оценил свои возможности. У него было два варианта: он мог попробовать убедить лорда Брековича, что всё это ошибка, что они невиновны в преступлении, которое вешает на них Кайн, или попробовать убедить лорда Брековича, что живыми они ему нужнее, чем мёртвыми. В конце концов, чистокровным постоянно требуются такие люди, как Чёрный Шип.

Андерс

Свет в главном зале был тусклым — он исходил лишь от свечей и ревушего камина — но всё равно был слишком ярким для глаз Андерса. Всё было в этот момент слишком ярким, слишком шумным, слишком суматошным и чертовски раздражающим. Его голова болела, не переставая, уже несколько дней подряд, от дрожи он чувствовал себя, как старик, лежащий на смертном одре, и только за последний час пóта с него сошло солёными ручьями по меньшей мере в три веса его тела.

Андерс спрятался за Чёрным Шипом, благодаря которому, следовало признать, он в этой ситуации чувствовал себя немного лучше. Хорошо, что босс был высоким и широким — Андерсу было где спрятаться, хотя холодные взгляды, которые постоянно бросала на него Генри, немного действовали на нервы. Но всё равно, скорее всего, все они будут мертвы через час или около того.

Андерс огляделся за широкой спиной Чёрного Шипа. Главный зал был широким и просторным, с дверями в комнаты по обе стороны, и с лестницами в каждом конце, ведущими на второй этаж. Полы были деревянными и покрыты сушёным тростником, впитывавшим любые пролитые жидкости, и похоже, здесь они впитали жидкостей немало. По залу бродила свора собак, выискивая или выпрашивая объедки, и причина тому была довольно очевидна. Андерса, Шипа и Генри привели к лорду Брековичу во время пира.

Четыре длинных стола, за каждым из которых сидело около двадцати мужчин и женщин, были расставлены перед ними, и на каждом — горы всевозможной еды. Андерс насчитал по меньшей мере десять разных видов мяса, включая глазированного мёдом жареного вепря, фаршированного бизона, страуса, изготовленного на северный манер, с хрустящей корочкой, водяную ящерицу, запечённую в пиве и поданную с чили и перцем, и

другие блюда, которых он даже назвать не мог. Но не от еды у Андерса потекли слюнки. У каждого мужчины и у каждой женщины за столами были кружки, наполненные головокружительным количеством видов алкоголя. Некоторые пили пиво, некоторые вино, кто сидр, а кто медовуху. Андерс обнаружил, что наклоняется к столам, несмотря на своё основное желание спрятаться ото всех.

— Кого ты привёл сюда, Торивал? — Глаза Андерса резко сфокусировались, и он уставился в сторону источника голоса. Во главе центрального стола сидел, окружённый своими сыновьями, дочерьми и лучшими воинами, лорд Найлз Брекович.

Чистокровному лорду шёл пятый десяток, но выглядел он отлично. Высокий и прямой, широкий как бык и жёсткий, как сталь. Только седые волосы и морщины на лице выдавали его возраст, но даже их он носил с достоинством. Его некогда чёрные волосы, ныне подёрнутые сединой, висели, заплетённые в традиционные боевые косички. А усы, также начинающие седеть, были густыми, аккуратно постриженными и опали с губы, образуя на лице меховую подкову. Тёмно-зелёные глаза тлели под тяжёлыми бровями, а подбородок выглядел так, словно был вырезан из камня. Он рассеянно швырнул кость через плечо, закованное в доспех, и уставился на новоприбывших, а две собаки тут же принялись лаять за то, кому достанется обедок.

— Этот человек — наёмник из Солантиса, милорд. Он привёл вам троих, ответственных за восстание рабов, — сказал Торивал с лёгким поклоном, а потом отошёл в сторону со слабой улыбкой на лице. Андерс возненавидел бы его за это, вот только сейчас все, кого он ненавидел, сидели за столами и пили, но не ценили алкоголь, который был к нему так близко, но настолько вне досягаемости.

— Понятно, — голос лорда Брековича был густым, глубоким и внушал уважение. Он погрузился в задумчивое молчание и медленно поднял кружку ко рту. Андерс воспользовался возможностью и скользнул обратно за спину Чёрного Шипа.

Спустя, казалось, два бесконечных века чистокровный лорд снова заговорил.

— И как долго ты намерен прятаться от меня, Андерс?

Тишина, которая пала на зал, была оглушительной, как удар грома. Даже собаки прекратили тявкать, словно почувствовали опасность в воздухе. Андерс хотел бы и дальше съёживаться, но Чёрный Шип отошёл в сторону и подозрительно посмотрел на него одним глазом. Андерс пожал плечами и неохотно шагнул вперёд к столам. Все глаза в зале уставились на него, и ни один человек не выглядел счастливым. Во всяком случае, радости никто не показывал.

— Здравствуй, отец, — сказал Андерс с тяжёлым вздохом.

Молчание продолжалось. Это было большим сюрпризом для Андерса, который ждал, что один из братьев возьмёт на себя инициативу и бросит топор в его сторону, но никто этого не сделал. Большая часть его родни просто сидела и отчаянно пыталась повторять суровое задумчивое выражение лица его отца. Большинство, но не все. На лице Френсиса Брековича сияла самодовольная ухмылка по меньшей мере вчетверо больше его мозгов, и быкоголовый болван даже не пытался её скрыть.

— Я думал, что за двадцать восемь лет ты уже пройдёшь этот этап, Андерс, — у лорда Найлза Брековича была нервирующая привычка — казалось, он никогда не моргает. Это всегда тревожило Андерса.

— Какой этап, отец?

— Доставлять мне несказанную печаль и изо всех сил стараться подрывать положение

моей семьи.

От Андерса не ускользнуло, что отец исключил его из членов семьи. В конце концов, Найлз Брекович отказался от старшего сына всего лишь три коротких года назад.

— Отец, в свою защиту скажу, что на этот раз всё было совершенно случайно. Понимаешь...

— Ты хоть представляешь, сколько стоило моей семье это восстание рабов? — перебил его Найлз Брекович.

Андерс почувствовал, что во рту у него пересохло, как в заднице у песочного червя. Ради быстрого глотка из кружки с пивом он с радостью бы поборолся с любым мужчиной или женщиной в зале — хотя уж точно предпочёл бы женщин.

— Стоило, отец? В части потери доходов, или в стоимости подавления восстания? Потому что я думаю...

— Подавления восстания? — Эхом отозвался на слова Андерса лорд Брекович. — Восстание окончено. Рабы победили. Солантис, город наёмников, теперь стал городом рабов. Вскоре мне придётся заключать новые соглашения с их лидерами, и сомневаюсь, что они позволят мне заново открыть арены с рабами. Возможно, мне придётся брать армию на войну против одного из моих собственных городов!

Андерс открыл рот и осознал, что понятия не имеет, что сказать. Он повернулся и посмотрел на Чёрного Шипа, который повернулся и посмотрел на Генри. Та, в свою очередь, выглядела потрясённо и робко, словно юная девушка, которая впервые показывает грудь мужчине. Не было сомнений, что она впервые узнала, что по крайней мере частично ответственна за смерти половины города и освобождение другой половины, не говоря уже о последующей реструктуризации основ власти целой провинции.

Некоторые мужчины по крайней мере слегка улыбнулись, глядя на очевидное потрясение на лицах публики, но только не Найлз Брекович. Он оставался холодным, как лёд, и расчётливым, как самый бесстрастный учёный. В усиливающейся тишине он поднял свою кружку, давая знак её наполнить. Взгляд Андерса со страстным желанием сосредоточился на этой кружке, и он почувствовал, как несколько ручейков пота стекают по лбу. Потом он увидел служанку — она показалась ему знакомой, но он никак не мог понять, почему. Она была чистокровной, в этом он был уверен, и держала себя с некоторым достоинством, несмотря на большой фиолетовый синяк на щеке и покрытый коростой порез на губе.

Найлз Брекович проследил за взглядом сына.

— Она одна из дочерей лорда Д'роана, — спокойно сказал он. — Я захватил её у Врат Старца, сокрушив её армию. Склонность этого болвана Д'роана вооружать своих баб приведёт его к гибели. Скоро он заплатит за неё выкуп, хотя я намерен отправить её к нему с ребёнком.

Теперь Андерс узнал её. Леди Эмин Д'роан. Впервые он встретил её на балу устроенном последним лордом Х'остом. На ней тогда было надето одно из самых провокационных платьев, когда-либо виденных Андерсом — зелёная шёлковая ткань закрывала её от шеи до лодыжек, но не оставляла воображению ничего. Все мужчины на балу пускали слюнки, и сам Андерс использовал все известные ему уловки, чтобы залезть ей под платье. Она отклонила все его притязания, но в такой манере, что ему только хотелось ещё.

А теперь леди Эмин носила обычный наряд служанки, и Андерс обнаружил, что по-

прежнему хочет посмотреть, что под ним. На последних словах лорда Брековича она чуть не уронила кувшин с пивом. Несомненно, она была в ужасе, и правильно. В прошлом Андерс помог бы бедняжке, за определённую плату, конечно, но прямо сейчас у него создавалось впечатление, что он и себе-то помочь не сможет. После пренебрежительного взмаха лорда Брековича, чистокровная пленница отступила. Несомненно, ей уже объяснили все тонкости того, что её ждёт, если она не подчинится пленителю.

— Поправь меня, если я неправ, отец, но, — Андерс махнул в сторону столов, — кажется, не один Д'роан вооружает своих женщин.

— Ха! — восклицание донеслось от женщины, сидевшей рядом с Френсисом Брековичем. От женщины, которую Андерс слишком хорошо помнил — от Лиши Тенит.

Андерс помнил Лишу ещё маленькой девочкой. Она заслужила себе имя Лиша Яйцебойка, и в восемь лет оно прекрасно ей подходило. Потом, когда они только начали взрослеть, Андерс придумал ей новое прозвище, Лиша Плоская Грудь, что привело к ещё большему количеству ударов по яйцам. Затем, когда они подошли к зрелости, Андерс перестал придумывать прозвища и стал называть её "дорогая", "миледи" и "любовь моя", в том числе и потому, что предыдущее прозвище ей уже не подходило. Сначала она сопротивлялась ухаживаниям Андерса и милым комплиментам, но длилось это не долго. Нынче она выглядела хорошо, но Андерс помнил её полностью обнажённой, обвивавшей его ногами и издающей чудесное мурлыканье. Почему-то он сомневался, что она снова станет издавать для него такие звуки. Он заставил себя не ухмыляться, но не удержался и нахально подмигнул её.

— Бабы Д'роана убожества, — продолжила Лиша, игнорируя Андерса. — Эта вот прославилась своим искусством в битве. Теперь она славится лишь своим искусством сосать член.

По столам разнёсся рёв смеха, словно комментарий Лиши был самым остроумным из всего, что они слышали. Единственным, кто не смеялся, был сам лорд Брекович, и то лишь потому, что он не знал, как это делается.

— Припоминаю, что ты, Лиша, была весьма хороша в этом же самом искусстве, — сказал Андерс с ухмылкой на лице, которая опала, как только он глянул на кружку в её руке.

Меньше секунды спустя Френсис Брекович обнажил сталь, а спустя ещё секунду перепрыгнул через стол и с яростным рыком бросился в сторону Андерса.

— Френсис, — голос Найлза Брековича был тихим, но смысл был более чем ясен. Разъярённый Френсис остановился в нескольких футах от Андерса, меч в его руке трясся от гнева.

— Отец, его ложь оскорбляет мою жену. Мне должно быть предоставлено право поединка. Я...

— Сядь, Френсис, — слова их отца не допускали возражений, и Френсис Брекович был хорошо обучен. Он убрал меч и вернулся на своё место. Андерс решил подтолкнуть ситуацию — оскорблять младшего брата всегда было его любимым времяпровождением.

— Ложь, Френсис? Ты же наверняка заметил после свадьбы, что она уже, хм, не невинна? Чёрт, да об этом все знали. Отец уж точно знал.

Френсис Брекович посмотрел на Лишу, которая яростным взглядом пыталась прожечь дырку в Андерсе, и не она одна. Найлз Брекович не отводил глаз от старшего сына, и, насколько мог понять Андерс, до сих пор не мигал.

Тишина усилилась и висела долгое время. Найлз Брекович сложил руки домиком и

продолжал смотреть. Его мысли были скрыты за бесстрастной маской. Спустя некоторое время Френсис уже не мог больше сдерживать свой язык — младший брат Андерса всегда не умел контролировать себя. Его лицо покраснело, зубы стиснулись, и он ударил по столу двумя мясистыми кулаками.

— Отец, я требую права убить его! — крикнул он.

— Убить меня? Ты можешь получить лишь право на поединок. Полагаю, ты до сих пор боишься сражаться со мной честно, братец? Как и все остальные?

И хотя его вызов был совершенно беспочвенным блефом, он достиг желаемого эффекта. Вмиг весь зал взорвался спорами, яростными угрозами и выкриками оскорблений. Найлз Брекович может и являлся глубокомысленным и рассудительным человеком, но его двор всегда был кипящим котлом, готовым забурлить от малейшего намёка на оскорбление. Гам не был даже направлен на Андерса — эти дураки спорили между собой, у кого должно быть право убить его.

Это дало Андерсу ту возможность, которой он ждал. На ближайшем к нему столе, почти на самом краю, ненадёжно стоял наполовину наполненный винный кубок с прославленным красным алкоголем, который — Андерс знал это — всё сделает лучше. Он сделал шаг вперёд, потом ещё один, и ещё. Он уже почти мог дотянуться. Уже почти чувствовал вкус, ощущал, как вино течёт по горлу, распространяя тепло, уверенность и смысл по телу. Оставалось сделать лишь ещё один шаг, и Андерс его достанет.

Мужчина, владеец кубка, повернулся взглянуть на Андерса — и его спор временно забылся. Андерс воина не узнал, но с другой стороны он никогда особо и не приглядывался к мужчинам отцовского двора — его всегда больше интересовали женщины.

— Эм-м, интересно, нельзя ли мне просто... — Андерс указал на кубок и улыбнулся. — Ну, то есть, всего лишь чуть-чуть...

Внезапно разозлившись, солдат толкнул кубок локтем, и тот упал на пол. Андерс упал на колени, опоздав всего на секунду, а кубок коснулся пола, покрытого тростником, и отскочил, разливая содержимое, впустую растрчивая сладкий нектар. Солдат с презрительной усмешкой смотрел, как Андерс хватается кубок, протирает внутри двумя пальцами, а потом обсасывает их, спасая те капли, которые ещё остались. Этого было недостаточно, это вообще было ничто. Андерс раздумывал, не поднять ли тростник, пропитанный вином и попробовать высосать алкоголь из него, когда две большие руки подхватили его под левый локоть и подняли на ноги.

— Хули ты творишь? — хрипло спросил Чёрный Шип.

Андерс осмотрелся в поисках другого оставленного без присмотра кубка. Увидел лишь один, принадлежавший его отцу.

— Если я умру, то предпочту сделать это с полным животом. Умереть, как жил. В этом есть что-то поэтическое, не находите? — Чёрного Шипа это не позабавило.

— Есть у тебя план, как нас отсюда вытащить? — спросил Шип.

— Эм-м...

— Он же, вроде, твой папаша, а? Мож, ты просто его мило попросишь, или чё-нить типа того?

— Мы, эм-м-м... в не самых лучших отношениях, — поведал Андерс, хотя на его взгляд это было довольно очевидно.

— Блядь! — Шип всё ещё держал Андерса за руку, не давая ему попробовать схватить другой кубок. — А брательник твой, вроде, хочет с тобой сражаться. Если победишь, то

будешь свободен, так?

— Если брат на это согласится, то да. — Андерс обнаружил, что ему сложно ясно мыслить. Весь его план сводился к тому, чтобы вызвать неразбериху и стащить выпивку, а что делать дальше, он не думал.

— Так ты можешь его победить? Братишку-то?

Андерс фыркнул.

— Нет. — Он поднял трясущуюся руку. — И сомневаюсь, что я в моём состоянии могу принять участие в каком-либо поединке.

— Ясно. А чё нащёт поединщика? Вы, чистокровные, всё время заставляете других сражаться вместо себя, чтоб вас не поранили. Мож, мне за тя подраться?

— Хм-м. — Возможно, это было последнее, чего ожидал Андерс — Чёрный Шип предлагает сражаться от его лица, предлагает рискнуть своей жизнью. — Не думаю, что мой отец на такое согласится. Он не похож на других чистокровных. Считает, что мужчина должен сам сражаться в своих битвах и всё такое.

— Ладно тогда. — Когда Чёрный Шип отпустил руку Андерса, он тут же споткнулся и чуть снова не упал на колени — он даже не замечал, что босс его поддерживает.

— Лорд Брекович, — начал Шип, повышая голос, чтобы его было слышно за гвалтом в зале. — Думаю, мы стоили вам немало, и думаю, мы кое-что должны вам. Но люди вроде вас всегда могут использовать людей вроде меня, вроде нас. Так может, мы как-нть заплатим? Вам надо только назвать это.

Пока Чёрный Шип говорил, Найлз Брекович кивнул старому солдату, который их сопровождал. Андерс видел, что случится, но никак не мог этого остановить. Торивал встал за спиной Чёрного Шипа и сильно ударил того в основание черепа навершием кинжала. Шип без сознания упал ничком на пол. Андерс слышал, как Генри сзади низко зарычала, и метнул на неё предупредительный взгляд. Его отец был в милосердном настроении, иначе Шип получил бы острым концом. Если бы Генри попыталась убивать людей, то всё могло измениться.

С преувеличенной медлительностью Найлз Брекович поднялся со стула.

— Довольно, — его голос был тихим, но громче и не требовалось. В главном зале находилось более шестидесяти мужчин и женщин, и все как один замолкли. Некоторые взгляды вернулись к пожилому лорду, а некоторые — к его закованному в кандалы, трясущемуся, потеющему сыну. Андерс хотел бы съёжиться, но заставил себя выдерживать неприятельские взгляды.

— Андерс, ты будешь казнён.

Это был шок, и даже более того. На самом деле Андерс верил, что отец его отпустит. Пожурит и прогонит с глаз долой. Может, несколько ночей в камере — но казнь?

— Неужели, отец? — он услышал, что в его голос закрались трогательные панические нотки. — Ты и правда казнишь своего старшего сына?

— Френсис мой старший сын. Ты, наверное, помнишь, что я лишил тебя наследства, Андерс.

Собственно говоря, Андерс и впрямь помнил, и помнил хорошо. Он стоял в этом самом зале. В окружении примерно этих же аристократов — несколько примечательных лиц сейчас отсутствовали, но это было ожидаемо. Френсис ухмылялся, как король дураков, которым он и являлся — после лишения Андерса наследства, в случае смерти их отца всё переходило его быкоголовому младшему братцу.

В тот день здесь была и его мать. Андерс никогда с ней особо не ладил, но по крайней мере она заявляла, что любит его — когда была достаточно трезва, чтобы вспомнить его имя. Другие два его брата, Алфрик и Ноен, в тот день отсутствовали — преследовали бандитов, напавших на одну деревеньку. Сёстры тогда присутствовали — Жакуин смотрела на него таким же враждебным взглядом, как и отец, а Нат оплакивала потерю брата.

Тогда шёл дождь. Во время дождя в главном зале всегда стоял специфический запах, от которого, как помнил Андерс, он чувствовал тошноту. Сейчас, когда он подумал об этом, он решил, что тошнило его, скорее, от алкоголя — в тот день он выпил целый бурдюк. Достаточно, чтобы он чувствовал вино на себе, достаточно, чтобы все его силы уходили на то, чтобы его не вывернуло наизнанку. В тот день он был на одиннадцатой, или даже на двенадцатой стадии.

Но лучше всего из того дня он помнил своего отца, хотя и сквозь пьяную пелену. Тот был разгневан, если не сказать больше. Это был единственный раз, когда отец выказывал хоть какие-то эмоции, и все они яростным потоком были направлены на старшего сына.

Лорд Брекович перечислил преступления Андерса — и это был поистине длинный список — выделяя каждое вопросом: "Ты это отрицаешь?". Слово отрицание хотя бы одного пункта могло принести хоть крупицу чего-то хорошего.

Андерс молчал весь процесс, лишённый своего обычного остроумия и чувства юмора. Даже он сам не мог найти оправдания некоторым из своих преступлений; на самом деле, большей части.

Отец закончил процесс, оповестив, что, вследствие перечисленного, лишает своего старшего сына наследства и отказывается от него. Что с этих пор Андерс не имеет право носить имя Брековичей, и если его ещё раз увидят в Тигле, это будет означать его смерть.

— Отведи их в темницы, Торивал, — сказал лорд Брекович и уставился на Андерса немигающими глазами. — Проведёте несколько дней в темноте, пока я не решу, как вы умрёте.

Андерс как раз открыл рот, чтобы протестовать, когда что-то твёрдое ударило его по затылку, и пол помчался ему навстречу. Он попытался выставить руки перед собой, но из этого ничего не вышло. Всё начало темнеть, и он лишь слышал хохот младшего брата.

Сузку

Перн с тяжёлым сердцем наблюдал за бедолагой. Но ничего нельзя было поделать, не сейчас. Тот был привязан к большой бочке с песком, его руки были закреплены сверху. Подбородок располагался на краю бочки, позволяя смотреть на руки. Те были на данный момент целыми.

Подошёл Шустрый. Время от времени переводил мрачный взгляд с привязанного человека на дверь камеры и обратно. Перн ждал. Он годами учился терпению и теперь, медитируя в мрачном молчании, должен был стать свидетелем пытки. Он знал, что может уйти — Шустрый не требовал его присутствия, но Перн также знал, что рано или поздно ему придётся стать свидетелем всех тёмных деяний своего клиента.

За несколько коротких месяцев Шустрый уже продемонстрировал Перну все глубины своей порочности и невоздержанности. Хаарин наблюдал, как его клиент совершает акты

убийства и насилия, воровства и работорговли, манипуляции и принуждения. И всё это за несколько месяцев. Десять лет — это очень большой срок.

Всё это было частью кодекса хаарина. Для Перна являлось честью быть связанным со своим клиентом, защищать его жизнь, хранить его секреты. Не его делом было судить или высказывать мнение. Он был хаарином, и, за исключением его смерти, его услуги Шустрому могли закончиться лишь в том случае, если бы клиент стал угрожать клану хааринов.

— Где, блядь, эта падла? — Шустрый не обращался ни к кому и не ждал ответа. — Охуенно тупо заставляя людей ждать. Особенно, таких людей, как я.

Перн не мог не согласиться. Он сам видел, как с каждым днём терпения у Шустрого становилось всё меньше. И прибытие Дрейка Моррасса, а особенно его продолжающееся присутствие в городе, этого терпения не прибавляли.

— Те эт с рук не сойдёт, — выплюнул привязанный к бочке мужчина через сжатые зубы. — Он придёт за мной.

Шустрый фыркнул.

— Не. Не придёт.

— Он оплатит тебе тем же.

— Не. Не оплатит.

Привязанный мужчина застонал от боли, и его голова склонилась набок, опустившись на плечо. Его дыхание было громким и тяжёлым, один глаз заплыл от гигантского синяка цвета грозовой тучи, и от носа по губам и подбородку шла струйка подсохшей крови.

— Понимаешь, Белпер Фрот, у тя щас две проблемы. Первая — твой капитан не знает что ты у меня. Пряма щас он на встрече с двумя другими членами совета, а неудачливая глотка того идиота, которого он приставил следить за мной, перерезана час назад. А вторая твоя проблема — ты мелкая рыбёшка в охуенно большом пруду. Дело в том, что до тебя просто никому нету дела. Он узнает, что ты сдох — заменит тя, и всех делов. Короче, всё эт ставит тя в позу полного пиздеца. Где этот чёртов палач? Уже хочется самому начать. Неужто эт так трудно — бить человека, пока тот болтает?

Связанный мужчина не казался расположенным к разговорам. На самом деле он выглядел, словно не собирался выдавать никаких секретов капитана. Перн мрачно подумал, сколько боли тот сможет вынести, прежде чем изменит это решение.

Раздался слабый стук в дверь, и мгновением позже та открылась. Стоявший по ту сторону порога оказался высоким мужчиной с тоненькой белой подковой волос на голове и с длинным ястребиным носом. Он был в чёрном — вся одежда чёрная, включая перчатки, несмотря на жару Чада. Он внёс в комнату большой чёрный мешок и изящным текучим движением поставил его на пол. Его аура была тоненькой плотной линией тёмно-синего цвета. Никаких эмоций, только контроль.

— Он ранен, — тихим слабым голосом сказал новоприбывший.

Шустрый сплюнул.

— Только чуть-чуть.

Человека в чёрном это не убедило.

— В будущем я предпочёл бы работать с нетронутыми. Так легче их ломать.

Шустрый встал напротив мужчины и посмотрел на него.

— Надо ж было как-то его сюда притащить, а? Его не назовёшь добровольным участником.

— Тебе меня не сломать, — сказал человек, привязанный к бочке.

Шустрый и человек в чёрном посмотрели на привязанного к бочке мужчину, а потом снова друг на друга.

— Моя плата составляет тысячу золотых, безотносительно того, есть ли у него нужная вам информация, — тихо сказал человек в чёрном.

— Никаких гарантий? — спросил Шустрый.

— В моей работе гарантий быть не может. Вы предоставляете объект, я предоставляю услугу. Я заставлю его говорить и получу оплату вне зависимости от того, обладает ли он нужной вам информацией.

— Крутовато, без гарантий-то, — сказал Шустрый.

— Если вы желаете поторговаться, то уверен, найдутся и другие, кто сможет выполнить мою работу. Хотя нет никого, кто смог бы выполнить её так же хорошо.

Шустрый фыркнул и кивнул.

— Хуй с ним. Дам те две тыщи, если заставишь его петь.

— Моя плата одна тысяча, а не две. И убедительно прошу вас воздержаться от участия.

— Ага, тока я остаюсь.

— Это приемлемо. Мне нужно лишь его имя и список вопросов, на которые вы желаете получить ответы.

— Зовут его Белпер Фрот. Он...

— А вопросы? — перебил палач.

Шустрый скрестил руки на груди и ответил не сразу.

— Хочу знать, зачем Дрейк Моррасс здесь в Чаде. Хочу знать, чё он хочет от Кессика, и где остановился. Эта сволочь как призрак. И хвост за ним не поставит.

— Я ни хуя те не скажу, — крикнул Белпер Фрот со своей бочки. И снова Шустрый и человек в чёрном взглянули на него, а потом снова друг на друга.

— Это всё?

— Пока да. Мож, ответы потребуют новых вопросов.

— Тогда мне следует приступить. — Палач взял свой мешок и положил на стол. Открыл его и вытащил белую ткань, которую также положил на стол. Потом достал разнообразные клинки, ножницы, щипцы, молотки и другие инструменты, названий которых Перн не знал, и разложил их на белой ткани. Извлёк маленькую металлическую миску, налил в неё из пузырька резко пахнувшей жидкости, а потом убрал пузырёк обратно в мешок. Затем вытащил множество маленьких кожаных мешочков и разложил их в особом порядке, который только ему был понятен. И наконец он достал небольшую полоску бумаги с какими-то буквами.

— Это руна? — спросил Шустрый.

— Заклинание, — ответил палач.

— Я-то думал, только арбитры могут пользоваться такими штуками.

— На все запросы есть поставщики, лорд Шустрый.

— Ага, — сказал Шустрый с жадным взглядом в глазах.

— Обнажите ему спину, — приказал палач Перну.

Перн Сузку не шевельнул ни одним мускулом. Он посмотрел на высокого человека в чёрном и тихо сказал:

— Я хаарин.

Палач посмотрел на Шустрого. Шустрый покачал головой.

— Он к такому скверно относится. Но полезный хер. — Клиент Перна подошёл к Белперу Фроту и разорвал рубашку на его спине.

Палач выбрал место на спине пленника и прижал к коже маленький кусочек бумаги. Белпер Фрот напрягся, но верёвки держали крепко.

— Чё эт было?

Палач встал перед Белпером и посмотрел ему в глаза.

— Арбитры называют это заклинанием бессонницы. Оно не даст вам потерять сознание, хотя, в зависимости от вашего сотрудничества, я могу убрать его, чтобы дать вам передышку. Вы понимаете?

— Иди нахуй! — Белпер Фрот плюнул в палача, но высокий мужчина видел это намерение и легко ускользнул.

Он выбрал со стола короткие щипцы и снова приблизился к Белперу Фроту.

— Я начну с ваших пальцев. Если вы будете сотрудничать, я надеюсь, что дальше заходить не придётся, но если придётся, то дальше я перейду к вашим ногам. Вы поняли?

Белпер Фрот изверг поток проклятий, которые палач проигнорировал.

Перн в ужасе наблюдал, как палач сжал щипцы на ногте правого большого пальца Белпера и начал тащить. Сначала Белпер стиснул зубы и зажмурился, но уже вскоре раздался крик — когда начала рваться плоть, и ноготь выдернулся. Мужчина хныкал и всхлипывал, голова лежала у него на плече. Кровь лилась из большого пальца заполняя щель.

— Теперь вы знаете, чего ожидать, — сказал палач, сжимая щипцы на ногте правого указательного пальца. — Дальше будет хуже. Зачем Дрейк Моррасс в Чаде?

Белпер покачал головой из стороны в сторону и всхлипнул. Когда второй ноготь был выдернут из пальца, его всхлипы снова стали криками.

Перн стиснул зубы и изо всех сил постарался игнорировать звуки криков.

К тому времени, как перед палачом лежала аккуратная кучка из десяти ногтей, Белпер Фрот не сказал ни слова, кроме проклятий, которыми он осыпал всех и каждого в комнате — даже Перна, который не имел к этому никакого отношения и не хотел иметь ничего общего со всей этой ситуацией. Палач, казалось, совсем не удивился отсутствию сотрудничества у его объекта. Он снова принялся выбирать инструменты, и на этот раз взял небольшой мешочек с пылью. Потом он осыпал пылью открытые раны, где раньше были ногти Белпера, и вернул мешочек на своё место. Потом он подождал.

Перн взглянул на Шустрого. Его клиент выглядел нерадостно — он выпятил челюсть, поджал губы в тонкую линию и его глаза яростно сверкали.

— Уже недолго, — уверил его палач.

— Хорошо, — выдавил Шустрый.

— Если это зрелище вас тревожит, то можете подождать снаружи.

Перн почти ожидал, что его клиент схватит палача и вырвет ему пару ногтей, просто чтобы доказать, что его ничто не тревожит, но Шустрый лишь сплюнул и продолжал молча глазеть.

— Чё... — сказал Белпер Фрот. Его глаза широко раскрылись впервые за долгое время. — Боль...

— Исчезла? — поинтересовался палач.

Белпер Фрот кивнул.

— Хорошо. Мне кажется, следующий приём лучше работает, когда объект видит, но не чувствует повреждения.

Палач вернулся к своим инструментам и выбрал маленькие тиски с винтом сверху. Потом он поместил в тиски правый большой палец Белпера Фрота и начал поворачивать

винт.

Сначала казалось, что никакого эффекта нет — палач медленно поворачивал винт, по пол-оборота, и Белпер наблюдал с ошеломлённым выражением. Вскоре между двумя полосками металла закапала свежая кровь. Белпер Фрот всё ещё не чувствовал боли. Потом раздался громкий хлопок, и глаза Белпера расширились.

— Чё это было? — Голос пленника был высоким и паническим.

— Начало, — сказал палач, дальше заворачивая винт.

За этим последовала серия хруста, щелчков, скрежета, скрипа и сочного хлюпанья, от которых Перна выворачивало наизнанку, но он сдержался. Белперу Фроту было куда хуже. Сначала он пытался сопротивляться, потом начал пронзительно скулить. К тому времени, как палач ослабил винт и убрал тиски, Белпер трясся, нечленораздельно лопотал, а его большой палец превратился в сплюснутую массу плоти, крови и костей.

— Мне понадобится огонь, — сказал палач Шустрому. — Что-нибудь небольшое. Раскалённые угли подойдут.

Шустрый кивнул, но не мог отвести глаз от сплюснутого месива пальца.

— Ага. — Он дошёл до двери камеры, открыл её и крикнул слуге принести ведро раскалённых углей.

Белпер зажмурился и что-то бормотал между всхлипами. Палач терпеливо ждал, немелодично напевая себе под нос какую-то песенку. Он положил щипцы в металлическую миску с резко пахнущей жидкостью и заметил, что Перн смотрит на него.

— Не одобряете, хаарин? — нейтрально спросил палач.

Перн воспользовался моментом, чтобы успокоиться. В некоторые дни было сложнее помнить о своих клятвах.

— Я хаарин. Не моё дело одобрять или не одобрять.

— Понимаю. Анестетик вскоре прекратит действовать.

Палач не ошибся. К тому времени, как прибыл слуга с ведром раскалённых углей, бросивший взгляд на изувеченный палец, Белпер Фрот уже снова кричал. Шум был таким громким, что уши Перна разрывались, и если бы не смертельная суровость в глазах его клиента, Перн уже покончил бы с бедолагой здесь и сейчас.

— Я плачу за ответы, а не за то, чтоб слушать эти ёбаные вопли, — крикнул Шустрый палачу.

Палач кивнул и тоже заговорил громче, чтобы быть услышанным за криками Белпера Фрота.

— Это часть процесса. Если хотите, можете подождать снаружи. Некоторые люди...

— Поторопись уже! — из-за криков Шустрому пришлось повышать голос.

— Разумеется, — сказал палач и быстро посыпал пылью на раны жертвы. Через несколько минут крики Белпера Фрота прекратились, а палач покрылся нервной испариной и поглядывал на Шустрого.

— Белпер Фрот, — сказал палач. — Это был всего лишь один палец. Скажи мне то, что я хочу знать, иначе мы сделаем то же самое с каждым твоим пальцем на руках и на ногах. А потом я перейду к другим частям твоего тела и создам симфонию боли из твоих криков. Я буду держать тебя живым не часы или дни, но недели, и каждый миг будет наполнен агонией. Ты понимаешь, Белпер Фрот?

Мужчина, привязанный к бочке, слабо кивнул и всхлипнул.

— Белпер Фрот, если ты меня понимаешь, то скажи это, иначе боль вернётся.

— Да, — хрипло выговорил Белпер Фрот. Его голова вяло свисала и тонкая ниточка слюны свисала с его нижней губы. — Понимаю.

— Хорошо. Теперь я прижгу твою рану. — Палач не был великодушен. Одним быстрым движением острого скальпеля он срезал изувеченную плоть с большого пальца Белпера, потом взял другой клинок из ведра с раскалёнными углями и прижал к открытой ране. Запах горелой плоти заполнил воздух, и Перн снова сдержал рвотный позыв. Палач снова посыпал пылью на руки пленника.

— А теперь, Белпер Фрот. Зачем Дрейк Моррасс в Чаде?

Шип

— Папаша твой — пиздюк, — сказал Шип Андерсу.

Андерс кивнул.

— У нас интересные взаимоотношения.

Бетрим фыркнул.

— Он тя казнит. И нас тоже.

Андерс кивнул.

— Возможно, я этого заслуживаю.

— А мы-то нет!

На этот раз фыркнула Генри.

— Думаю, я заслуживаю этого больше любого уёбка здесь.

Бетрим решил, что зря он вообще начал этот разговор. Проблема заключалась в том, что здесь была сплошная пустынная местность, и молчаливое путешествие на смерть уже начало действовать на нервы.

Ублюдок, державший его верёвку, дёрнул, и Бетрим споткнулся. Его колено ткнулось в утрамбованную землю, и он снова встал на ноги. Он чувствовал, как начинает хромать, и настроения это не улучшило.

— Сказала чокнутая сука, которая перебила пол Чада, а потом, блядь, получила помилование.

Генри рассмеялась, переставляя ноги. Она всё ещё была в своей шляпе — охранники были так любезны, что побоялись отобрать её — и теперь поля скрывали лицо маленькой убийцы.

— Далеко не половину Чада. Не больше двадцати, и думаю, лишь немногие из них были кем-то важным.

— А как вы получили помилование? — спросил Андерс.

Генри зарычала из-под шляпы.

Бетрим снова споткнулся, но на этот раз успел подставить ногу. Похоже, они оказались в хреновой ситуации — их, связанных, тащили за лошадьми на собственную казнь. Лорд Брекович решил, что лучший способ от них избавиться — это позволить Диким Землям забрать их. Они направлялись к Костьбищу, и, хотя Бетрим ни разу о нём не слышал, судя по названию, приятным это местечко не было. Он думал, что неплохо бы немного поднять дух, а истории всегда в этом помогают.

— Давай, Генри. Расскажи ему, — сказал он с ухмылкой.

— Ты просто сам хошь узнать.

— Ты ж знаешь, как я разделался с арбитрами, — сказал Бетрим, и по большей части это была правда.

Генри посмотрела на Чёрного Шипа и ухмыльнулась.

— Ага. Даже с третьим.

Бетрим поморщился. Ему не нравилось, когда ему напоминали о третьем, и Генри это знала.

— Да чё такого-то, Генри? Мы все скоро сдохнем.

Маленькая убийца вздохнула.

— Меня отпустил Зхо.

— Лорд Зхо? — спросил Бетрим. — Тот хуй, которого мы пристукнули в том году?

— Ага. Похоже, ему кое-кто в совете не нравился — в то время там заседала девица по имени Лелит Чемберс. Наверно, чё-нить с ним не поделила. Богатые вечно находят причины, чтоб желать чьей-то смерти, тока не любят пачкать свои ручки в крови.

— С учётом нынешней ситуации, пожалуй, так оно и есть, — согласился Бетрим. Они с Генри оглянулись на Андерса — чистокровный болван просто потел позади них.

— Ну, Зхо не хотел убивать эту Лелит Чемберс, он хотел отправить ей послание. Что-то вроде "не шути, блядь, со мной". Так что он освободил меня, и я пообещала убить её сына. Мелкого проказника ещё даже от сиськи не отлучили.

Бетрим мрачно кивнул. Ему приходилось убивать детей, хоть и не таких маленьких. Самому младшему из тех, что он прикончил, было, может, лет шесть. Мелкий говнюк набросился с ножом — впрочем, Бетрим не собирался его убивать. Неудачно получилось тогда.

— Из них течёт кровь, как и из остальных. И неважно, насколько они маленькие... — Голос Генри стих. Бетрим сомневался, что такое возможно, но казалось, что ей немного стыдно.

— Не хотелось бы мне прерывать ваши душевные излияния, любовь моя, — сказал Андерс. — Но, с учётом нашего положения, я бы предпочёл сменить тему беседы на что-нибудь более светлое. Не то чтобы убийство младенцев не было забавной темой.

Генри вскинула голову, так, что под шляпой показались глаза, и бросила на Андерса свой лучший злобный взгляд. Андерсу удалось каким-то образом побледнеть ещё сильнее, и он быстро шагнул в сторону, чтобы оказаться подальше от неё.

Остаток пути к смерти они прошли намного тише. Похоже, Андерс решил снова не заговаривать, а Генри уже столько наговорила о своём прошлом, что на пару жизней хватит. Бетрим подумывал, не рассказать ли что-нибудь о своих деяниях, но иногда ситуация требует тишины, и это была как раз такая ситуация.

Здесь, так далеко на севере Диких Земель странным было то, что несмотря на солнце, висевшее высоко и светившее на них, без единого облачка на небе, в воздухе веяло прохладой. Бетрим был разгорячён и вспотел от быстрой ходьбы, но кожа становилась липкой от холода. Лёгкий ветерок довольно приятно обдувал лицо, иногда сдувая капли пота.

Андерс споткнулся, упал на колени и едва не рухнул на травянистую землю. Болван всё ещё явно страдал от отсутствия алкоголя, и три дня пути позади лошадей плохо влияли на всех, но на него сильнее прочих. Бетрим быстро бросился к Андерсу, наклонился, чтобы подставить плечо под его руку, а потом выпрямился, поднимая Андерса на ноги.

— Спасибо, босс, — промямлил чистокровный пьянчуга.

— Просто держись, Андерс, — тихо сказал Бетрим. — Скоро мы найдём выход.

На это Андерс только кивнул. После этого он держался поближе к Бетриму, иногда опираясь на здоровяка. Было время, когда Чёрный Шип, оттолкнул бы его, да ещё и с ног бы сбил, но нынче, похоже, друзья были редкостью, и он не собирался избавляться самостоятельно ни от кого из них, даже от такого бесполезного, как Андерс.

Так далеко к северу животные были уже в основном не такими, как на юге Диких Земель. Кроме гигантских сухопутных ящериц здесь паслись огромные стада мохнатых зверей с длинными изогнутыми рогами, которые жевали короткую траву и иногда мычали. За многими стадами присматривали пастухи — в основном молодые парни, которые безжалостно наблюдали, как мимо них проходят преступники с сопровождением. Тут наверняка были и другие животные. Бетрим как-то заметил небольшую группу северных слонов — они были в полтора раза ниже южных, и уши у них были намного меньше. Не раз над головами мелькала тень — это одна из гигантских птиц каррок преследовала их. Крылатые кошмары не стали бы атаковать такую большую группу, но один-два человека могли стать лёгкой добычей для летающих тварей.

Костьбище незаметно подкралось к Бетриму. В один миг они с трудом ковыляли, глаза на бесцветную землю, которая, казалось, тянулась лишь чуть меньше вечности, а в следующий уже спускались в сухую пыльную долину, полную костей.

Следовало признать, Костьбище соответствовало своему названию. Костей в долине было полно. Некоторые старые и наполовину засыпанные землёй, другие намного более свежие, просто валявшиеся на земле, а на некоторых даже виднелись красные пятна крови. Но большая часть была идеально отбелена годами и погодой. Некоторые поднимались из земли, оканчиваясь изогнутыми, зазубренными шипами, а иные завивались и смешивались с другими костями, формируя в пыли удивительные скульптуры.

Повсюду валялись черепа разных созданий. Многих Бетрим знал, но многие видел впервые. Он заметил груды белых черепов, которые выглядели, как человеческие, но вблизи оказалось, что они принадлежали гигантским обезьянам, которые жили в некоторых южных лесах. Загадкой было то, как столько черепов могло оказаться так далеко на севере, но он сомневался, что когда-либо узнает правду.

Один из сопровождающих, пожилой мужчина, у которого морщин было больше, чем волос, повернулся в седле и посмотрел на пленников. Он игнорировал Бетрима с Генри и смотрел только на Андерса.

— Ничё на память не приходит, а, трус?

Андерс изнурённо вздохнул, оглянулся по сторонам, и поднял глаза на говорившего.

— Знаешь, я действительно припоминаю, как приводил сюда однажды твою жену, Семон. Эта Селфи такая проворная.

Лицо Семона потемнело.

— Селфи моя дочь.

Андерс ухмыльнулся.

— У-у-упс.

Семон сурово дёрнул за верёвку, привязанную к запястьям Андерса, и чистокровный тупица растянулся посреди пыли и костей. Бетрим бросился вперёд и поднял Андерса на ноги. У того из-под волос показалась струйка крови, стекала к носу и капала с подбородка на землю, которая её тут же впитывала.

— В Тигле есть кто-нибудь, кого ты не бесишь? — тихо спросил Бетрим Андерса.

— Хм... Нет. Думаю, нет таких.

Они шли всё дальше в Костьбище, брели по извилистому пути среди костей. Семон иногда дёргал верёвку Андерса, но после второго падения лицом в пыль Андерс стал умнее и научился справляться с рывками, к большому раздражению Семона. В какой-то момент птица каррок, преследовавшая их весь последний день, исчезла, а потом вскоре в небе появились уже две тени. Бетрим поднял глаза и увидел двух кружащихся птиц, наблюдающих и ждущих. Вид был совсем не успокаивающий.

Они остановились на небольшой поляне среди костей. Слева на них двумя тёмными безднами глазниц таращился череп гигантского слона. А справа ему подражал череп ещё больше, но Бетрим не знал, какому животному он принадлежал. В центре поляны не было ни укрытия, ни тени от солнца, и в землю было вкопано восемь больших деревянных столбов.

Солдаты из Тигля спешили и принялись готовить площадку. Вскоре Генри и Бетрима затолкали в центр и крепко привязали к столбам, крепко связав руки позади них. Стоять так было неудобно. Когда солдат закончил привязывать Генри, он встал перед ней и сильно ударил слева по лицу. Её голова откинулась вбок и шляпа полетела на землю. Взгляд, которым она одарила солдата, заставил его отступить назад. Она сплюнула полный рот крови.

Затем солдат приблизился к Бетриму. Хорошие зубы были у этого солдата. Бетрим как раз представлял, как выбивает их, когда кулак ударил его в живот. Когда привязан к столбу, трудно согнуться пополам. Так что Бетрим просто повис, без воздуха в лёгких, задыхаясь, как рыба.

— И это... — проговорил он, после того, как несколько секунд часто хватал воздух ртом. — И это всё? Попробуй ещё раз. Сильнее.

Солдат подчинился. Ещё два раза кулаки ударили в живот, и снова Бетриму пришлось потратить какое-то время, напоминая телу, как дышать.

— Продолжай, — сказал он солдату. — Ещё разок на удачу.

На этот раз мужчина врезал Бетриму прямо по лицу. Раздался треск, и Бетрим ощутил вкус крови, почувствовал, как она бежит по лицу. Не говоря уже о сильной боли, которая всегда сопровождает перелом носа.

— Ладно, — он закашлялся и сплюнул. — Начинаю понимать, о чём ты.

Солдат расхохотался и пошёл прочь, оставляя Бетрима истекать кровью и радоваться, что верёвка на запястьях привязана крепко. Иначе Чёрный Шип рухнул бы, а такого никто не должен видеть.

Когда Бетрим поднял глаза, он увидел, что Андерс проводит время ещё хуже. Солдат, очевидно, проинструктировали не церемониться. Пьянчуга валялся, скрючившись, в пыли и принимал пинки от двух мужиков, каждый из которых был вдвое больше него.

Потом женщина, которую он называл Лиша, соскочила с лошади и приблизилась, держа в руке маленький и очень блестящий ножик. Когда она подошла, два солдата прекратили пинать и отступили на шаг.

— Андерс, — сказала женщина, глядя на чистокровного пьянчугу, словно он был чем-то, во что она только что вступила.

— Лиш, — выговорил Андерс окровавленными губами. — Как всегда рад тебя видеть, разумеется. Я бы поклонился, но боюсь, земля сейчас немного слишком удобная. Может, ты присоединишься ко мне здесь?

Женщина помахала перед ним ножом.

— Я хотела отрезать тебе яйца, в качестве трофея.

Бетрим увидел, как Андерс улыбается. Он подумал, что нужно настоящее мужество, чтобы улыбаться от такой угрозы.

— Уверен, твоему мужу это понравится. Мои всегда были настолько больше, чем у него.

Женщина взмахнула ногой и пнула Андерса в лицо. Он перекатился на спину, и лежал, постанывая.

— Муж дал мне чёткие приказы. Ты должен хотеть жить. До самого конца. Жаль, нельзя забрать у тебя ничего, отчего ты сдашься.

— Точно, — сказал Андерс. — Это было бы ужасно невежливо...

— Держите его! — приказала женщина, и три солдата выдвинулись вперёд и прижали Андерса к земле. Один из них взял его правую руку и вытянул перед собой, заставив широко расставить пальцы.

— погоди, — крикнул Андерс, и теперь нотки паники отчётливо слышались в его голосе. — ПОГОДИ! Что ты делаешь? Лиш! погоди!

Женщина его проигнорировала. Она установила нож у мизинца Андерса, прямо над первой костяшкой, и подождала, убедившись, что он видит, убедившись, что он смотрит.

— Нет...

Нож опустился, и Андерс закричал.

Женщина подняла отрезанный палец и ткнула Андерсу в лицо. Звук, который он издал, был похож на долгий вой. Потом женщина отбросила палец прочь.

— Это за Элайзу. Ещё четыре на очереди.

Бетрим стиснул зубы, сплюнул кровью и заговорил, пока всё не стало ещё хуже.

— На твоём месте я б этого не делал.

Женщина посмотрела на него.

— А то что?

— Мож ты заметила, — продолжил Бетрим, — но у меня есть кой-какой опыт с потерянными пальцами. И знала бы ты, как они кровоточат. Отрежь их побольше, и Андерс вырубится, и не сможет посмотреть, чё вы тут для нас приготовили.

Женщина помедлила и взглянула на Семона. Тот лишь пожал плечами.

— Ладно. Просто привяжите убудка к остальным. Хотела бы я остаться здесь и посмотреть.

Андерсу удалось слабо улыбнуться, когда его поднимали на ноги.

— Не стесняйся... занять моё место... если уж тебе так хочется.

Женщина ударила его по шее, и Андерс стал кашлять и задыхаться, пытаясь вздохнуть. Вскоре его привязали к столбу рядом с Бетримом и Генри. Солдат обошёл их, проверив, насколько крепко держат верёвки, а потом Лиша подошла в последний раз. Она подняла бурдюк, набрала полный рот алкоголя и выплюнула Андерсу в лицо.

— Френсис хотел, чтобы, умирая, ты знал, что это было здесь. Так близко и так далеко. — Она положила бурдюк на землю в десяти футах, потом забралась на лошадь, и они уехали. Меньше чем через минуту Лиша и её солдаты превратились в облако пыли вдали, оставив Бетрима, Генри и Андерса умирать.

— Вода? — спросила Генри.

Бетрим увидел, как Андерс облизывает губы.

— Лучше. Вино. — Болван слабо дёрнулся, а потом снова повис.

— Андерс, я уже говорил, но твой папаша — пиздюк! — сказал Бетрим.

Андерс рассмеялся.

— Вовсе нет. На самом деле он куда хуже.

— Хм...

До поляны донёсся навязчивый смех. Бетрим знал этот смех, и знал отлично. Он был холодным, нечеловеческим, насмешливым. И издавали его смеющиеся собаки.

Генри

Вид крови это одно, и в пыли вокруг её виднелось немало, но вкус крови это нечто совсем иное — влажный, металлический и густой. Генри сдержала позыв сблевануть и снова сплюнула.

На поляну снова откуда-то донёсся смех. Может, та же собака, может другая, сложно было понять. Определённо положение становилось всё более отчаянным — Генри вовсе не горела желанием быть разорванной стаей голодных собак.

— Кому-нть удалось ослабить верёвки? Можете высвободиться? — хрипло спросил Шип, сражаясь со своими путами.

Генри выгнула руки, выкрутила, снова потянула, а потом покачала головой. Андерс быстренько попробовал, вскричал от боли и упал на колени. Генри, конечно, никогда не лишалась пальца, или пальца на ноге, как и любой части своего тела, но можно было с уверенностью предположить, что болеть должно было... сильно.

— В такие минуты я скучаю по Шустрому, — сказал Шип слева от Генри. Пожалуй, это последнее, что она хотела бы услышать. От этого её кровь забурлила, нога заболела, и от гнева внутри захотелось кого-нибудь пырнуть.

Генри наклонилась как можно дальше, её плечи заныли от боли в суставах. Потом она поставила левую ногу на деревянный стол, а правую над ней. Стиснув зубы от боли, Генри подняла левую ногу и поставила над правой. Потом наклонилась назад, подпрыгнула на фут и снова наклонилась вперёд. Её плечи кричали в агонии и грозили выскочить из суставов, но всё-таки держались, и она снова начала болезненный процесс.

— Ебануться, — услышала она голос Шипа сквозь туман боли.

Генри глянула на Чёрного Шипа и увидела, что он уставился на неё с разинутым ртом, но отвлекаться не могла, чтобы не терять концентрацию. Горячий пот ручьями тёк по её лицу, смешиваясь с подсыхающей кровью и капая на землю.

Она начала процесс снова. Левая нога. Правая нога. Отклониться назад. Подпрыгнуть. Наклониться вперёд. Она глянула вниз и увидела, что едва поднялась от земли. Левая нога. Правая нога. Отклониться назад. Подпрыгнуть. Наклониться вперёд.

— Сколько ещё осталось? — спросила она сквозь сжатые зубы.

— Всего лишь несколько футов, любовь моя. — В голосе Андерса слышалась нотка надежды. Приятно было её слышать после трёх дней нытья и отчаяния.

Левая нога. Правая нога. Отклониться назад. Подпрыгнуть. Наклониться вперёд. Генри услышала, как что-то хрустнуло, и мгновением спустя боль стала непереносимой. Она часто, тяжело задышала и почувствовала слёзы вместе с кровью. Левое плечо превратилось в жгучий сгусток агонии, которая наполняла болью всё её тело. Всю свою решимость она

тратила на то, чтобы не рухнуть вниз.

— Давай, Генри. Ещё совсем немного! — сказал Шип откуда-то снизу.

Генри покачала головой. Боль была слишком сильной. Она зажмурилась и подумала, не пора ли вырубиться.

— Шустрый смог бы.

Странное дело, гнев: это одно из лучших обезболивающих. Генри почувствовала, как нарастает жар, как сохнут слёзы, боль уходит и усталость утекает, а потом её затопила волна гнева.

Она открыла глаза и приготовилась к очередному прыжку. Чёрт возьми, Генри докажет всем, что она лучше этого ублюдка Шустрого.

Левая нога. Правая нога. На краю поляны из глазницы слоновьего черепа появилась серая четвероногая фигура. Смеющаяся собака была высотой в пару футов, лоснящаяся, с голодными глазами и злобной ухмылкой. Она смеялась над людьми.

Отклониться назад. Подпрыгнуть. Наклониться вперёд. На этот раз сопротивления не было — деревянный столб кончился. Генри наклонилась вперёд, в восемь футов воздуха, и пыльная земля бросилась ей навстречу. Левое плечо снова закричало от боли, муча смешивалась с удовольствием, поскольку от приземления сустав встал на место. Из глаз потекли новые слёзы, но у Генри не было времени остановить их. Она подняла колени вверх, протащила связанные руки под задницей и ногами, пока те не оказались впереди.

Нетвёрдо поднявшись на ноги, Генри доковыляла до своей шляпы и подняла её из пыли.

— Не время для этого, Генри! — прорычал Шип, уставившись на что-то впереди — и, несомненно, у этого "что-то" была куча острых зубов и желание их применить.

Генри не обратила внимания на Чёрного Шипа и вытащила скрытый кинжал, который прятала в шляпе. Перевернула рукоять и начала быстро перерезать верёвку на запястьях. Смеющаяся собака напала.

Зверь проигнорировал Генри и Шипа и помчался в сторону Андерса. Генри почувствовала, как что-то в её груди сжалось. Нож перерезал последние волокна верёвки, и её руки освободились. Она бросилась наперерез животному.

Смеющаяся собака прыгнула на Андерса, а Генри — на смеющуюся собаку. Они столкнулись в воздухе, зубы зверя щёлкнули в нескольких дюймах от лица её мужчины.

Коснувшись земли, Генри перекатилась на колени. Что-то острое больно вонзилось в левую руку. Не думая, она пырнула туда и дёрнула нож вниз, к основанию шеи собаки. Из рта псины вырвался вопль удивления, зверюга закачалась, сделала шаг и рухнула, утащив Генри за собой. А она вытянула правую руку, раскрыла челюсть пса и вытащила окровавленную левую руку. И начала бить умирающего зверя в грудь, снова, снова и снова.

Генри перестала понимать, сколько раз уже ударила смеющуюся собаку. Она смутно слышала крики Шипа, но не уделяла им внимания. Она била, била и била. Жажда крови постепенно уходила, и наконец Генри обнаружила, что стоит на коленях перед зверюгой, все руки в крови, а по лицу текут слёзы и пот.

— Генри! Ёб твою мать, сука чокнутая! Проснись! — во всю глотку кричал ей Шип.

Она повернула голову и взглянула на старого друга. Единственный глаз смотрел на неё с энергией двух, а его голос охрип от командирского тона, которого она раньше от него не слышала.

— Генри, ты снова с нами? — спросил Шип.

Генри кивнула и нетвёрдо поднялась на ноги.

— Ага. Наверное.

— Тогда, блядь, развяжи меня.

Генри сделала, как было велено. Она доковыляла до Шипа и быстро перерезала верёвки на его запястьях, а потом занялась теми, что удерживали Андерса.

— Уф, благодарю вас, миледи, — сказал Андерс и направился к бурдюку с вином. — Вы, конечно, очень милы, и я, ах, просто... думаю, будет лучше, если я...

— Оставь это, Андерс, — приказал Шип. В его руках появилась пара маленьких клинков, каждый не больше пальца.

— Но я...

— Что важнее, вино или твоя жизнь? — спросил Шип.

— Это вопрос с подвохом?

Ещё две смеющихся собаки появились на краю поляны, и, судя по звукам, они были не одни. Казалось, проклятые твари создавались из теней.

С громким покорным вздохом Андерс поднял бурдюк с земли и закинул за плечо.

— Думаю, оставлю это... ненадолго.

— Давай поменяемся, — сказала Генри Шипу, пока они готовились встретить смеющихся собак. Чёрный Шип посмотрел вниз на свои двойные ножи и кивнул. — Всегда больше нравилось сражаться двумя клинками.

Андерс присоединился к ним.

— А мне один не достанется?

— Нет, — в унисон ответили Генри и Шип.

— Значит, я должен буду просто заговорить их до смерти?

— Есть мысли, как поубивать этих тварей? — спросил Шип.

Генри фыркнула.

— Думаю, бить их, пока не перестанут шевелиться — эт должно сработать.

— Точно, ага.

Появились ещё три смеющиеся собаки и начали ходить по кругу, окружая Генри и остальных. Одна из собак издала пронзительный смех, а остальные ответили весьма похожими звуками. Генри ненавидела, когда над ней смеются.

Андерс подобрал левой рукой обломанную кость, а правую он прижимал к груди, и из неё на тунику медленно капала кровь. Генри знала, что с этим надо разобраться, и быстро, но сейчас были более важные вопросы. Звери кружили, а они стояли треугольником, спина к спине, махая своим жалким оружием так угрожающе, как только было возможно. Генри чувствовала, как ноет нога, чувствовала, как кровь капает с левой руки. Шип стоял рядом — в полтора раза выше, но всё же не в лучшей форме. Его лицо ниже носа стало красной маской, мизинец на левой руке, хоть и стоял на месте, но всё ещё был сломан, и, судя по его дыханию, солдат хорошенько поработал с его рёбрами.

Одна смеющаяся собака похрабрее бросилась вперёд и щёлкнула зубами. Шип яростно пнул, целясь ей в морду, но тварь отскочила, дразня Чёрного Шипа своим смехом. Другая зверюга прыгнула, но отскочила назад, когда Андерс закричал на неё, размахивая своей заострённой костью. Собаки становились всё смелее, подходили ближе и ближе.

Шестая смеющаяся собака появилась из теней и направилась в сторону той, которую убила Генри. Пару секунд она обнюхивала труп, потом оторвала кусок плоти и принялась жадно пожирать.

— Эти ёбаные твари жрут друг друга! — крикнула она с отвращением.

— Разумеется, — сказал Андерс. — Они нападают на нас не по злобе, а просто потому, что голодны.

— Мясо есть мясо, — сказал Шип. — У меня мыслишка появилась.

Очередная псина метнулась, чтобы цапнуть Шипа, а он в ответ пнул пылью ей в морду. Смеющаяся собака, получив пылью по морде, остановилась, зачихала, и дико затрясла головой из стороны в сторону. Шип не дал ей шанса оправиться — в ту же секунду он бросился на неё. Дважды пырнул тварь в грудь, а потом поднял, уклонившись клацающих зубов, и швырнул её изо всех сил в сторону другого мёртвого зверя. Тело приземлилось с глухим ударом и уже не шевелилось.

Ещё две собаки прервали свои атаки, чтобы посмотреть на ту, которую Шип только что прикончил. Быстро приняв хавшись и поняв, что это труп, они вцепились в него. Вскоре и оставшиеся две присоединились к своим друзьям.

Маленькая команда медленно отступала от смеющихся собак. Генри жёстко врезалась во что-то спиной. Обернувшись, она обнаружила, что это деревянный столб, к которому она была привязана. На вершине столба сидела птица каррок, размером почти с Генри. Гигантская птица наблюдала за людьми огромными тёмными глазами, а потом пронзительно каркнула и взмыла в воздух.

— Я бы, пожалуй, съелась из этой адовой дыры, да поживее, — сказала Генри, не обращая ни к кому и не ожидая ответа.

— Ты это место знаешь, Андерс? Как отсюда лучше выбраться? — спросил Шип.

— Знаю.

— Тогда веди.

Шип

Андерс шёл впереди, и, похоже, знал, куда направляется. Он вёл их прочь от поляны, прочь от пути, которым они пришли, прочь от Тигля. Они чуть не наткнулись на гнездо сухопутных ящериц, но твари, похоже, спали, поэтому они медленно, осторожно и очень тихо обошли гнездо. Даже одна ящерица могла завалить дюжину людей, а Бетрим насчитал четверых, нежащихся на солнце.

На окраине Костьбища они остановились. Андерс рухнул возле кости, похожей на гигантское ребро, и сделал три больших глотка вина, прежде чем с довольным вздохом расслабился. Бетрим вырвал бурдюк из рук пьянчуги, быстро глотнул сам, а потом передал вино Генри. Они уже целый день ничего ни пили, и Бетрим сильно поджарился. По правде говоря, им надо было поскорее отыскать воду, иначе они начнут падать от обезвоживания.

Бетрим передал бурдюк обратно Андерсу и хорошенько взглянул на его отрезанный палец. Та сука не отрезала его целиком, и палец заканчивался обрубок после второй костяшки. К счастью для Андерса, кровотечение стихло и почти остановилось. Бетрим оторвал полосу зелёной ткани от рубахи Андерса и стянул обрубок как можно крепче.

— Не знаешь случайно лекаря где-нть поблизости? Думаю, придётся нам это прижечь, — мрачно сказал Бетрим.

Андерс сглотнул полный рот вина.

— Каутеризировать?

— Чау... чё? Прижечь. Опалить. Чтоб рану запечатать.

— Это больно? — спросил Андерс. Бетрим ясно видел страх на его лице, и по правде говоря, он ему сочувствовал.

— Как в аду. Но, по крайней мере, эт не твоя мордаха, — сказал Бетрим, касаясь обожжённой стороны своего лица.

Он взглянул на Генри. Она стояла, глядя на горизонт, её лицо скрывалось под полями шляпы. Она не стала бы жаловаться, но Бетрим видел, по тому, как она стояла, что где-то у неё сильно болело, может даже везде, с учётом того, через что она прошла. Похоже, она неслабо повредилась, освобождая их из Костьбища. Бетрим снова взял бурдюк с вином из рук Андерса и протянул Генри.

— Надо чё-т сделать с этим укусом, Генри, — сказал он.

— Там всё в порядке.

— Или дашь мне взглянуть, или я тя вырублю и всё равно посмотрю, — сказал он, хоть и надеялся, что она не станет выбирать последнее.

Маленькая женщина склонила голову и мрачно посмотрела на Бетрима, но потом, поморщившись, подняла левый рукав до локтя. Бетрим хорошенько осмотрел рану — вроде не выглядела заражённой, хотя сложно было сказать наверняка. Он полил укусы доброй порцией вина и промыл их, как мог. Андерс застонал, но ничего не сказал на такое использование алкоголя. После Бетрим грязной тряпкой перевязал Генри руку.

— Ну, не особо симпатично, и не лучшее лечение из тех, что мне доводилось делать, но сойдет, наверно, пока не отыщем нормальных припасов.

Генри поверчала и вернулась к разглядыванию горизонта.

Бетрим осмотрелся, ища, куда бы прислониться, и не нашёл подходящего места. Кости вокруг были недостаточно высоки, а кроме них вокруг ничего не было, только пыль да трава с палец. Он тихо заворчал, скрестил руки и встал так, чтобы видеть и Генри и Андерса.

— Ну так кто из вас хочет быть первым? — спросил он.

— Чё?

— Пардон?

— Думаю, у вас обоих есть история, и думаю, самое время их услышать.

— Не уверен, что понимаю, о чём вы, босс, — сказал Андерс, хотя по его лицу было ясно, что он лжёт.

— Я хочу знать, чё эт твой папашка так хотел нас порешить, и почему та сука готова была столько всего от тя отрезать. И ты, — сказал он, указывая на Генри. — Я знаю, что вы с Шустрым никогда особо не ладили, но нынче всякий раз, как я упоминаю его имя, ты выглядишь так, будто готова сорвать солнце с неба и хорошенько отпинать. Так кто из вас начнёт? — снова спросил он.

На них опустилась тишина. Бетрим пристально разглядывал друзей, ожидая, кто из них начнёт. Андерс решил, что его отсутствующий мизинец — самая интересная вещь в мире, а Генри натянула шляпу, полностью скрывая лицо. Ни один из них не собирался делиться какими бы то ни было деталями.

— Андерс? — спросил Бетрим.

Чистокровный пьянчуга вздохнул.

— Он не пытался нас убить. Не по-настоящему.

— Хм... — начал Бетрим. — Ты ж был там. Привязанные к столбам. Голодные смеющиеся собаки. Верная смерть.

— Если бы мой отец хотел моей смерти, он казнил бы меня в Тигле. Но он отправил меня с вами на Костьбище, чтобы мы могли сбежать, и мало кто знает эти места лучше меня. На самом деле не важно, что я натворил — я по-прежнему перворождённый, его старший сын, а мой брат Френсис по-прежнему идиот. Очевидно, мой отец верит, что однажды я приползу назад, извинюсь и стану хорошим маленьким наследничком, о котором он всегда мечтал. — Андерс фыркнул. — В этом он, наверное, слегка ошибается.

Бетрим пожал плечами. В словах Андерса может и был смысл, но он не ответил на вопрос Чёрного Шипа.

— Так чё ты натворил, Андерс?

— Я не всегда был тем миролюбивым, спокойным человеком, которого вы видели до сих пор. До изгнания я совершал преступления. Люди получали ранения. Люди умирали. Некоторые от моих действий, некоторые косвенно.

Бетрим подождал, пока Андерс продолжит, но ожидание затянулось.

— Деталими не поделишься?

— Это не целесообразно, босс.

— Чё?

Чистокровный вздохнул.

— Это не важно. Это было много лет назад. Как вода под мостом... ну, понимаете, если только мы не собираемся возвращаться в Тигель, а я вас уверяю, что я не собираюсь.

— Нам важно, — тихо и мрачно сказала Генри. — Надо знать, с кем мы в команде.

— Эт не команда, — напомнил Бетрим. — Но да. Она права.

Андерс вздохнул.

— Два года назад чистокровные семьи жили в мире. Это длилось уже четыре года. Мой отец и Д'роан были близки, до начала мира они были союзниками, а после и друзьями. Единственный сын Д'роана, Натан, жил с нами в Тигле. Он был молод, и мой отец полагал, что Натан женится на моей сестре, Черо. На самом деле Натан был мелким уёбком, который залез к моей сестре в постель, а потом её игнорировал. Она была для него всего лишь очередной чистокровной, которую он трахнул. Я и сам занимался примерно тем же самым, но он так поступил с моей сестрой! Я подготовил Натану Д'роану сюрпризик, в очередную его поездку на лошади. Нанял банду, чтобы они догнали его, избили и показали, каково это, когда трахнут тебя.

Андерс замолчал. Бетрим впервые видел его таким пристыженным. Он чуть не попросил Андерса остановить рассказ, но уж очень ему хотелось знать, чем всё закончилось.

— Натан в тот день поехал кататься не один. Он взял Черо, и Лишину сестру Элайзу, и солдата по имени Галнарт Берт. Наёмники, которых я нанял, были не самыми умными. И им не нравились сюрпризы. Они убили всех. Лорду Д'роану не очень-то понравилась смерть его единственного сына. Он объявил, что миру конец, и уже через месяц все семейства снова принялись убивать друг друга. Так продолжается и по сей день.

— И, по-твоему, эт всё из-за тебя. Думаешь, ты начал войну?

— Если бы не я...

— Если бы не ты, эти чистокровные болваны просто нашли бы другой повод начать резать друг другу глотки. Они воюют уже дольше, чем живёт любой человек. Намного дольше. Вроде как немного надо, чтоб втянуть их в это. Твоей вины тут не больше, чем вины Генри в начале восстания рабов в Солантисе.

— А остальные? Черо, Элайза...

— Ну, померло из-за ты несколько человек, которые может и не заслуживали этого. Ты, видать, недавно в игре Диких Земель, а то знал бы, что такое просто иногда случается. Все мы кончали людей, которые, возможно, того не заслуживали. Надо просто... жить дальше.

Андерс горько рассмеялся.

— Я слишком долго и слишком хорошо играю в эту игру, босс. Вот почему я здесь.

— Ты назвал четверых, — неожиданно сказала Генри. — Та сука, что палец у ты забрала, грила про пятерых.

Андерс побледнел.

— Сестра Лиши была беременна. У меня есть чувство, что она меня ещё не простила.

— Генри... — начал Бетрим.

— А чё ты так сильно хочешь смерти этого Кессика? — перебила она Чёрного Шипа.

Бетрим помедлил. Ему не хотелось рассказывать, что Кессик снится ему каждую ночь. Не хотелось рассказывать, что всякий раз, как он закрывает глаз, он заново переживает ночь, когда Кессик победил его, изрезал и вырвал глаз. И что он постоянно слышит тук-тук-тук, как в той чёртовой камере.

— Эт из-за него померли Джеззет и Танкуил. Тебе, Генри, они мож и не нравились, но они были моими друзьями. Тогда, в Сарте, я должен был убить Кессика. Я облажался, и мои друзья умерли. Думаю, эт стоит какой-нть мести, и похоже я единственный, кто может с этим разобраться.

— Тогда давай заключим сделку, Шип. — Генри подошла к Бетриму и уставилась на него. — Я помогу те найти и убить этого арбитра, если ты поможешь мне убить Шустрого.

Бетрим первым бы признал, что он не самый умный человек, но тут даже он начал складывать кусочки воедино.

— Ты знаешь, где он?

Генри фыркнула.

— Где ж ещё этому хуиле быть, как не в Чаде. Он владеет половиной города, заседает в совете и строит из себя чистокровного лорда.

— А-а. И где ж он нашёл столько монет, чтоб это всё купить? — спросил Бетрим.

Взгляд Генри стал ещё суровой.

— Кто-то ж должен был получить плату за последнюю работу. Мы убили Х'оста.

— Насколько помню, только ты, я, да Босс знали, кто нас нанял, а уж Босс-то точно никому не рассказывал, после того, как ему всё лицо откусили в Хостграде, а я... ну, я был заперт в подземелье Инквизиции.

Генри замолчала. Бетрим решил поднажать. Он решил, что уже знает правду, но некоторые вещи лучше произнести вслух.

— Отчего ты хромаешь, Генри? — спросил он.

Прошло довольно много времени, но наконец, она ответила.

— После Хостграда я сбежала. Решила, что все вы померли. Не понимала, как кто-то мог бы выжить с этими демонами. — Генри громко фыркнула и уставилась на Бетрима. По правде говоря, столько ненависти он ни в ком ещё не видел. — Этот ублюдок догнал меня в Чаде, до того, как я пообщалась с людьми Дрейка. Мы сражались. Он победил. Выпытал у меня имя заказчика... — Генри стиснула зубы.

Бетрим глубоко вздохнул и кивнул.

— Он насильовал тебя?

Генри сильно толкнула его обеими руками в грудь, заставив отступить на шаг. Потом

ударил его. Бетрим видел, что сейчас будет удар, но всё равно его принял. Он их все видел, и все принял. По правде говоря, было чертовски больно, особенно удары в живот, куда прежде бил солдат из Тигля, но, по крайней мере, по лицу она его не била. После десятка ударов Генри остановилась — просто стояла, дрожала, тряслась и бросала свои злобные взгляды на пыльную землю. Бетрим ждал, пока она заговорит.

— Он оставил меня умирать, — наконец сказала она сильно приглушённым голосом. — Правая нога была вскрыта и кровоточила, и он просто... оставил меня умирать. Мне повезло, что мимо проходила пара южан. Женщина была лекарем, заштопала меня, и дальше я пошла своей дорогой.

Бетрим кивнул.

— Ну, тогда по рукам.

— Чё?

— Кессика за Шустрого. Они оба сдохнут.

— Да?

— Да.

Генри фыркнула и сплюнула, по-прежнему таращась в землю.

— Ну, спасибо тогда, наверное.

Бетрим сомневался, что Генри кого-либо раньше благодарил. Он шагнул вперёд и подружески пихнул, а потом улыбнулся ей одной из своих наименее устрашающих улыбок.

Андерс ухмыльнулся им обоим.

— Я, быть может, и не знаю этого парня, но если моя госпожа желает, то я убью его дважды, просто чтобы наверняка.

— Угу. Ну, коль ты так чертовски хорошо знаешь это место, то пора уже вывести нас в направлении города. И предпочтительно с хорошей таверной.

— Мне нравится ваш ход мыслей, босс. Я знаю как раз такое место. Следуйте за мной, — с этими словами Андерс поднялся и пошёл. Обещание выпивки всегда лучше всего поднимает пьяницу на ноги. — У меня есть лишь один вопрос. Когда вы сказали "демоны"...

Сузку

Люди Шустрого были на месте. Они будут наблюдать, ждать и сопровождать. Товары тоже были готовы, под плотной охраной в соседней комнате. Сам Шустрый ходил в гневе и нетерпении. Улыбки закончились. Перн отметил, что в последние дни его клиент улыбался всё меньше и меньше, перепады его настроения становились всё хуже, и всё сильнее он тяготел к случайным проявлениям жестокости.

Хаарин Перн Сузку как обычно стоял рядом с клиентом, готовый защищать его даже ценой собственной жизни. Казалось, число людей, желавших смерти Шустрого, росло день ото дня. Только за прошлую неделю было два покушения на его жизнь, и, хотя сам Шустрый утверждал, что они организованы Дрейком Моррассом, подтверждений этому не было. Шустрый и сам не мог бы утверждать, что не пытался убить капитана в ответ. Похоже, управление свободным городом Чадом было основано на единственном принципе — выживание самых жестоких.

Перн, преданный своему клиенту, защитной тенью присутствовал на всех заседаниях

совета и видел, что Шустрый и Дрейк на этих встречах были самой любезностью по отношению друг к другу. Но снаружи Шустрый немедленно начинал планировать убийство противника, и Перн не сомневался, что Дрейк планировал то же самое. У Шустрого было лишь одно преимущество — его охранял хаарин.

На улицах Чада началась тeneвая война. Количество убийств драматически выросло, и у городской стражи не было тому объяснения. А точнее, им заплатили за отсутствие объяснений. Люди Шустрого убивали людей Дрейка, а люди Дрейка заставляли исчезать людей Шустрого.

Совсем недавно один из самых толковых главарей шаяк Шустрого пропал с конспиративной квартиры, несмотря на то, что ещё шесть членов шайки находились в соседней комнате. Спустя два дня главарь появился на ступенях ратуши в ремесленном квартале без ног, без рук, без глаз и без языка. Его быстро доби́ли, но ущерб уже был нанесён — шайка пропала в тот самый день, а Шустрый получил донесение: все шестеро решили, что пиратствовать намного выгоднее.

Правда заключалась в том, что Шустрый проигрывал свою войну против Дрейка Моррасса. Несмотря на пытки Белпера Фрота, Шустрый так и не узнал, где обитает пиратский капитан, и все попытки проследить за ним оканчивались лишь исчезновением очередного соглядатая. Сам Шустрый признавал, что ему оставалось лишь одно — и он и Кессик желали смерти Дрейку Моррассу.

— Где он? — сказал Шустрый, говоря о бывшем арбитре. — Не люблю, когда меня заставляют ждать.

— Быть может, он попал в засаду и умер, — сказала Лиси. Она была одной из любимых сотрудниц Шустрого. Отличный командир и весьма опасна с мечом. И к тому же у неё не было проблем с раздвиганием ног перед нанимателем.

— Только этого мне, блядь, и не хватало, — сказал Шустрый, сплёвывая на землю, и принялся ходить быстрее. Лиси после этого решила помолчать.

— В команде-то всё было по-другому. Никаких решений не принимал, кроме того, блондинку я хочу или брюнетку. Простые времена, блядь. Мог рассчитывать на людей, которые прикрывали мне спину. Никому не хотелось убивать Шустрого, когда Чёрный Шип был такой лёгкой мишенью. Похоже, начинаю понимать, чё эт он был такой параноидальной сволочью. Я не рассказывал, как мы прогулялись в развалины Кровавой Лощины?

Лиси с энтузиазмом покачала головой. Перн просто продолжал осматривать склад, выискивая возможные места, откуда мог напасть убийца. Он перестал считать после двадцати.

— Всей командой там были. Получили баблишка за еблана, который нагрел не тех людей и хотел там спрятаться. Эта Кровавая Лощина — тёмное местечко. Когда-т было городом среди леса, но теперь там давно никого нету. Деревья понаросли такие — весь свет закрывают. И в самый жаркий день в Кровавой Лощине темно и мрачно, и атмосфера такая, тяжёлая что ли.

— В этой Кровавой Лощине живут в основном обезьяны. Мелкие падлы размером с кошку, но их там тьма-тьмущая. Воруют всё, что не приколочено, — Шустрый ухмыльнулся. — На вкус странные такие. Пристрелил одну из лука, зажарил и съел. В Диких Землях берёшь, чё можешь достать. По слухам, в этих руинах живут призраки, или чё-т типа того. Мертвецы возвращаются, чтоб помолиться за живых. По-моему, надо быть полным болваном, чтоб в такую хрень верить, но Чёрный Шип верил. Грил, видал, как ходят

мертвецы. Наверно, ещё когда жил в Пяти Королевствах. Этот тупой ублюдок всё оглядывался и трендел, что видит глаза, которые следят за нами из-за деревьев и из зданий. — Он горько рассмеялся. — Глаза во тьме. Но не было там ничё, кроме дурачка, которого нас послали пришить. Тот уже наполовину спятил и всё лопотал чё-то, как лунатик. Короче, я не встречал другого такого параноика, как Чёрный Шип, но думаю, начинаю понимать, чё эт он был таким. Когда тя хочет убить так много народу, кто угодно станет слегка нервным.

В это время открылась дверь. С учётом темы разговора, некоторые, наверное, подпрыгнули бы, но только не Шустрый. Он в ту сторону даже не посмотрел, взглянув лишь на Перна, чтобы убедиться, всё ли в порядке. Перн в ответ коротко кивнул. Человек в дверях был одним из охранников Шустрога.

— Кессик снаружи, босс.

Шустрый подождал, громко втянул воздух через зубы и ничего не сказал.

— Эм-м... — сказал охранник. — Босс?

— Ладно. Впускай уёбка, — уверенно ответил Шустрый.

Кессик вошёл один, в сопровождении трёх человек Шустрога. Он приблизился, но Перн шагнул между своим клиентом и бывшим арбитром, прежде чем тот подошёл слишком близко. Шустрый может и не показывал страх, но хаарину было плевать. Он был сосредоточен на жизни клиента, а не на том, как всё выглядит.

Кессик глянул на Перна своими тёмными глазами, а потом перестал обращать на него внимание, сфокусировавшись на Шустром. Его аура была такой же пурпурной и коварной, как в прошлый раз, когда Перн видел бывшего арбитра.

— Лиси думала тут, что тя может Дрейк пришил по пути сюда, — сказал Шустрый, не поворачивая лица к Кессику.

— Если бы убить меня было так легко, то капитан Моррасс сделал бы это уже давно, — бесстрастно сказал Кессик.

— Что подводит меня к интересному вопросу, — Шустрый повернулся к Кессику. — А чё эт он твой смерти-то хочет?

— Люди у тебя? — спросил Кессик, игнорируя вопрос Шустрога.

Тот фыркнул.

— Ага. У меня. — Он кивнул одному из своих охранников, и открылась дверь в подсобку склада. Спустя несколько секунд в основную комнату склада вывели длинную цепь скованных людей. На некоторых виднелись следы ран, синяков и пыток, а на других ничего, но татуировки на их лицах выдавали в них рабов. Всего шестнадцать человек — мужчины, женщины и даже пара детей. Они выходили вперёд и останавливались перед Кессиком, чтобы он их осмотрел.

Некоторые пленники почтительно опускали глаза, но пара смотрела на Кессика и Шустрога с открытой враждебностью. Один из них, высокий чернокожий мужчина с одним ухом, пытался вырваться. Охранник шмякнул ему по затылку деревянной палкой, и вся борьба прекратилась. Другой мужчина, одетый в лохмотья прекрасного голубого костюма из шёлка, предлагал Кессику денег за освобождение. Кессик его проигнорировал.

— Эти сойдут, — проинформировал Кессик Шустрога, осмотрев каждого пленника. — Этого мало. Мне нужно больше.

— Ага. Нелегко было их найти. На новых понадобится время, — сказал Шустрый.

— Время это то, чего у нас очень мало, Шустрый. Найди мне ещё.

Кессик повернулся, собираясь уйти, и кивнул охранникам, чтобы выводили пленников.

— Почему Дрейк хочет твоей смерти? — снова спросил Шустрый. — То есть, похоже, он думает, что ты хочешь его смерти. Я его спрашивал почему, и не получил прямого ответа.

— Я действительно хочу его смерти, — ответил Кессик.

— Почему?

Кессик повернулся и снова приблизился к Шустрому. Перн по-прежнему стоял между ними, положив руку на меч.

— Потому что могущественные люди часто конфликтуют. Шустрый, ты планируешь предать меня, — продолжил Кессик. — Вскоре. Я рекомендовал бы тебе не делать этого. Ты не могущественный человек. Ты пешка. Без моей защиты ты умрёшь через несколько дней. Или скорее капитан Моррасс привяжет тебя к своему кораблю в качестве новой резной фигуры, просто чтобы посмотреть, как долго ты протянешь.

Перн чувствовал, как из Шустрога хлынули волны гнева и сдерживаемой жестокости. Его аура была глубоко-красной, бурлила и кипела вокруг него. Кессик продолжал, не обращая.

— Найди мне людей, которые мне нужны. Я снабдил тебя нужными амулетами, чтобы их выявить. Я вернусь через четыре недели и ожидаю получить вдвое больше.

Челюсти Шустрога были стиснуты, и он дрожал, но Кессик игнорировал его очевидную враждебность. Качнув головой, бывший арбитр развернулся и зашагал из склада следом за пленниками. Как только дверь закрылась, Шустрый рассмеялся.

— Охуенно убедительно, а, Сузку?

Перн повернулся к клиенту — его аура гнева исчезла, и он выглядел почти таким же весёлым, каким был когда-то.

Шустрый ухмыльнулся ещё шире.

— Охуенно. Убедительно. А? — Он кивнул Лиси. — Скажи парням, чтоб пошли за этим ублюдком, и пусть он их поймает.

Лиси выглядела озадаченной.

— Вы хотите, чтобы их поймали?

— Если ты меня слышала, то хули мне повторять?

Лиси, кивнув, отступила на шаг, потом повернулась и побежала исполнять приказы Шустрога. Тот махнул рукой в сторону тёмных стропил склада, а потом снова повернулся к Перну.

Он заметил движение, тень, слегка темнее, чем тьма, в которой она обитала. А потом тень исчезла, заставив Перна гадать, не почудилось ли ему.

Шустрый заметил, что Перн смотрит в темноту, и подмигнул хаарину.

— В богатстве хорошо то, что можно заплатить другим людям, чтоб они выполнили самую грязную работёнку. В команде работа убийцы досталась бы мне. Остальные годились тока, чтоб бить всех по мордасам. Не очень искусные, да.

— Это убийца? — спросил Перн.

— Ага. Приехал из Пяти Королевств. Стоит почти как ты. И теперь, если тока найду этого уёбка Моррасса, обойдусь с ним, как следует.

В иные дни Перну приходилось призывать всю свою волю и весь свой опыт, чтобы сдержаться и не задавать Шустрому вопросов о его делах. Иногда сдерживаться уже не было сил.

— Эти люди. Зачем они Кессику?

Шустрый сплюнул и пошёл в подсобку. Перн за ним.

— Не ебу я, Сузку. Папашка мой работал раньше на Кессика, и тогда тот игрался с демонами. Так что, если бы я хотел угадать... то сказал бы, для чего-то связанного с демонами.

Джейкоб Ли

Некоторые люди ненавидят ждать. Они находят отвратительной саму мысль сидеть спокойно и ничего не делать. Джейкоб был не из таких. Даже если он и был таким когда-то, то восемь лет взаперти в маленькой каменной камере, с краткими набегами наружу, когда нужно было поймать кого-то особо опасного, излечили его от нетерпения.

Он сидел на лестнице, ведущей в главное здание Тигля, отклонившись назад и глядя на редкие облака, вяло плывущие по небу. Он глубоко вздохнул, задержал воздух на несколько секунд, а потом медленно выдохнул. Джейкоб чувствовал, как его рот растягивается в улыбке.

Добрые люди Тигля боялись его, он чувствовал их страх. Маленькая дорога перед главным зданием была довольно оживлённой, а фигура в чёрном, сидящая на ступеньках, несомненно, выглядела странно. Проходя мимо, они таращились на него, пока не узнавали плащ — даже в Диких Землях люди знали одежду арбитров — и тогда они быстро отводили глаза. Некоторым такая реакция показалась бы оскорбительной, но только не Джейкобу. Он любил смотреть на них, изучать их. Любил представлять, что заставит их вздрогнуть.

Мимо шли мужчина и женщина. Он тащил мешок угля, а она ведро с водой. По мелким реакциям Джейкоб решил, что они состоят в очень интимных отношениях. Женщина улыбалась, глядя на мужчину, а мужчина держал спину прямо и выпячивал грудь, несмотря на тяжёлый мешок. Они прошли мимо, и дважды коснулись друг друга. От мужчины пахло другой женщиной. Они заметили, что Джейкоб на них смотрит, и ускорили шаг.

"Я так же близко ходил с Сарой. Иногда она брала меня за руку и легонько сжимала. Я смотрел ей в глаза и видел... что-то".

Джейкоб вспоминал её, вспоминал хорошие времена, как они проводили время друг с другом, их взаимную любовь к музыке, плавную прогулку по каналу на лодке по чистым и безмятежным водам Сарта. Потом он вспомнил плохие времена — когда они спорили об Инквизиции, когда они спорили о вере и о том, нужно ли заводить детей. По большей части потенциал передавался от родителей детям, и таким образом их дети вполне могли быть отданы в Инквизицию. Сара не хотела, чтобы её дети становились арбитрами. Она не была убеждена по-настоящему, в ней не было истинной веры.

Джейкоб предпочитал помнить Сару улыбающейся, но иногда он мог видеть её лицо лишь обмякшим, бледным и покрытым кровью. Его кровью или её, он не мог вспомнить. Кровь смешалась в большой красной луже, и было неважно, из кого она вытекла. Он пытался вспомнить, почему тогда истекал кровью, но не мог. Внезапно он мог думать лишь о танцах с Сарой.

Музыкальная нота, одиночный щипок струны, низкий и глубокий, донёсся до слуха Джейкоба. Он проигнорировал её, стиснул зубы и зажмурил глаза. Закрыв все свои чувства и заставил себя оставаться спокойным, заставил своё сердце биться медленно, заставил разум

очиститься. Он был здесь, чтобы повидаться с лордом этого прекрасного города. Если Джейкоб начнёт танцевать здесь, то в лучшем случае это станет проблематичным.

Когда он открыл глаза, там стоял мужчина — большой и brutальный, в поношенной кольчуге, с длинными сальными волосами. Он таращился на Джейкоба, стоя у подножия лестницы. Мужчина был чистокровным, в этом не было никаких сомнений, и уголок его рта растягивала улыбка. Он пах потом, сталью, огнём и лошадьё. Джейкоб посмотрел на него немного и вернулся к созерцанию города, ютившегося подле гигантских гор. Он смотрел на здания, которые были деревянными, несмотря на обилие камня, на меха и черепа животных, названий которых он даже не знал. Округлые деревянные крыши на его взгляд выглядели странно — в Сарте у зданий по большей части крыши были плоскими. По улицам Тигля бродили собаки, и собак тут было поистине много. "Возможно, это как-то связано с костями. Кто-то сказал мне однажды, что собаки как кости, только я не могу вспомнить, кто".

— Он не будет встречаться с вами, — сказал человек на нижних ступенях.

Джейкоб улыбнулся.

— Неблагоразумно игнорировать арбитра. Возможно, вам следует сказать ему об этом.

— Как я...

— Вы его сын, — прервал мужчину Джейкоб.

Мужчина с подозрением посмотрел на Джейкоба.

— Не припоминаю, чтобы я видел вас раньше. Откуда вам это известно?

— Вы чистокровный, но это и так очевидно. Пахнете лошадьё, но вы определённо не охотник — значит, либо вы были в дозоре, либо ездите верхом ради забавы. Ваши доспехи принадлежат воину, а не солдату. Пока вы там стояли, два человека поклонились вам, а стражники позади меня напряглись. Следовательно, вы из представителей власти. На вас лишь одно украшение — простой серебряный браслет на левой руке, на котором написано имя, которое начинается с "Л". А-а. Это свадебный браслет, и поскольку серебро такого качества в Диких Землях реже золота, вы, несомненно, один из Брековичей. Я бы сказал, что вам идёт второй десяток, а лорд этого города на четвёртом или пятом, а вы, следовательно, его сын, но вряд ли старший.

Человек на нижних ступенях выглядел озадаченно и обеспокоенно.

— Он не будет встречаться с вами.

Джейкоб вспорхнул на ноги и бросился вниз по ступеням, услышав, как стражники позади него замерли, а сын лорда напрягся и отступил назад. Джейкоб остановился в паре шагов от него.

— Что для вас в этом? — спросил он мужчину.

— Что?

— Иногда, чтобы извлечь информацию, необходимо насилие. Но вы собираетесь предоставить её добровольно. Почему?

Мужчина уже потел, его кадык подскочил и опустился, взгляд метнулся на стражников позади Джейкоба, и обратно. Четверо вооружённых мужчин позади начали спускаться по ступеням. Сын лорда быстро мотнул головой, и стража остановилась.

— Вам нужен Чёрный Шип? — спросил мужчина.

Джейкоб не ответил и просто пристально смотрел на мужчину.

— Мне плевать на него, но с ним есть мужчина. Чистокровный, как я. Мой брат. Я хочу его смерти. Я скажу вам то, что знаю, а вы убьёте Андерса вместе с Чёрным Шипом Договорились?

Джейкоб сделал ещё один шаг вперёд, его лицо уже было в нескольких дюймах от лица мужчины. Запах страха был таким тяжёлым, что почти пьянил. В ушах Джейкоба прозвучала очередная нота, на этот раз высоко и энергично, наполненная обещанием дикой энергичности.

— Они должны были быть казнены, — сказал чистокровный, стоявший перед Джейкобом. Его голос взвился и немного дрожал. Его глаза расширились и стреляли, изучая лицо Джейкоба, пытаясь разгадать его намерения. Джейкоб не выказывал ничего.

— Они сбежали. Мы не знаем как, просто... хм... сбежали. Не знаю, куда они направились, но знаю, где они были.

Джейкобу потребовалась каждая унция его воли, чтобы сосредоточиться на словах чистокровного и игнорировать ноты, которые грозили сорваться в оглушительную музыку.

Он так плотно сжал кулаки, что почувствовал, как кровь сочится из-под ногтей.

— Это место называется Костьбище. Я... хм... мог бы вас туда отвести.

Джейкоб глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

— Просто скажите мне, где оно.

— Юг... юго-восток. Три дня пешком. Там большая ложбина.

Джейкоб прошёл мимо мужчины. Нужно было уйти от него, ото всех. Нужно было успокоиться. Болван выбежал перед ним, продолжая говорить.

— Вы ведь сделаете это, да? Убьёте его. Убьёте моего брата.

Было так легко избавиться от сына лорда. Джейкоб просто протянул руку и толкнул мужчину в грудь. Он почувствовал, как хрустнуло ребро, прежде чем тело улетело прочь, покатилося по пыли и закричало от боли. Джейкоб даже не сбился с шага. Пока восемь мужчин и четыре женщины в солдатском облачении не бросились перед ним, окружили его и приказали остановиться. Он подчинился, но лишь затем, чтобы посмотреть, кто из тупиц будет его первым партнёром. Он уже почти впустил музыку, когда с помощью другого солдата приковывал чистокровный мужчина, пытаясь вдохнуть воздух в лёгкие.

— Отпустите... его... Отпустить его, — тяжело проговорил мужчина.

"Возможно, не такой уж и глупец".

Джейкоб подождал, пока солдаты перед ним разойдутся в стороны и снова пошёл вперёд. Ноты музыки начали стихать. Он посмотрел вверх и увидел в небе одинокое облачко, которое постоянно меняло форму на ветру. Оно стало немного похоже на цветок.

Генри

Слушая их ссору, Генри выковыривала ножом грязь из-под ногтей. Это была не настоящая ссора, иначе дело дошло бы до ударов, а Андерс, скорее всего, уже со стонами валялся бы на полу в луже собственной крови.

— Босс, я всего лишь говорю, что Тревилль — чудесный маленький городок. И мне кажется, что лучше всего будет провести здесь несколько дней, где-нибудь поблизости от этой таверны.

— Похоже, ото всех этих ограничений и трезвости ты спятил, Андерс. Факт в том, что за нами, возможно, гонятся — за тобой гонятся! И по-моему, лучшее место, где можно от них спрятаться, а то и избавиться от погони, это Темь.

— Так и есть, — сказала Генри, ухмыльнувшись. — Там и свои зубы-то найти нелегко.

— Совершенно с вами согласен, миледи. В Теми есть лишь один город, маленькая грязная задница под названием Туманная Застава, который, уверяю вас, найти будет труднее, чем ваши зубы. И, следовательно, возможно нам лучше провести некоторое время, хм, собирая запасы, и заодно посмотреть, что нам может предложить Тревилль по части возлияний.

Шип фыркнул и повернулся к Генри.

— Кажись, начинаю его понимать. Своими чудными словечками он хочет убедить меня провести здесь пару дней, упившись в говно.

Генри кивнула.

— Тут, Шип, ты в самую точку попал. Нравится ему наряжать простые вещи в чудные словечки.

— Ага, и те, вроде, эт нравится.

Генри лишь ухмыльнулась. Уж такого-то она точно никогда не признает, правда это или нет.

— Факт в том, что мы не можем себе позволить провести пару дней, нажираясь вусмерть, хотя с учётом последних событий эта идея и может казаться привлекательной. У нас монет даже на оружие не хватит.

За последние пару недель им пришлось обходиться тремя маленькими клинками. У Генри оставались оба метательных кинжала, чтобы использовать, если станет жарко, а у Бетрима — кинжал, и он бесконечно жаловался, что это не топор. Андерсу приходилось обходиться без оружия, помимо своего языка, который, приходилось признать, был способен наносить множество язвительных ран, хотя ни одна из них и не могла стать смертельной.

Люди часто называли Андерса очаровательным, и тут Генри не могла не согласиться. В последнем городке, который они проходили — а скорее в грязной маленькой деревеньке, где и был лишь постоянный двор да несколько ферм — Андерс каким-то образом умудрился очаровать хозяев, которые позволили им спать в хлеву с горячей едой и ведром яблочного сидра. В конце концов, Андерс вылакал большую часть ведра, но Генри и Шип тоже ухватили пару кружек.

После Костьбища всё стало проще. Они всё ещё восстанавливались от повреждений, хотя Андерс любил указывать, что уж ему-то новый палец не вырастить. Но Шипу он в этом всегда проигрывал.

Теперь оба её спутника знали, что с ней случилось. Оба знали, что сделал с ней Шустрый. Часть Генри хотела убить их обоих, перерезать им глотки во сне, чтобы люди никогда не узнали правду, но она не стала этого делать. Они знали, и им было плевать. И более того, они знали, и им было не плевать, и они хотели помочь ей отомстить получистокровному ублюдку. Но ей по-прежнему было стыдно, что другие знали правду.

— И как мы позволим себе эти два дня пьянства? Сдаётся мне, деньжат-то у нас маловато, — спрашивал Шип Андерса.

— А как мы позволим себе бродить по Теми? Направляться туда без обильной провизии равносильно безумию, босс. И кто теперь ведёт себя как спятивший?

— Как ты тока что меня назвал?

— Я... вы же знаете, что я не имел в виду ничего такого, босс. Просто... хм... Генри, дорогая моя, помогите.

По правде говоря, этот спор уже наскучил Генри. Она подошла к Андерсу поближе,

обняла тонкой рукой его за талию. И прикусила его шею зубами.

— Оу... а вы ненасытная маленькая штучка, — сказал он, ухмыляясь.

— Вы двое лучше съебьтесь отсюда, пока мы не разберёмся со всем. И под "разберёмся", я имею в виду, что вы согласитесь со мной, — сказал Шип таким голосом, который почти требовал уважения. По правде говоря, ему надо было просто приказать, а не выставлять вопрос на голосование.

Генри ухмыльнулась.

— Не могу, босс. Наверное, мне просто нравятся мужики, потерявшие пальцы.

— Его отрубили, — сказал Андерс с болью в голосе.

Шип проворчал:

— Ну, раз я потерял два пальца, то наверно я те нравлюсь... хм... вдвое больше него.

По правде говоря, было время, когда Генри согласилась бы в этом с Шипом, но что-то изменилось. Она просто перестала думать в этом смысле о Чёрном Шипе, особенно теперь, когда ею завладел Андерс.

— Как насчёт компромисса, босс? — спросил Андерс.

— Чего?

— Компромисс. Обе стороны приходят к взаимовыгодному соглашению, — разъяснил Андерс.

— Хм... эт зависит от того, включает ли соглашение твоё согласие со мной.

— Включает.

Генри зевнула. Сама она считала, что им надо прекратить бегать и найти работу. У них не было ни гроша за душой, и их никто не преследует — вся семья Андерса думает, что он уже мёртв. Им надо заработать монет, чтобы оплатить дорогу до Чада, где они смогут отыскать Шустрого и прибить пиздюка. Она представила себе, как втыкает кинжал ему в жопу, и как он срёт кровью. Она улыбнулась.

— Я заплачу за комнату на постоялом дворе и за ночь выпивки для всех нас, а утром мы сможем купить припасов и направиться в Темь, — объявил Андерс.

— И как, блядь, ты найдёшь монет, чтоб заплатить за это всё? Последнее, что я слышал, эт что ты такой же безденежный, как и все мы, — сказал Шип.

Андерс достал из кармана маленький кошелёк. Генри увидела, как у Шипа раскрылся рот, и почувствовала, что её рот тоже приоткрывается.

— Где ты эт взял? — спросила она.

— Я, хм, нашёл.

— Где?

Андерс опустил глаза и втянул воздух через зубы.

— На чьём-то поясе.

На секунду повисла тишина, а потом Шип разразился хохотом.

— Слегка удивительно, что член одного из богатейших семейств Диких Земель умеет по карманам шмонать.

— Когда у него есть привычка вырубаться, а после обнаруживать себя в канаве, полностью обчищенного, то альтернативное финансирование часто просто необходимо, чтобы поддерживать указанную привычку.

— Точняк, Андерс. И у тя там хватит на ночь выпивки и припасы для путешествия по Теми?

Андерс рассмеялся.

— Вовсе нет. Но держу пари, что после ночи выпивки я раздобуду ещё монет. Вы удивитесь, как много людей неадекватно следят за своей собственностью.

Шип кивнул.

— Значит, компромис.

— Компромисс, — поправил Андерс.

— Ага, он самый. Должен признать, я б не возражал против стаканчика-другого. И наверно нашли б тут местных, которые не прочь поделиться советом о том, как искать дороги в Теми.

Так что под предводительством Андерса они вошли в самую грязную и маленькую таверну из всех, что Генри когда-либо видела. Заведение называлось "Тихий Дух", но на самом деле было каким угодно, только не тихим. Пол несколькими слоями покрывала старая солома, и вонь кислого пива была всепоглощающей. Генри фыркнула и нахмурилась от запаха, но Андерс глубоко вдохнул и довольно выдохнул. Стены были голыми, столы — исцарапанными, а посетители — буйными. Типичная таверна Диких Земель, которых Генри повидала немало.

Некоторые клиенты посмотрели на новоприбывших, но большинство их шумно проигнорировало. Незанятыми были только два стола, и оба в центре помещения. Шип проворчал что-то об опасном положении, но Генри и Андерс проигнорировали его. Когда они садились, бармен, мужчина с большим животом и двумя подбородками, без волос и с красными щеками, кивнул им, давая знак, что сейчас подойдёт. В одном углу Генри отметила группу опасных с виду людей — шестеро хорошо вооружённых мужчин потягивали из кружек и курили трубки, от которых пахло травкой кашер.

Андерс улыбнулся Генри.

— Кажется, мы сюда впишемся, не находите?

Генри сердито посмотрела на него из-под шляпы.

— По-моему, ты впишешься везде, где есть выпивка.

— Совершенно верно.

Бармен и, по всей видимости, владелец, подковылял и дружелюбно улыбнулся.

— Вам всем пива? На вкус слегка похоже на мочу, но зато напьётесь. Есть ещё медовуха, но она чуть подороже. Её тута гонят, некоторые поблизости пчёл держат.

Шип поворчал.

— Те пчёлы не нравятся, сынок? — спросил бармен.

— Ты когда-нть видал, как человек умирает, изжаленный этими мелкими монстрами? — спросил Шип.

— Нет.

— А я видал. Пожалуй, пиво с запахом мочи сойдёт. Три кружки.

— Лучше принеси четыре, — сказал Андерс. — Мне ужасно хочется пить.

— А бывает время, когда те пить не хочется? — спросила Генри.

Андерс притворился, что думает, а потом ответил:

— Нет.

Бармен, кивая, ушёл, и минутой позже вернулся с четырьмя кружками чего-то тёмно-коричневого. На вкус оно действительно было очень похоже на мочу. Андерс с благодарностью отхлебнул сразу после оплаты, а Генри и Шип принялись посасывать из своих кружек. Играя долгое время в игру Диких Земель, они научились не вырубаться в тавернах. Бармен присел на четвёртый стул за стол, и маленькая деревянная конструкция

скрипнула под его весом.

— Вы, ребята, здесь новенькие.

Генри потянулась за метательным ножом, и точно знала, что Шип сделал то же самое. Андерс ухмыльнулся бармену и с энтузиазмом закивал.

— Не думал я, что это столь очевидно, хотя полагаю, вы знаете большинство своих регулярных клиентов.

Толстый бармен кивнул.

— Хотите взглянуть на Темь?

Генри смотрела, как Шип наклонился вперёд и пристально посмотрел мужчине в глаза.

— Может, мы и подумаем об этом. В Диких Землях не так уж много мест, где я не был, и Темь — одно из них. Решил, что надо бы вычеркнуть его из списка.

— Опасное местечко, Темь-то, — продолжил бармен. — Ничё не видно уже через несколько футов. Легко заблудиться. И грят, эти штуки, компасы-то, тож не работают. Наверно, туман их путает.

Генри глянула на Андерса.

— Чё ещё за компас?

— А-а, миледи. У меня он был однажды, но я давным-давно его потерял. Очень маленький прибор, поместится вам в ладонь. Внутри у него маленькое лезвие, которое всегда указывает на север. Очень полезная штука, чтобы определять направление.

— Тока в Теми маленькое лезвие не работает, — сказал бармен. — Всё крутится и крутится. Так я слышал. Но всё равно, если знаете путь в Туманную Заставу, заблудиться там не главная проблема, поскольку всегда есть возможность встретиться с духом.

Генри фыркнула. Теперь название таверны обрело смысл. В Диких Землях всегда было полно людей, желавших заработать несколько монет на байках о чудовищах. Однажды она видела человека, который утверждал, что знает, где найти джурра — глубоко под жёлтыми горами. Этот шарлатан за внушительную сумму предлагал провести экспедицию в их берлогу. Скорее всего, он заводил людей в тёмные глубины, где резал им глотки и забирал всё, что они ещё не успели ему передать.

Шип поворчал. Вид у него был очень скептическим.

— Духи? Мертвецы не ходят в Диких Землях. Ты, кажись, хочешь рассказать нам, что знаешь.

Бармен улыбнулся и потёр большим пальцем указательный. Шип толкнул Андерса и кивнул заплатить. Андерс полез в свой маленький кошелек, вытащил бронзовую монету и передал бармену. Толстяк кивнул. — Возможно, вы заметили, как называется моя таверна. "Тихий Дух", и названа она не просто так. В Теми много духов, хотя не многих из них можно назвать тихими. Большинство вопящие, хнычущие чудища, которые светятся неземным голубым светом...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Чем? — спросил Шип.

— Неземным голубым светом.

— Какого хуя значит "внеземным"?

Улыбка на лице бармена погасла, он нахмурил лоб.

— Ну, эт значит, эм-м..., типа...

— Это значит "не из этого мира", — вставил Андерс, допив первую кружку и принимаясь за вторую. — Призрачным.

Шип тихо заворчал. Бармен прокашлялся и продолжил.

— Ну, духи в Теми были всегда. Они, хм, ну типа немного светятся голубым светом, и летают всюду, ищут неосторожных людей, чтобы высосать из них жизнь.

— Да ну? — спросил Шип.

— Ага. Но Темь никогда не покидают. Некоторые грят, они там в ловушке, что эт призраки всех умерших, заблудившихся в тумане. Другие грят, мол, каждый раз, как дух убивает жертву, — бармен наклонился вперёд, — жертва сама становится духом. Они редко нападают на группы вроде вашей, но иногда они объединяются и убивают целые команды.

Генри фыркнула.

— Духов не бывает. Ты...

— Генри, демонов тоже не бывает, — с серьёзным лицом сказал Шип. На это Генри сказать было нечего, с учётом того, что меньше года назад демон пытался её сожрать.

— Разумеется, осторожные люди могут предпринять меры против нападений духов, — продолжил бармен.

— И, видно, у тя есть куча этих мер за скромную цену, — Генри покачала головой. — По-моему, эт просто форма грабежа.

Шип её проигнорировал.

— И чё за меры?

Бармен великодушно улыбнулся.

— Думаю, для таких, как вы, лучше всего сработают амулеты. Они охраняют от появления духов. Мёртвые их боятся, понимаете? Эт небольшое ожерелье, благословленное священниками Пяти Королевств.

— Ага. Эти знают о мертвецах немало, — сказал Шип, кивая.

— Одна серебряная монета за каждое ожерелье, или двенадцать бронзовых, — сказал бармен.

— Андерс, дай-ка мне монет.

— Уф, босс, это как раз почти всё, что у нас есть.

— Ага, тока не хочу я, чтоб меня мертвецы сожрали. И оживать после этого тоже... Со мной такого не будет. Дай ему денег.

Андерс проворчал что-то себе под нос, но передал монеты. Бармен смёл деньги и вернулся спустя пару минут с круглым кусочком дерева размером с монету, на котором был грубо вырезан какой-то символ. К нему был приделан шнурок, чтобы амулет можно было вешать на шею. Шип схватил ожерелье и быстро надел на себя.

— Вы мудрый человек, сэр. Точно грю, оно всех духов отпугнёт. А терь пойду, обслужу других клиентов, — сказал бармен, ухмыляясь от уха до уха, и уковылял прочь.

Генри покачала головой.

— Блядь, пустая трата денег.

Шип фыркнул.

— Напомню те об этом, когда чёртов дух будет жевать твою ногу.

Андерс покончил со своей кружкой и поднялся на ноги.

— Что ж, полагаю, надо раздобыть ещё монет, раз уж наш босс потратил почти все наши деньги. Если кто-нибудь меня поймает, я искренне надеюсь, что хотя бы один из вас придёт мне на помощь. Спешу напомнить, что я практически не вооружён.

Шип отмахнулся от Андерса, и они с Генри вернулись к своим кружкам и стали играть в гляделки друг с другом. В гляделки с Чёрным Шипом нелегко было победить. Большинству

людей сложно было смотреть в глаза Генри, но только не ему, он кого угодно мог переглядеть. Вскоре Генри отвела взгляд и решила сосредоточиться на пиве. Она прямо чувствовала, как Шип ухмыляется.

Примерно на второй кружке пива вернулся Андерс с куда более тяжёлым кошельком и с пьяным видом. Генри немедленно схватила его за тунику, подтащила к себе и поцеловала. По правде говоря, она заскучала, а когда она скучала, ей нравилось трахаться или резать.

— А никто эти монеты назад не захочет? — спросил Шип.

Андерс оторвался от Генри и улыбнулся.

— Я бы этого не ожидал. Я выиграл их в честной игре при помощи везения и сноровки. Она заключается в кидании бронзовой монеты в кружку с увеличивающейся дистанции и выпивке всякий раз, как попадаешь. Думаю, мои оппоненты недооценили мои возможности.

Это объясняло, почему от него пахло пивом с запахом мочи, которое подавали в этой таверне. Уголком глаза Генри заметила движение. Играя так долго в игру Диких Земель, она научилась замечать, когда люди уделяют ей особенное внимание, и замечать, когда это внимание превратится в действие. Генри глянула Шипу в глаз, кивнула, и он тут же понял её. Руки на оружии, и у него и у неё. Андерс, казалось, не замечал, что вот-вот может начаться насилие.

Мужчина остановился за пределами удара и поднял руки.

— Не возражаете, если я присяду? Я не вооружён, оставил оружие у своей команды. — Он указал на другой стол, за которым ещё пятеро наблюдали за встречей.

— Не знаю, чё за дело у тя, по-твоему, тока нас оно не касается.

Мужчина улыбнулся. Он был высоким и симпатичным, с сильным подбородком, длинными тёмными волосами и светло-голубыми глазами. Он выглядел непринуждённо, но лучше многих Генри знала, какими пиздюками могут оказаться весельчаки.

— Пожалуй, я всё равно сяду. Медленно. Никаких резких движений. Не охота, чтоб меня пырнули или чё-нить вроде того. — Он сел на тот же стул, где сидел бармен, и в демонстрации хороших намерений положил руки на стол. — Хорошо. А теперь, пожалуй, можем поговорить и о делах.

— Любезный, а есть ли у вас имя? — невнятно пробубнил Андерс. Язык у него стал заплетаться только что, и он стал немного покачиваться, махнув кружкой с пивом новоприбывшему. Генри не знала точно, в какой мере он лишь изображал пьяного болвана.

— Ага. Есть. Меня зовут Бен. Бен Шесть Городов.

Генри такого имени не знала, но она не знала многих в Диких Землях. Шип отреагировал совершенно иначе — стиснул зубы, взгляд стал холодным, а рука с кинжалом дёрнулась.

— Полегче, здоровяк, — с улыбкой сказал Бен Шесть Городов. — Если я получу рану, то мой друг вон там с арбалетом выстрелит. Он стрелок не из лучших, эт точно, блядь, но шансы, что попадёт в кого-то из вас, довольно высоки. А потому думаю, вам охота услышать, чего ж я хотел сказать. Да?

Шип ничего не сказал. Андерс осушил своё пиво.

— Я, например, с удовольствием выслушаю всё, что бы вы ни сказали, уважаемый. Однако я так же твёрдо убеждён, что все разговоры проходят куда легче с пивом руке, и я точно знаю, что своё я только что допил.

Бен Шесть Городов рассмеялся и кивнул.

— Справедливо. — Он махнул бармену, передал ему четыре бронзовых монеты и

замолчал, ожидая прибытия кружек. Все напряжённо сидели, да ещё и Андерс начал напевать себе под нос.

— Пора те, Бен, сказать, чё там у тя, — сказал Шип, когда прибыло пиво. Бармен убрался так быстро, как только ему позволяли его жирные ноги. Генри решила, что судя по царапинам на столах, "Тихий Дух" повидал немало насилия.

— Ага. Ну, надеюсь, ты не обидишься, но выглядишь ты знакомо, — сказал Бен Шесть Городов добродушным голосом.

— Думаю, всё дело в повязке на глазу.

— Ха. Повязка на глаз, ага. Видишь ли, я грил то же самое, но мой брат, вон тот здоровяк с седыми волосами по имени Тяжёлая Рука — его настоящее имя Джоан, знаю-знаю, имечко женское, но у нашего папашки было странное чувство юмора. Короче, братишка мой сказал, что знакома не повязка на глаз. На самом деле как раз наоборот, знакомо выглядит всё остальное. А терь погодите, погодите, не хватайтесь за ножи, помните об арбалете. Пока ещё увечья никому не нужны, о многом ещё надо поболтать.

Судя по лицу Шипа, ему не особо нравилась идея поболтать. Генри как раз собиралась и сама что-нибудь сказать, но Андерс влез первым.

— А вы много болтаете, Бен. Могу я называть вас Беном?

Бен Шесть Городов улыбнулся.

— Как хошь. Да, болтаю я много, это моё проклятие. Пожалуй, всё из-за большой семьи. Братьев много, и мало кто из них любил поговорить, так что я взял эт на себя. Понимаете, у меня было восемь братьев и ни одной сестры, хоть мамаша очень хотела, но нынче нас осталось только шестеро. Первым на тот свет отправился Мураш. Этот болван пытался переплыть Йорл на спор, и водяная ящерица откусила ему ногу. Но мы отомстили, убили чёртову тварь и съели. На вкус... ну, на вкус было как говно, но эт был скорее акт мести.

— Мясо есть мясо, — сказал Шип.

Бен Шесть Городов перестал улыбаться. Они с Шипом злобно смотрели друг на друга, и Генри чувствовала, что приближается, чувствовала напряжение в воздухе. Она чувствовала, как разогревается её кровь.

— Как скажешь. Думаю, двух других братьев ты знаешь. Довольно известные имена в Диких Землях. Звали их Крошка Гарри и Святоша.

А эти имена Генри отлично знала. Обоих убила старая команда в Биттерспрингсе. Они были охотниками за головами, которые шли по следам Чёрного Шипа и того чёртова арбитра. Генри собиралась уже пырнуть Бена, когда Шип рассмеялся.

— Похоже, ты меня с кем-то путаешь, Бен Шесть Городов.

— Да ну? Потому как я слышал, что эт команда Чёрного Шипа убила моих братьев, и ты уж очень на него похож, — он глянул на Генри. — И тя я тож знаю. Забавно, грили, что вы оба померли, и вот вы здесь. Не повезло вам, пожалуй.

— Сказал человек, который сидит в двух футах от моего ножа, — сказала Генри, чувствуя, как на лице появляется ухмылка.

Бен Шесть Городов презрительно усмехнулся в ответ.

— Арбалет.

Шип громко вздохнул.

— Бен, пора уж твоего братца сюда позвать. Я бы поболтал с мозгами вашей команды.

Бен поразмыслил немного, а потом глянул назад и кивнул. Мужчина с седыми волосами, широкоплечий, каменнолицый и размером с Шипа, встал, сказал что-то своим

спутникам, снял с пояса тяжёлую булаву и подошёл. Он остановился в нескольких шагах, за пределами досягаемости Шипа.

— Давно не виделись, Джоан, — сказал Шип.

— Слышал, ты убил моего брата, Шип, — ответил Джоан таким же угрожающим голосом, как Шип.

— Эт не так. Не буду те врать, я был в той команде, но ни один из нас не убивал твоих братьев. Я видел, как они умерли, но я был занят, убивая Большеротого.

Джоан Тяжёлая Рука громко фыркнул.

— Не могу сказать, что этот ублюдок того не заслуживал, — нейтрально сказал он.

— По-моему, немногие заслуживают больше. Факт в том, что Крошку Гарри прикончил Босс.

Джоан Тяжёлая рука сплюнул на покрытый соломой пол. Генри заметила, что шум в таверне слегка притих. Люди в Диких Землях знали, когда начинается драка.

— Это имя я уже давненько не слышал.

Шип кивнул.

— Эт потому что помер он. Святоша попал ему стрелой в спину, и этот ублюдок помер спустя несколько недель.

— Рана загноилась? — спросил Бен Шесть Городов.

— Ага, эт наверно тоже помогло, — продолжил Шип. — Хотя тот факт, что ему откусили лицо, тоже его до добра не довёл.

— Получил по заслугам, — сказал Джоан, и его булава по-прежнему была наготове.

И снова Шип кивнул.

— Ну, поскольку этот ублюдок грабил меня два года подряд, с этим я тоже соглашусь.

— А Святоша? — спросил Бен Шесть Городов.

— Его прикончил парень из нашей команды по имени Шустрый, — сказал Шип. Генри зарычала. От одного его имени она начинала злиться.

— Тот же самый Шустрый, который владеет половиной Чада? — спросил Джоан.

Шип кивнул.

— Слышал, он добился успеха. Вроде как прибрал все денежки за нашу работу в Хостграде.

Бен Шесть Городов присвистнул.

— Так эт и правда был ты? Я думал, слухи брешут. Грили, ты поубивал тыщи людей, и половина из них солдаты. Убил всё семейство Х'остов.

Шип сплюнул на солому.

— Думаю, в тех слухах немало брехни. Хотя и правда в них есть.

Джоан Тяжёлая Рука громко вздохнул, взял ближайший стул и сел, положив тяжёлую булаву на стол.

— Святоша никогда б на тя не пошёл, кабы не этот тупой еблан Большеротый Кэл. Говорили же ему.

Шип только кивнул. Казалось, он слегка расслабился, вроде как у него с Джоан была какая-то общая история. Генри же крепко держала ножи, просто на всякий случай.

— Судя по роже Красной Генри, когда ты упомянул Шустрого, я догадываюсь, что в вашей новой команде его не очень-то любят, — сказал Джоан.

Много времени прошло с тех пор, как кто-то называл её Красной Генри. Оно ей нравилось. Имя, которое она заработала много лет назад.

— Ага, — сказал Шип. — Можно и так сказать. Может, заставим его заплатить за то, что прикарманил наши доли.

— Направляетесь в Темь?

И снова Шип кивнул.

— Возможно, нас кое-кто преследует. Кое-кто чистокровный.

Джоан глянул на Андерса. Тот ухмыльнулся в ответ.

— Из-за него или из-за Солантиса?

— Наверно, и того и другого понемногу.

Джоан проворчал:

— Слышал, там всё случилось из-за Чёрного Шипа. Эт немного противоречило слухам что ты помер. В любом случае, мы подумали, что надо б заглянуть сюда, да посмотреть, не будешь ли ты тут проходить. В конце концов, кто-то должен заплатить за Святошу.

Генри фыркнула. Ей не нравилось, когда ей напоминали о её участии в восстании рабов. Одно дело редкие убийства, но совсем другое — то, что случилось в Солантисе. Мысли о масштабах этого даже её заставляли бледнеть. Тысячи умерли из-за того, что она освободила несколько рабов и сказала им драться. Она содрогнулась и не без усилий вернулась к разговору.

— Нам быгодились руки в Чаде, Джоан, — сказал Шип. — Думаю, Шустрог нелегко будет достать.

На лице Джоана появилась быстрая улыбка и тут же исчезла.

— Ага. Похоже, есть причина снова нам стать командой, Шип. К счастью для тебя, остальные наши парни не знают о награде за твою голову. А ещё удачнее, что мне и Бену больше дела до того, чтоб Святоша не чувствовал себя одиноко в загробной жизни.

Шип кивнул на это, но его лицо было суровым.

— А после того, как мы разделаемся с Шустрым?

Джоан усмехнулся.

— Когда закончим, платить уже будет некому. Как думаешь, Шип, кто назначил награду за твою голову?

Шип

К концу первого дня в Теми Бетрим нервничал. Каждый звук зловеще разносился эхом вокруг, так что Шип не мог понять, откуда тот исходит. Он пристально вглядывался во все стороны, дёргал головой то туда, то сюда, как птица, но видел не дальше нескольких футов. К концу второго дня он уже начинал чувствовать себя развалиной. На четвёртый день он так устал, что стал видеть фигуры в тумане — тени сновали вокруг на границе его зрения.

Он не спал, не мог заснуть. Они выставляли дозоры, по три пары глаз, а остальные спали близко, едва ли не друг на друге. Бетрим бросил попытки отдохнуть и стоял в каждом дозоре — держа одну руку на топоре, а другой схватившись за амулет на шее. Он так сильно тёр маленький кружочек дерева, что поставил занозы, но это его не останавливало.

Остальные в духов не верили. Все думали, что скорее на них нападут бандиты — грабители, охотившиеся на неосторожных людей, которые так глупы, что заходят в Темь в одиночку или неподготовленными. Но этих людей таким бандам взять было бы сложно —

Бетрим редко путешествовал с более опасной группой. Остальные в духов не верили, но никто из них не был в Пяти Королевствах. Бетрим бывал, и видел, как ходят мёртвые. Видел, как живые становятся мёртвыми, а потом снова понимаются.

К концу четвёртого дня Джоан подошёл к Бетриму и очень пристально на него взглянул.

— Сколько времени прошло с тех пор, как мы последний раз были в одной команде, Шип?

Уставшим глазом Шип взглянул на Джоана — он чувствовал, что его веки захлопываются.

— А сколько прошло с тех пор, как ты перестал играть в игру и начал охотиться на тех, кто играет?

— Добрых несколько лет. Может, десять.

— Ну, тогда чё-т около того, Джоан, — ответил Бетрим.

— За эти десять лет я охотился на тебя?

Бетрим сплюнул.

— Не думаю. Если б охотился, то наверно давно поймал бы.

Джоан кивнул.

— И тогда один из нас бы помер, точняк. Так чё ты мне не доверяешь? Я дал те слово, что ни один из нас тя не тронет.

— Чё?

— Я слышал, ты стоишь в каждом дозоре. Мои парни немного нервничают, что ты не даёшь прикрывать тебе спину, пока спишь. Я б понял, если б ты хотел, чтоб в каждом дозоре был один из твоих, но...

— Ты понял всё не так, Джоан, — прервал его Шип. — Не в этом дело. Всё из-за чёртовых призраков. Я слышу их там, в тумане.

Джоан оглянулся. Смотреть было особо не на что. Туман был таким густым, что разглядеть что-нибудь в пяти футах уже было счастьем, и если упустишь человека впереди, то можно было больше его и не найти. Сверху тоже ничего не было видно — лишь покров движущейся серости. Внизу лишь влажная почва или грязь, но всегда бурая. Бетриму говорили, что где-то в Теми есть болота, но сейчас их тут не было. Изредка они проходили мимо тянувшихся к небу трупных деревьев, резко-белых на фоне серого тумана. На этих трупных деревьях никогда не бывало листьев, а уж тем более плодов. Они росли из тел мертвецов, по крайней мере так говорили, и деревья были столь же бесплодны, как и трупы под ними.

— Я сам бывал в Теми несколько раз, — говорил Джоан. — Однажды преследовал одного особо скользкого убийцу по имени Кобалл — одного из тех чернокожих с дальнего юга, которые любят есть своих жертв. Он ещё свои зубы подтачивал. — Джоан помедлил, словно вспоминая, а потом покачал головой. — Четыре раза здесь был и ни разу не видел духа. И ничё не видал, кроме тумана, Туманной Заставы и... ещё тумана.

— Ты когда-нть видал дракона? — спросил Бетрим.

— Нет.

— Я тоже. Но слышал из довольно достоверного источника, что они существуют.

Джоан вздохнул.

— Шип, те поспать надо. До Туманной Заставы ещё два дня по меньшей мере, если ваще доберёмся. Бен чертовски хорошо умеет отыскивать путь, но... в этом месте никаких гарантий.

Бетрим знал, что Джоан прав. Недостаток сна может играть с человеком всякие шутки. Заставляет видеть и слышать то, чего нет на самом деле. Замедляет его, когда надо быть быстрым. Заставляет падать, когда надо стоять на ногах.

Бетрим кивнул.

— Я постараюсь.

Этой ночью ему даже удалось поспать. Прижался к Андерсу, который в свою очередь прижался к бурдюку с вином. А Генри в этот дозор приглядывала за ними обоими, и Бетрим понимал, что на свете немного есть людей, которым он мог бы так же доверять, возможно даже никого.

Тук. Тук. Тук.

Бетрим стоял над телом в плаще арбитра. Он вытащил топор и перекатил тело, чтобы хорошенько ударить по шее — отрубить голову, чтоб наверняка. Это был не Кессик.

Тук. Тук. Тук.

Рука схватила Бетрима за плечо. Подняла его на ноги и развернула. Кулак врезался в челюсть Бетриму.

Тук. Тук. Тук.

Кессик говорил, но Бетрим ничего не слышал. Он смотрел на симпатичное лицо, на волосы цвета тёмного дуба, на пронзительные зелёные глаза. Чёрный Шип бросился вперёд. Кессик схватил его запястье, вырвал топор и сбил Бетрима наземь.

Тук. Тук. Тук.

Правой рукой Бетрим вытащил кинжал, а левой хлестнул метательным ножом в сторону Кессика. Нож попал арбитру по ноге, но ничего не изменилось. Кессик схватил запястье Бетрима одной рукой, а его горло другой.

Тук. Тук. Тук.

Кессик вырвал кинжал из руки Бетрима и четырежды ударил его в грудь. Бетрим опрокинулся назад и тяжело ударился об землю.

Тук. Тук. Тук.

Кессик стоял над Чёрным Шипом. Он снова говорил, один зуб блестел в лунном свете. Потом он протянул руку, и Бетрим увидел пальцы, смыкающиеся на его левом глазу.

Тук. Тук. Крик.

Бетрим резко сел. Он насквозь промок от пота и трясся от головы до пят. Его правая рука нашарила топор, а левая тянулась к глазу, к глазной повязке. Спустя некоторое время он понял — что-то было не так. Не он один проснулся. Никто не спал, все молчали, были напряжены и выглядели испуганно.

— Босс, вы в порядке? — шёпотом спросил Андерс.

Бетрим покачал головой. Он всё ещё помнил сон, всё ещё помнил стук, но крика там не было — тот звучал не во сне, и не был его голосом. А потом начались рыдания.

Жутко было их слышать. Долгие, полные боли вопли эхом разносились повсюду. Крик, словно сорвавшийся с женских губ, такой печальный, что у Бетрима на глазах выступили слёзы. Он быстро стёр влагу рукой и посмотрел в ту сторону, откуда шёл крик. Он ничего не увидел; казалось, звуки доносились прямо из тумана.

Следующий крик начался сразу же, как стих первый — казалось, на этот раз он исходит с другой стороны от их маленькой группы. Чистый ужас и страх, мольба и безнадежность смешались в этом крике.

— Чё эт за хуйня? — спросил один из охотников Джоана. Бетрим припомнил, что звал

он себя Давет Волкобой.

— Откуда эти звуки? — спросила Генри, широко раскрыв глаза и стиснув зубы.

Вопль стих, и всё погрузилось в тишину, за исключением редких шарканий сапог по земле. Бетрим уставился в тёмный туман, в завихряющуюся, двигающуюся пустоту. Он стал липким от пота, чувствовал, как тот каплями выступает на лице и падает вниз. Вокруг в тумане по-прежнему ничего не было видно или слышно — вообще ничего. Бетрим почти решил, что всё закончилось.

Из тумана донеслось пронзительное шипение, и спустя секунду Бетрим понял, что оно звучало как женский голос, произносящий "прооооооошу". Голос был таким тихим и таким настойчивым, что Бетриму захотелось поскорее пойти на голос в туман и найти женщину, которая нуждалась в его помощи. Что-то врезалось в левую руку, и Бетрим подпрыгнул, направив топор в ту сторону. Это был Джоан, который подошёл и встал рядом с Чёрным Шипом. Бетрим подумал, что он раньше никогда не видел Джоана Тяжёлую Руку напуганным, но теперь уж точно увидел.

— Чё нам делать, Шип? — спросил Джоан.

— Чё?

Начался очередной вопль, и Шип кое-что заметил. Слабый голубой свет, тёмная тень, плывущая в тумане. Он почувствовал, как на глаз снова наворачивается слеза, и шмыгнул.

"Поооооооооомогггггииии", — донёсся шипящий голос из тумана. Бетрим развернулся на голос и снова мельком заметил какую-то фигуру, которая тут же исчезла.

— Ты ж знаешь, чё с мертвецами делать, да? — спросил Джоан.

Шип попытался сглотнуть ком, вставший в его горле.

— Надо бежать, — сказал один охотник за головами — парень, который называл себя Слай. — Уёбывать надо отсюдова!

Бен Шесть Городов шлёпнул Слая по затылку.

— Заткнись.

Очередной вопль, очередная фигура, плывущая в тумане. Туман днём это одно, а туман ночью — совершенно другое. Казалось, мир просто заканчивается в нескольких футах от лица Бетрима. Очередное шипение, на этот раз голос, казалось, произнёс "хоооооолодно", а потом Бетрим почувствовал, как туман стал ледяным, и от дыхания пошёл пар.

— Никогда не имел дела с духами, — сказал он слегка хриплым голосом. Бетрим закашлялся и снова заговорил, на этот раз спокойнее. — Мертвецам лучше всего срубить голову. А ещё огонь.

— Огонь? — спросил Бен Шесть Городов.

Бетрим кивнул.

— Ага. — Больше он ничего не помнил. Два лучших способа, чтобы не дать кому-либо вернуться из мёртвых. Он не был уверен, что это может отправить обратно тех мертвецов, которые уже встали и пошли, но если уж для одних работало, то могло сработать и для других.

— Разожгите костёр и несколько факелов. Живо, — приказал Джоан своей команде охотников.

Генри прижалась к Бетриму. Он чувствовал, как она дрожит, но рад был, что она так близко. Андерс подошёл к Шипу с другой стороны.

— Босс? — Голос у пьянчуги был напуганным, и неспроста. В такой ситуации кто угодно испугается. — Могу ли я как-то позаимствовать ваш талисман?

Бетрим не сдержался, с его губ слетел приглушённый смех, хотя смешного тут было мало. Он сорвал талисман с шеи и передал Андерсу.

— Вернёшь, когда мы с этими падлами закончим.

Уголком глаза Шип заметил движение и дёрнул головой. Из темноты выплыло лицо — серое, морщинистое и несчастное. Рот был открыт и из него доносились стоны, зубы были сломаны или выбиты. Мёртвые волосы, похожие на солому, ниспадали вокруг лица, обрамляя бледную плоть. Похоже, у него не было тела, за исключением слабого голубого света в тумане позади него. Под лицом появилась иссохшая и бледная рука и потянулась в сторону людей.

Бен был к духу ближе всех. Он попытался отступить, оступися, упал на холодную влажную землю и пополз назад. Из тумана появилось плечо, а потом тощее туловище. Бетрим не знал, появилось ли это лицо из тумана, или само было туманом, свернувшимся в гротескную фигуру.

— Шип, — крикнул Джоан и сунул ему факел. Охотник за головами стоял спиной к духу, возможно ещё не увидел его. Бетрим уронил топор, схватил факел и оттолкнул Андерса с дороги.

"Проооооошшшшшшшууууу", — прошипел дух.

Вопреки всем своим убеждениям Чёрный Шип шагнул в сторону твари в тумане, махая в её сторону горячей палкой. Та громко всхлипнула и уплыла обратно в туман, совершенно исчезнув. Бен Шесть Городов дикими глазами посмотрел на Шипа и попытался произнести что-то вроде благодарности, но ни звука не сорвалось с его губ.

Кто-то чертыхался и кричал. Один из Джоановых охотников за головами. Шип повернулся как раз вовремя, чтобы заметить, как исчезает в тумане перепуганное лицо Слая, которого утаскивали призрачные руки. Джоан Тяжёлая Рука взревел, схватил в каждую тяжёлую руку по факелу и бросился за Слаем. Свет от факелов быстро тускнел, по мере того, как он удалялся. Никто за ним не последовал.

— Вон ещё один! — крикнула Генри.

Бетрим крутанулся и прыгнул в сторону духа, размахивая пылающим факелом в его морду и в ужасе крича что-то бессмысленное и яростное. Мёртвая тварь отпрянула от огня, завывая и шипя.

Генри встала около Бетрима, с факелом в правой руке и кинжалом в левой.

— Ты попал? Выглядело, будто попал.

— Я... уф... хрен знает. Кажись, прошло тварюгу насквозь, — сказал он диким голосом.

Бетрим и Генри вместе отступили к группе. Теперь факелы были у всех, они встали вокруг маленького костерка — кольцо пламени, чтобы отгонять завывающих мертвецов.

— Джоан! — закричал в туман Бен Шесть Городов, стараясь, чтобы его было слышно за завываниями, всхлипами и шипением. — ДЖОАН!

К ним из темноты выплыло очередное лицо, Давет и Андерс махнули в ту сторону огнём, заставив убраться туда, откуда оно явилось.

— ДЖОАН!

Бетрим заметил слева слабый жёлтый свет, и секундой позже тёмная фигура, спотыкаясь, добрела до группы. Джоан потерял один из своих факелов, а вторым махал перед собой, будто отгоняя мух. Потом он вырубился и плюхнулся на задницу, а из-за его спины из темноты протянулась рука. Она схватила охотника за ногу и потащила назад в бесформенное серое ничто. Чёрный Шип и Генри бросились следом, размахивая факелами в

сторону руки и лица за ней. Андерс двинулся за ними и начал тащить Джоана к костру.

— Он холодный, — крикнул Андерс. Бетрим глянул назад и увидел, что Джоан дрожит, а его кожа бледная, как замёрзшая вода, которую называют снегом. Его невидящие глаза широко раскрылись, зубы громко стучали.

— К костру его, — приказал Бен Андерсу. — И одеял на него.

Андерс справился один — все остальные занимались охраной их маленькой группы, высматривая очередную атаку. Завывания продолжались.

— Он ранен? — спросил Бетрим, не глядя назад.

— Хм, не думаю, босс. Просто охуенно замёрз.

— Так согрей его! — приказал Бетрим. Андерс обернул все одеяла, что смог найти, вокруг здоровяка, а после сам лёг рядом с ним, чтобы поделиться своим теплом.

Бетрим не знал, сколько они так простояли кругом, спинами к костру. Может, всю ночь. В какой-то момент стало светлее, и туман стал скорее серым, чем чёрным. А потом завывания и всхлипы прекратились. Духи убрались, но Бетрим поставил бы все монеты, которых у него не было, что следующей ночью они вернутся.

В конце концов, Джоан поднялся на ноги. Несмотря на три одеяла на плечах, он трясся как старик, и под его глазами виднелись тёмные мешки.

— Надо двигать, — мрачно сказал он. — Убраться отсюда как можно дальше при свете. Двигаться как можно быстрее и добраться до Туманной Заставы.

— Думаю, ночью надо будет развести огонь. И удвоить дозоры, — сказал Бетрим.

Бен фыркнул и невесело рассмеялся.

— Вряд ли кто-нибудь из нас заснёт здесь.

— А чё нащёт Слая? — спросил другой Джоанов охотник за головами, парень средних лет по имени Берг.

Джоан лишь покачал головой.

Андерс

При входе в Туманную Заставу сидел старик в ржавых доспехах с длинным копьём в руках. Он прекратил жевать, лишь чтобы глянуть на новоприбывших и усмехнуться их измученному виду.

Андерс пристально вглядывался то в одну сторону, то в другую. Может, дело было в недостатке сна, или в ступе у него в голове из-за трезвости, но туман здесь казался не таким густым — Андерс легко видел уже футов на тридцать во всех направлениях, кроме как назад, в Темь. Туманная стена движущейся серости скрывала всё, что лежало за пределами города.

— Никаких стен, — хрипло проговорила Генри. Прошлой ночью она сорвалась на крик на духов, которые на них напали, вопила оскорбления и ругательства, от которых покраснело бы большинство пиратов. Мёртвых тварей это не отпугнуло, но по крайней мере немного подбодрило команду.

— Эй, старикан, — сказал Шип. — Ты тут на страже?

Старик в ржавых доспехах медленно поднял взгляд от большого пальца, глянул налево, потом направо.

— Хм. Похоже, я.

— Нас всю дорогу изводили духи. Они нас преследуют, — сказал Шип.

Старик усмехнулся.

— Ага. Нраицца им такое с туристами вытворять. — Он снова принялся грызть ноготь большого пальца, не обращая внимания на людей, стоявших перед ним.

Андерс заметил, что Шип покраснел от гнева.

— Они забрали одного из наших.

Старик отгрыз кусочек ногтя и поморщился, а потом сплюнул на влажную землю.

— А-а. Лекарство от этого вон там, — он указал в сторону, где, по мнению Андерса находился центр города. — Мы называем её "Плачущая Вдова". Хорошее место, чтоб напиться. В Туманной Заставе, пожалуй, эт единственное заведение.

Андерс видел, как разозлился Шип.

— Старикан, ты, видать, меня не слышал. Они нас преследуют, гонятся за нами. Будут здесь ночью. Каждую ночь, блядь.

И снова старик усмехнулся.

— И чё прикажешь мне делать? Помахать копьём? — он лениво потряс копьём. — Давайте. Проваливайте. Чёрт, и так работа не сахар, да ещё вы тут ходите.

Шип поворчал, но пошёл в сторону города, и остальные пошли за ним. Прежде чем поспешить за Шипом, Андерс услышал, как старик ругается себе под нос, говоря что-то о туристах.

— Уф, босс. Насчёт... — начал Андерс.

— Позже, Андерс. Сначала надо предупредить кого-нить об этих духах. Кто-то ж должен быть за главного в этой дыре.

— Вы правы. Полагаю, я просто... — Он быстро встряхнул бурдюк за плечами. Оттуда донёлся тихий всплеск, но вина там явно осталось на один глоток. Андерс вздохнул. Худшее в выпивке то, что потом начинаешь трезветь.

Рядом с Шипом вышел Джоан Тяжёлая Рука, следом за которым, как обычно, шёл Бен Шесть Городов. Джоан, похоже, полностью восстановился от встречи с духами, хотя и не говорил о том, что увидел в тумане.

— Шип, у тя план-то есть? — спросил Джоан.

— Ага. Наверно. Предупрежу тупого еблана, который тут за главного, что духи идут, а потом свалю к чертям, пока они не прибыли. Порт Милости находится к югу. Оттуда сядем на корабль до Чада. Путь неблизкий, но далеко не такой длинный, как дорога пешком.

— Никогда б не подумал, что увижу, как Чёрный Шип предлагает плыть по воде, — рассмеялся Джоан.

— Да пришлось тут недавно поплавать. В Сарт и обратно. Не так уж плохо, если игнорировать тот факт, что всё под водой хочет тя сожрать, а погода в основном старается этому помочь.

— Джоан, — сказал Берт. Пожилой мужик с тёмными мешками под красными глазами. Он выглядел неважно от недостатка сна, но, сказать по правде, все они выглядели неважно. — Мне, Давету и Кипу. Всем интересно, насколько мы тут останемся.

Джоан Тяжёлая Рука вздохнул и посмотрел на Шипа, прежде чем отвечать.

— Уже вечер. Не думаю, что выйдем отсюда, чтоб сидеть в темноте. Довольно уж этого. Пока за дверями безопаснее. Ни тумана, ни духов. Возможно, завтра.

— Мы найдём эту "Плачущую Вдову". Выпьём за Слая. Уж это мы ему должны.

Джоан кивнул и положил тяжёлую руку на плечо Берту.

— Ага. Мы подойдём, как закончим дело.

Прежде чем они ушли, Бен вытащил из кошелька пару серебряных монет и вложил Берту в руку.

— Выпейте за павших, — сказал Бен.

— Мы к ним скоро присоединимся, — в унисон закончили Берт, Давет и Кип.

— Босс... — начал Андерс.

— Андерс, не сейчас, — сказал Шип.

Андерс вздохнул, глядя, как Берт с остальными идут в направлении, указанном стариком на границе города. Он обратил внимание, каким пустынным маленьким городком была Туманная Застава. Народу повсюду было мало. Зданий было много, в основном деревянных и трухлявых, и многие выглядели так, будто их перестраивали из камня. Но людей было мало. Андерс предположил, что они сидят за дверями, боясь тумана, духов или новоприбывших. Он увидел очень мало стражников. Для города в Диких Землях довольно странно не иметь стен, и ещё более странно не иметь стражи. Андерс решил, что Туманная Застава — одно из самых странных мест, в которых он бывал, включая плавающий город Соромо.

— Чёрный Шип, ты хоть представляешь, куда идёшь? — спросил Бен Шесть Городов.

Шип остановился. Он шёл прямо в одном направлении, но теперь посмотрел налево, а потом направо.

— В душе не ебу. С тех пор, как мы пришли в эту жопу, я видел трёх человек, и ни один из них не похож на представителя власти. — Андерс смотрел, как Шип глубоко вдохнул — так вдыхают, когда собираются крикнуть что-то изо всех сил. Потом он замер, выдохнул и снова пошёл. Андерс и остальные поспешили за ним и увидели то же, что и Шип — группу людей, человек двадцать. В центре был мужчина-гигант. Андерс решил, что высотой он в семь футов, и ещё добрых несколько дюймов. На нём была грязная кожаная одежда, а из-за левого плеча выглядывала рукоять чего-то несомненно большого, металлического и опасного. Рядом с гигантом стояла женщина поменьше, которая была чуть выше Андерса. У неё были рыжие волосы, сплетённые в плотный узел, и кольчуга, которая на вид была отлично сделанной и ещё лучше использовавшейся.

Когда Шип пошёл в сторону группы, от неё отделилось трио вооружённых солдат в доспехах. Судя по их виду, они не собирались разрешать Чёрному Шипу пройти.

— Мослак, — крикнул Шип, когда солдаты остановились перед ним. Гигант поднял глаза, а потом отвёл взгляд. Женщина рядом с ним смотрела намного дольше — она явно не собиралась отводить взгляд.

— Вынужден просить тебя остановиться здесь, друг, — сказал один из солдат, поднимая руку. Вторая лежала на рукояти меча. Шип остановился и сердито посмотрел на солдата.

— Тот здоровяк вон там — эт мой старый друг, так что как нащёт... — начал Шип.

— Точно, — прервал Шипа солдат. — Таверна в ту сторону. Не хотелось бы вас туда сопровождать.

Андерс отметил, что женщина возле гиганта всё ещё смотрит на них. Похоже, Шип тоже это отметил.

— Бет! Скажешь этим тупым ублюдкам, чтоб убрались с дороги, или мне показать им, как выглядят их кишки?

Женщина просто продолжала таращиться, но гигант снова поднял взгляд, прищурился и разразился хохотом.

— А ты ж вроде помер?

— Мне все так говорят, — ответил Шип, ухмыляясь.

Гигант протолкался через толпу солдат и заключил Чёрного Шипа в неловкие объятия. Когда он отпустил его, на лице Шипа играла улыбка, которую Андерсу редко доводилось видеть.

— Бет, ты это видишь? — крикнул гигант женщине, которая была с ним. — Шип жив!

Женщина ничего не ответила, а её взгляд так и остался холодным и неуважительным.

— Она, кажись, не особо рада меня видеть, Мослак, — сказал Шип.

Гигант кивнул.

— Эт точно. И разве можно её винить?

— Ничуть.

И снова гигант рассмеялся, громким и глубоким смехом.

— Так с кем ты нынче путешествуешь?

— Эту ты наверно знаешь, — Шип пихнул Генри, и та споткнулась, а потом приподняла шляпу и ухмыльнулась гиганту. Улыбка, которая расплылась у того на лице, была огромной и искренней.

— Чтоб мне провалиться! Пырнёшь меня, если попытаюсь тя обнять? — Спросил он.

— Эт всегда опасно, — ответила Генри, всё ещё ухмыляясь.

— Тогда поостерегусь, наверно. Всё равно чертовски рад тя видеть. Слышал... ну, Шустрый сказал, что видел тя в Хостграде. Сказал, что одна из тех... тварей схватила тебя.

Андерс видел, как покраснела Генри, видел, как она стиснула зубы, а руки сжала в кулаки. Шип тоже это видел. Он положил трёхпалую руку Генри на плечо и посмотрел ей в глаза.

— Пожалуй, об этом можно и после поговорить, Мослак. А вот этого пьяного придурка зовут Андерс.

— Рад с вами познакомиться, — сказал Андерс, глядя на гиганта. И, позвольте заметить, вы, несомненно, самый большой человек из всех, кого я встречал.

Гигант лишь расхохотался, и Шип продолжил знакомство.

— Эт Джоан Тяжёлая Рука и Бен Шесть Городов.

Смех прекратился и улыбка опала.

— Кажись, эти имена я знаю. Не думал, что увижу, как Чёрный Шип путешествует с охотниками за головами.

— Нужда заставит, здоровяк, — сказал Бен Шесть Городов. — Святоша встречал тя как-то раз, говорил, ты вроде нормальный ублюдок, хоть и собираешь странные трофеи.

Гигант кивнул.

— Не думал, что увижу тебя с такими, как они, Шип, — повторил он.

— Я тоже не думал, что стану путешествовать с арбитром, Мослак. Но потом я дошёл с ним до самого Сарта, и вот чё получил в итоге, — Шип указал на глазную повязку.

— Это...

Шип приподнял повязку, чтобы показать пустую глазницу, и Андерс отвёл взгляд. На самом деле он раньше не видел, что под повязкой, и зрелище было ужасающим.

— Бля, — сказал гигант.

— Ага, — сказал Шип. — Хрен знает, чё ты тут делаешь, Мослак, но думаю, надо нам бежать. Всю дорогу по Теми нас преследовали духи. Одного из наших даже схватили. Каждую ночь нападали. Думаю, как темнота опустится, так они и заявятся.

Гигант глубоко вздохнул и выдохнул.

— Жаль, что вы потеряли человека, Шип, но здесь вы в безопасности. В Теми духи встречаются, эт точно, но в город они не приходят. Глубоко в земле вокруг города древние заклинания, или чё-т типа того. Они не пускают чёртовых тварей. Хотя завывать им не мешают.

— Полагаю, они работают немного лучше, чем этот талисман? — спросил Андерс, протягивая маленький деревянный кругляш, который Шип дал ему в первый день, когда на них напали духи.

Гигант покосился на ожерелье и рассмеялся.

— Эт вам Папаня продал? Бармен в Тревиле. — Андерс кивнул. — Ага. Он продаёт такие простачкам. Пользы от них, как от вялого хуя в борделе. — Тут гигант побледнел и быстро повернулся к женщине, умиротворяюще подняв руки. — Не то чтобы я знал. Я в борделях не был с тех пор, как повстречал тебя, любовь моя. По крайней мере, с тех пор, как на тебе женился.

Женщина, которую Шип назвал Бет, лишь пристально молча смотрела, скрестив руки на груди, испепеляя Шипа своим яростным взглядом.

— Чёрт, а эт нервирует, — сказал Бен Шесть Городов. — Шип, ты её мать убил, или чё?

— Если бы, — хрипло ответил Шип. — Это она бы мне простила.

Гигант кивнул, и улыбка исчезла с его лица.

— Надо кой о чём поболтать, Шип. И лучше будет говорить за выпивкой.

— Лучшая мысль из всех, что я слышал за этот день, — ухмыльнувшись, сказал Андерс.

Гигант повёл их не в таверну, как ожидал Андерс, а в городскую ратушу. За ними шла не только женщина по имени Бет, которая постоянно бросала на Шипа самые злобные взгляды, но ещё и полдюжины солдат в чём-то вроде мундиров, хотя их доспехи явно были старыми и нуждались в замене. Если честно, всё выглядело слегка чересчур официально. В нервном предвкушении Андерс допил остатки вина из бурдюка и молил Богов, что следующая выпивка уже скоро окажется у него в руках.

Внутри ратуши гигант взмахом руки распустил солдат. Женщина осталась рядом, положив левую руку на рукоять меча. Её кольчуга блестела в свете фонаря. Андерс был озадачен, Шип выглядел ещё более озадаченным, а Генри просто с раскрытым ртом таранилась по сторонам от любопытства. Лишь два брата-охотника за головами не выглядели обеспокоенными, но возможно это потому, что они были слишком осторожными.

Гигант провёл их в кабинет и сел за большой деревянный стол.

— Мослак, — начал Шип.

— Бет, найди нам чё-нть выпить. Чем крепче, тем лучше, — перебил его гигант. Бет медленно подошла к запертому деревянному шкафу и достала из кармана ключ. Андерс смутно слышал, что говорил Шип, но всё его внимание было сосредоточено на возможном содержимом шкафа. Он облизал губы в предвкушении и ждал. Бутылка, которую достала женщина, была глиняной и без этикеток. Женщина подошла к столу гиганта и почти стукнула бутылкой по столу.

— Ну, дело в том, что, — сказал гигант, вынимая пробку из бутылки и делая большой глоток. — Это место вроде как моё. — Он начал передавать бутылку прямо в сторону Андерса, но её перехватил Шип.

— Он получит бутылку последним, иначе остальным вряд ли чё-нть достанется, — сказал Шип. — Хули ты имел в виду нащёт того, что это твоё место?

Шип сделал глоток и поморщился. По запаху Андерс уже понял, что это какой-то ром, и к тому же крепкий. Шип передал бутылку Генри.

— Ну, дело вот в чём. Я и Шустрый думали, что вы все мертвы. Так что мы вернулись в Чад и забрали всю плату за работу с Х'остом. Разделили только на две части. Сто пятьдесят тыщ монет — это куча денег.

Андерс фыркнул, глядя, как Генри передаёт бутылку Бену Шесть Городов, который стоял, прислонившись к дальней стене, в углублении между дверным проёмом и книжной полкой.

— Хм-м, — проворчал Шип.

— Я взял свою долю, и мы Бет решили выйти из игры. Так что я потратил свою часть, чтоб купить Темь, Туманную Заставу, и всё в ней. — Гигант махнул большой рукой. — Эт всё моё.

— У кого купил? — спросил Шип. Бутылка уже добралась до Джоана Тяжёлой Руки, который делал уже второй большой глоток и, судя по всему, раздумывал, не сделать ли третий.

— У лорда Санвела. Темь... в верхней части его земель. Чё-т вроде естественной границы между ним и Брековичами. Ему она нахрен не нужна, так что я её, хм, купил. Неплохое местечко, коль не возражаешь против изоляции и редких завываний.

Джоан Тяжёлая Рука потряс бутылку, собираясь уже сделать четвёртый глоток, но потом остановился, пошёл вперёд и передал бутылку Андерсу, который благодарно опрокинул содержимое себе в рот, быстро проглотив три больших глотка тёмного вкусного рома. Слово жидкий огонь потёк по его горлу в живот, и это было самое вкусное из всего, что он когда-либо пробовал. Он глянул по сторонам в поисках добавки, но Бет уже закрыла шкаф.

— Думаю, нам надо уходить, Шип. Утром, с первым светом. Оставаться здесь нет смысла, — хрипло сказал Джоан.

Шип посмотрел на Джоана с единственного стула перед старым, гнилым столом, и покачал головой.

— Слышь, Мослак, я скажу начистоту. Мы направляемся в Чад, чтоб убить Шустрого, и у каждого из нас в этой комнате куча причин для этого. Во-первых, этот получистокровный гад назначил крупную награду за мою голову. Эти парни ищут его за то, что он пришил Святошу. А те он нужен, потому что, по правде говоря, он надул ты на кучу бабла.

— Чё?

— Генри, скока на самом деле стоила работа с Х'остом? — спросил Шип, не отводя глаз от гиганта.

— Один миллион золотых монет.

Бен Шесть Городов присвистнул, Джоан Тяжёлая Рука замер на углу стола, а гигант выглядел озадаченно, словно пытался представить себе, какая куча получится из такого количества. А Бет сделала шаг назад и прислонилась к стене. Даже Андерс был вынужден признать, что миллион монет — это куча денег. Не самая большая, что он в жизни видел, и не самая большая, что он тратил, но всё равно большая. Он заметил, что Шип выжидающе смотрит на него.

Быстро прикинув, Андерс шагнул вперёд и принял самое мрачное выражение.

— Если настоящая плата за работу составляла один миллион монет, а Шустрый отдал вам лишь ничтожные сто пятьдесят тысяч, то себе он оставил восемьсот пятьдесят тысяч.

Это примерно в шесть раз больше того, что вы получили. Если нагляднее, то вы смогли приобрести полуразваленную задницу, окружённую кровожадными ходячими... или летающими духами посреди постоянного покрова серого тумана. А Шустрый на свою долю купил Чад, или по крайней мере его часть — богатейший город Диких Земель. Вы сидите в полуразрушенном кабинете из трухлявого дерева и пьёте дешёвый ром из глиняной бутылки, а он купается в роскоши в каменных стенах и пьёт самые дорогие вина, которые подают ему сотни нежных, юных девственниц.

— Ты...

— Хватит, Андерс, — сказал Шип, криво улыбнувшись. — Думаю, Мослак уловил мысль.

— Так значит, он ограбил нас троих, — тихо сказал гигант.

Андерс видел, как Шип посмотрел на Генри, а потом снова на гиганта.

— Ага. По-моему, нормальная причина, чтобы хотеть отомстить.

За этим последовала долгая тишина. Такая долгая, что Андерс начал искать, чем заняться. Он поставил пустую бутылку на ветхий стол и, оглядывая помещение, справился с позывом почесать отсутствующий палец. Когда его взгляд упал на Бет, он впервые заметил её шрам — блеклый белый рубец на шее от одной стороны подбородка до другой. Андерс никогда таких шрамов не видел, но готов был держать пари, что знал, откуда он. Такой шрам можно получить, только если тебе перережут горло. Немногие после такого выживают, во всяком случае, Андерс о таких не слышал.

— Не могу я, Шип, — сказал гигант из-за своего маленького стола. — Мне нужно городом управлять. Не могу я просто уехать, сбежать со своей старой командой. Я вышел из игры.

Шип ничего не сказал.

— Ты, может, заметил ремонт? От тумана дерево гниёт, так что мы тут все здания заменяем на каменные. Дело долгое, тяжёлое и дорогое.

Шип ничего не сказал.

— Люди-то здесь, простой народ, нынче ждут от меня решений. У меня все ведут себя цивилизованно, все работают. На мне лежит ответственность.

— Босс Шустрому никогда не доверял, — сказал Шип, коротко глянув на Генри и сразу отведя взгляд. — Опасный, так он его называл. Из нас только трое знали, кто заказал Х'оста — Босс, я и Генри. А терь, когда Босс помер, а я был на пути в Сарт, как ты думаешь, как Шустрый узнал имя клиента? Правда в том, что Шустрый схватил Генри в Чаде. Нашёл её, выбил информацию и оставил подыхать.

Андерс видел, как раскрылась челюсть гиганта, и как тот посмотрел на Генри, которая в свою очередь изо всех сил старалась не поднимать взгляда. Он видел, что её щёки пылают красным.

— Так со своими не поступают, — продолжал Шип. — Пойдём с нами, Мослак. И Железная Бет тоже. Отомстим этому ублюдку Шустрому и может, получим справедливую плату за Х'оста.

— Я... — начал гигант, но остановился и закрыл рот, перестав говорить. Он посмотрел на Генри, а потом опять на Шипа. Женщина наконец отвела свой острый взгляд от Шипа, подошла к гиганту и прошептала что-то ему на ухо. Гигант кивнул.

— Ирвин, — громко крикнул гигант, и вскоре дверь кабинета открылась и внутрь вошёл солдат. — Отведи этих людей во "Вдову", выпивка им за мой счёт. — Он снова посмотрел на

Шипа. — Надо бы с Бет перетереть кой-чего. Я попозже подойду.

К тому времени, как гигант появился в "Плачущей Вдове", Андерс уже был полностью на восьмой стадии опьянения и весело пел громкую песенку про пирата и его добычу, положив руки на плечи Давету Волкобою и местному, от которого несло капустой. Он быстро высвободился от дуэта убийц мелодии и неторопливо прошёл туда, где сидели Шип, Генри, Джоан и Бен.

Гигант пододвинул стул, который на вид был вдвое меньше нужного размера, и уселся на него. Андерс прошёл позади Генри и встал рядом с ней на колени. Она слегка облокотилась на него.

— Пришлось маленько пораскинуть мозгами... — начал гигант. Он потирал ожерелье под рубахой.

— И чё решила Бет? — спросила Генри со своей обычной усмешкой.

Гигант рассмеялся.

— Бет решила в кои-то веки оставить решение за мной. Чудо, не иначе. И мы идём с вами, мы с ней. Но только на это дело. Мы не вступаем в твою команду, Шип.

— Эт не команда, — запротестовал Шип.

— Ну, неважно, чё эт за хуйня, мы в неё не вступаем. Тока заставим того чистокровного ублюдка получить, чё он заслуживает. — Гигант кивнул в сторону Генри. — Надо только кое-какую хрень поналадить, прежде чем отправимся. Приготовления и всё такое. Займёт пару дней. Эт нормально?

Шип кивнул.

— Нормально.

Сузку

Перн стоял над телом, чувствуя лёгкий ветерок на коже, а человек напротив готовился напасть. Луна светила ярко, звёзды высыпали, и улицы Чада покраснели от крови.

Старый пират бросился на Перна и кричал непристойности, мчась к своей смерти. С преувеличенным спокойствием Перн просто отступил в сторону, уклонившись от клинка, летевшего ему в череп. Одним быстрым движением его меч вылетел из ножен и рубанул по мужчине. Пират тяжело ударился об землю, его рука упала в нескольких футах впереди, а потом начались крики. Перн подошёл к упавшему и вонзил меч ему в грудь, прямо в сердце. Никакого смысла оставлять врагу жизнь.

Следующий пират, на этот раз женщина в прекрасной голубой рубахе и с парой топоришков в руках, подбежала к Перну. Он перехватил меч, пригнулся и шагнул ей навстречу. Всю работу сделала их инерция и лезвие клинка. Её бок раскрылся, она рухнула наземь и булькала, пока жизнь вытекала из её тела.

Перн вытер клинок об голубую рубаху женщины и убрал его обратно в ножны. Каждую ночь такого случалось всё больше, каждую ночь всё больше людей желали попрощаться со своими жизнями в тщеславной попытке убить его клиента. Ни один из них не мог соперничать с хаарином ни навыком, ни решительностью.

По улице снова подул ветерок, принося с собой аромат моря и маскируя металлический запах крови, за что Перн был признателен. Он глубоко вдохнул, посмотрел на небо и

выдохнул. Он знал, что должен спешить, чтобы догнать Шустрого и Лиси — вскоре он мог им понадобиться. Но сейчас ему просто нужна была минутка подумать о бесполезной потере этих людей, лежавших у его ног. Они не были злыми людьми — просто глупцы, которые больше ничего не знали. Глупцы, которым заплатили за то, чтобы они бросились на его меч. Напрасная растрата жизни.

Шарканье кожи по земле предупредило Перна об очередном пирате. Он развернулся, положив руку на рукоять меча, пригибаясь в боевой стойке.

— Тебе это не понадобится. Я не намерен с тобой сражаться, — сказал Кессик из теней. — Просто хочу поговорить.

Перн не убрал руку с меча.

— Разговоры со мной ничего тебе не дадут. У меня нет влияния на действия Шустрого. Я хаарин, — ответил Перн спокойным голосом.

До его слуха донёлся лязг металла по металлу. Перн знал, что это мог быть Шустрый, и что он должен был защитить своего клиента. Если Шустрый умрёт... у Перна не останется выбора.

— Мне не нужно, чтобы ты влиял на него, — сказал Кессик, выходя из тени в сторону Перна, который отступил назад. В своих возможностях он был уверен, но он слышал, что арбитры используют магию, и хоть он ни разу её не видел, но не собирался испытывать против неё свои навыки.

Откуда-то поблизости донёлся крик. В Чаде воцарился хаос. Стражники больше не патрулировали улицы. Торговцы теперь собирались лишь на рынках или в доках — причём последнее в основном потому, что они бежали из города. Жители Чада стали кроткими теньями, прячась в своих домах от открытой войны на улицах.

Даже в Золотом городе теперь было не спастись от насилия. Самые богатые жители съезжались за своими стенами и за спинами охраны, но ничего не предпринимали, чтобы остановить сражения на улицах. Ничего не предпринимали, чтобы остановить смерти.

Чад был таким уже две недели. Две недели назад Шустрый начал собирать наёмников. Три недели назад его убийца не смог убить Кессика.

— Твой хозяин меня предал, — говорил Кессик.

— Ты знал, что так и будет, — сказал Перн. Его глаза стреляли по сторонам в поисках новых опасностей, но Кессик был один и, похоже, не вооружён.

Убийца потерпел неудачу, и Кессик отправил его голову Шустрому в ящике. Как предупреждение.

— Это правда, — сказал Кессик, делая ещё шаг вперёд, перешагивая через труп одного из пиратов, — но я не ожидал, что он преуспеет.

Шустрый хохотал, когда вытаскивал голову из ящика, хохотал и заявлял, что это было лучшее вложение в его жизни. Говорил, что оно окупилось десятикратно. Тогда Перн узнал, что у убийцы было две задачи — он должен был убить Кессика только после того, как выследит его и узнает, где бывший арбитр хранит состояние Х'оста. Убийца преуспел в половине своего контракта.

— Мне нужно, чтобы ты доставил своему хозяину сообщение, — сказал Кессик.

— Это не моя работа, доставлять сообщения. Я...

— Скажи Шустрому, что мне плевать на деньги. Он может оставить их себе. Все. Скажи, что мне нужно больше людей. Больше, чем в прошлый раз.

Кессик сделал ещё один шаг вперёд и остановился. Перн напрягся, держа правую руку

на рукояти меча, а левую на ножнах. Клинок показался на дюйм.

— Скажи ему это, хаарин Перн Сузку. Скажи ему, что если он будет уважать моё требование, то, быть может, даже переживёт этот, — Кессик широко развёл руки, указывая на город, — хаос, который он создал.

Впервые Перн почувствовал в ауре Кессика что-то кроме опасности и контроля — он почувствовал отчаяние.

— Он не слушает, — сказал Перн.

Кессик повернулся и снова скрылся в тени.

Она была прекраснее всего, что когда-либо видел Джейкоб. Его сердце быстро застучало при её виде, и он ощущал каждый удар. Она бросилась к нему, и они обнялись. Она плакала ему в плечо от облегчения, что он не умер, и покрывала поцелуями каждый дюйм его лица.

Сара лежала на полу с бездонной любовью в глазах, вся в крови, и шептала Джейкобу: "Прошу".

Они занимались любовью прямо у двери их дома, а потом снова в их спальне. Потом Джейкоб смотрел, как она дремлет, и каждый изгиб и поворот её лица вытравился в его памяти. Он помнил каждую веснушку, каждую прядь волос, и даже как её губы приоткрылись во сне, испустив лёгкий выдох идеального удовольствия.

Проснувшись, Сара взяла свою флейту. Ей всегда нравилось играть, и больше всего — для Джейкоба. Когда она выдула первую ноту, он почувствовал внутри, как что-то тянет — что-то, чего он не мог объяснить; то, с чем он сражался каждой частичкой своей воли. Сара продолжала, ничего не замечая, а тянущее чувство стало мучительным, стало непреодолимой тягой, с которой он не мог сражаться. Даже когда она сообразила, что что-то не так и остановилась, было уже слишком поздно. Музыка уже играла у него в голове.

Сара лежала на полу с бездонной любовью в глазах, вся в крови, и шептала Джейкобу: "Прошу". Его руки, окрашенные кровью, лежали на её шее и медленно сжимались. Он смотрел, как свет медленно угасает в её глазах.

Той ночью внутри Джейкоба что-то сломалось. Что-то, чего он не мог исправить, что-то, чего он не хотел исправлять. Пока он был разрушен, ему не приходилось признавать то, что он натворил.

И холод этого не изменил. Окоченения для Джейкоба не существовало. Он чувствовал каждый градус холода. Он был вокруг него, внутри него, и Джейкоб не чувствовал ничего, кроме холода. Дух по-прежнему оборачивался вокруг его тела, шипел и урчал. Голодные глаза умоляли его присоединиться к нему в его вечных муках.

Правая рука Джейкоба ожила, сжала в ладони лицо существа и начала толкать. Оно цеплялось, царапалось и скреблось, пытаясь причинить любой урон. Но дух был созданием ереси, а защита веры Джейкоба слишком сильна. Он согнул пальцы, и дух завыл, как раз перед тем, как его череп сжался в руке Джейкоба. Тело духа растворилось в тумане и исчезло.

Подняв глаза, Джейкоб увидел их вокруг. Он насчитал восемнадцать жалких, несчастных созданий. Они окружили его, плавали в тумане, шипя, завывая и умоляя. А потом они, как один, просто растворились в тумане. Даже бездушные мертвецы знают, когда они побеждены.

Джейкоб содрогнулся. Он до сих пор чувствовал холод, но тот уходил, по мере того, как тепло возвращалось в его конечности. Он сосредоточился на слабом силуэте на горизонте и пошёл.

— Проклятые чужаки, — сказал старик, сидевший на табуретке. — Вечно им надо в мою смену припереться. Только и знают, что делать мою жизнь тяжелее.

Джейкоб пристально посмотрел на старика, но тот лишь фыркнул и подбросил очередную веточку в маленький костерок у своих ног. Над огнём висел чугунный чайник, из носика которого поднималась струйка пара. Джейкоб смотрел, как старик натянул перчатку, взял чайник и налил бурой жидкости в оловянную кружку. Затем протянул кружку Джейкобу.

Взяв кружку, он понюхал жидкость.

— Смесь чая. Пиво. Спиртное.

Старик фыркнул от смеха и покачал головой.

— Чёртовы туристы.

Джейкоб сделал глоток и наслаждался жгучим ощущением на языке. Жар был даже лучшим ощущением, чем холод, и он резко сфокусировал разум Джейкоба.

— Как вы здесь живёте? — спросил он старика. — Здесь же нет цвета. — Возможно, дело было во встрече с духами, или в удивительной доброте старика, но Джейкоб чувствовал себя куда более здравомыслящим, чем за долгое время.

— Ага. Так и есть, — печально сказал старик. — Тут в основном всё серое. Зато прятаться легче.

— Да. Пожалуй, что так.

Старик осмотрел Джейкоба сверху донизу. Прищурился, словно по-настоящему увидел его впервые.

— Что-то говорит мне, что вы здесь не для того, чтобы спрятаться.

Джейкоб покачал головой.

— Я кое-кого ищу. Мужчину. Он высокий, лысый или почти лысый, с ожогом на лице и повязкой на левом глазу.

— Чёрный Шип? — спросил старик.

— Да. Вы его видели.

Старик медленно кивнул.

— Он проходил здесь не больше десяти дней назад. Поднял немалый переполох, пока был здесь, но по крайней мере не сжёг город дотла. Слышал я, есть у него такая привычка.

— Он всё ещё здесь? — спросил Джейкоб, и нотка возбуждения прокралась в его голос.

— Он и его команда поговорили с управляющим. А потом они все собрались и уехали. Взяли с собой управляющего, его жену и пару десятков солдат.

Джейкоб допил чай и передал кружку старику. Его озадачило, что он не слышал музыки. Не слышал уже с тех пор, как вошёл в этот туман. Ни цвета, ни музыки. Темь была поистине унылым местом. Это место, скорее всего, свело бы Джейкоба с ума, если бы он здесь остался.

— Вы знаете, куда они направились? — спросил он.

Старик некоторое время изучал Джейкоба, его взгляд задержался на плаще.

— Слышал, они направились в Чад через Порт Милости на юге.

Джейкоб улыбнулся и поблагодарил старика.

— Вы арбитр?

Джейкоб покачал головой.

— Я тамплиер.

Сузку

— Что это? — спросил Перн, поворачивая в руке зелёный драгоценный камушек и внимательно его осматривая.

— Знаешь, я и сам-то не особо в курсе, — ответил Шустрый. — Кессик давно дал мне

три таких. Они светятся возле людей. Ну, возле некоторых.

Лиси фыркнула.

— Светящиеся камни стоят монету или две. Грю те, продай их, да и всё. — Лиси с каждым днём становилась для Шустрого всё полезней и полезней. Нынче уже редко он выпускал её из вида.

— Тя вроде не спрашивали, а? — Заметил Шустрый. — Монет у меня нынче дохрена. Представь себе, с этими камушками можно доставать этому хуиле, Кессику, то, чё ему нужно.

Перн доставил Шустрому сообщение Кессика, как тот и просил, и сначала реакция Шустрого была предсказуемой. Он ругался и обещал убить Кессика самым мучительным способом, в котором фигурировали огонь, куча жуков-скарабеев и яйца бывшего арбитра. Потом Шустрый передумал. Война в Чаде начинала складываться в его пользу, с учётом количества наёмников, которых он привозил, чтобы разобраться с пиратами Дрейка. Но Шустрый знал, что Кессик тоже не беспомощный, и он сказал себе, что только глупец сражается на два фронта. Возможно, это была самая умная вещь из тех, что слышал Перн от своего клиента.

Перн поднял камень перед собой. Тот был тусклого нефритового цвета. Перн не видел в нём никакого света и никаких дефектов. Несмотря на долгое время в его руке, камень оставался холодным и не согревался от тепла тела.

— Симпатичная хреновина, — сказал Шустрый, зевнув. — Кессик чё-т грил о его способности обнаруживать потенциал. Из того, чё я понял, эт как-то связано с магией. Есть у тя потенциал — сможешь научиться кидать заклятья или ещё какую херню. Вот, дай-ка сюда.

Перн отдал маленький камень Шустрому, и немедленно отметил разницу. Камень засиял — тусклый внутренний свет исходил из него, подсвечивая дефекты драгоценности.

— Подумать только, — продолжал Шустрый, отодвигая камень от себя и снова придвигая, заставляя сиять то сильнее, то слабее. — Видать, в семействе Х'остов был откуда-то этот потенциал. Папашка мой передал его дальше, своим детям, и мне тоже. Думаю, из-за этого их и убили, или по крайней мере забрали.

— Остальных членов семьи Х'остов? — спросил Перн. — Настоящих чистокровных членов? Я думал, это вы их всех убили.

Шустрый кивнул.

— Ага. Похоже, большинство так и думает, и чёрт меня раздери, если я буду это отрицать. По-моему, у всех Х'остов был этот потенциал, а Кессик забрал их и использует для той хуеты, которой он там занимается.

— Но не вас.

— Я ему полезнее живым. К тому времени, как он на меня вышел, я был уже в совете, и мог легко найти ему людей с потенциалом. Он подкинул мне деньжат, дохрена бабла на самом деле, и три этих камня, и сказал мне отыскать людей, которые заставят их светиться.

— Он прекрасен, — сказала Лиси, широкими глазами уставившись на сияющий камень.

Шустрый рассмеялся и бросил ей камень.

— Покажи бабе чё-нть красивое, и... — Он умолк, увидев реакцию. Лиси схватила камень правой рукой, и тот засиял яростным внутренним светом тёплого зелёного оттенка с лучами белого, вырывавшимися в трещинки внутри камня.

Все в комнате умолкли, все кроме Лиси.

— Он такой красивый. И тёплый, почти горячий.

— Хм, — проворчал Шустрый. — Взять её.

Первыми бросились охранники, которые привыкли без рассуждений следовать приказам. Лиси медленно осознавала последствия сияния камня — до неё дошло, лишь когда один стражник схватил её меч, а второй выкрутил ей руки за спину. Сияющий камень упал на деревянный пол и снова погас.

— Бросьте её к остальным, — приказал Шустрый. — Похоже, Кессик всё же получит всех нужных ему людей.

— Нет! — взвизгнула Лиси. — Ты не можешь! Шустрый! Шустренький, не делай этого! Прошу!

Охранники тащили её из кабинета Шустрого, а он отлично игнорировал её протесты. Она вырывалась и пиналась, и даже пыталась кусаться, чтобы освободиться, но Шустрый хорошо выбирал себе охрану — они были большими и в хороших доспехах.

— Пожалуйста, Шустрый, не отдавай меня е...

Тяжёлая деревянная дверь захлопнулась, и Перн не услышал последнюю мольбу Лиси. Со своей стороны Шустрый, казалось, и вовсе не беспокоился о том, что сдал одного из самых своих опытных капитанов. Перн порадовался, что от его прикосновения камень не засветился.

Шустрый спокойно пересёк комнату, поднял с пола упавший камень и снова полюбовался на слабый свет. Он фыркнул, вытащил из кармана маленькую бронзовую клетку, сунул камень внутрь, захлопнул дверцу клетки и бросил её Перну.

— Храни его у себя. Никогда не знаешь, когда пригодится. Может, однажды он поможет тебе спасти мою жизнь.

Перн схватил камень в клетке и снова посмотрел на него. В его руках это был просто тусклый нефрит. У клетки была небольшая цепочка, за которую он повесил её себе на пояс. Когда он снова поднял глаза, Шустрый наливал себе выпить. В последнее время клиент Перна начал пить вино. Он предпочитал насыщенное красное таких марок, которые, как понял Перн, были редкими и дорогими, хотя Шустрый и заявлял, что не отличит дорогое вино от дешёвого. Как всегда он предложил бокал Перну, но хаарин отказался. Вино касалось его губ, лишь когда он пробовал каждую бутылку, чтобы убедиться, что оно не отравленное. Вкус ему всё равно не нравился, на его взгляд все вина были похожи на яд.

Шустрый уселся на край стола и хлебнул вина, поморщился от вкуса и продолжил тереть виски. Перн стоял рядом, наблюдая за каждым уголком комнаты, ожидая опасностей.

— Сколько их уже? — спросил Шустрый Хаарина.

Перн взял записную книгу с именами. Сам Шустрый никогда не брал её, поскольку это могло продемонстрировать его неграмотность. Перн просмотрел список, взял перо, добавил Лиси в конец. Жаль, женщина ему на самом деле нравилась — она была храброй и уверенной, с хорошим чувством юмора, которое, впрочем, часто ускользало от Перна, но иногда его смешило. Он будет скучать по ней, но тут уж ничего не поделаешь. Он был хаарином, и не его дело оспаривать решения клиента.

— Пятнадцать в этой партии, — он терпеть не мог говорить о людях, как о товарах, но Шустрый терпеть не мог относиться к ним как к людям.

— Сколько всего? — спросил Шустрый.

— Восемьдесят восемь.

Шустрый кивнул.

— Похоже, небольшая армия.

Перн нахмурился и покачал головой.

— Восемьдесят восемь человек — этого мало для армии.

— Сомневаюсь, что они останутся людьми, после того, как этот хуила ими займётся.

Прежде, чем Перн смог задать вопрос, что Шустрый имел в виду, раздался громкий стук в дверь. Увидев кивок клиента, Перн подошёл к ней и раскрыл. По ту сторону стоял один из наёмников Шустрого, держа в руках маленький деревянный ящик, не больше фута в длину и в высоту. Сверху был прикреплен белый конверт. Наёмник, державший ящик, с отвращением зажимал нос.

Принимая ящик, Перн немедленно отметил запах. Сейчас он уже отлично знал этот запах. Определённо, гниющая плоть. Он донёс ящик до стола Шустрого, и клиент взглянул на него.

— Наверно, очередная голова. Надо бы сохранять их — собрал бы уже большую коллекцию. Что в письме?

Перн оторвал конверт от ящика и открыл. Внутри была записка и железный ключ.

— Ящик заперт, — сказал Шустрый, тыкая в него пальцем.

Перн взял ключ из конверта; он не позволил бы открыть ящик клиенту, на тот случай, если внутри что-либо опасное. Затем он громко прочёл:

Моему дорогому Шустрому,

Я не могу жить дальше.

Вот до чего довела меня твоя война с чудесным, прекрасным, лихим капитаном Дрейком Моррассом.

Прошу, прошу, прошу, не доставляй ему больше никаких неприятностей.

Мне бы так не хотелось, чтобы с кем-то ещё приключилась какая-нибудь беда.

— Хм... — начал Шустрый. — Похоже, нам надо открыть и посмотреть, кто внутри.

Перн взял ключ и вставил в маленькую скважину, потом открыл крышку ящика и заглянул внутрь. Он увидел голову — старую, гниющую — и больше ничего. Медленно он повернул ящик, чтобы показать Шустрому.

Долгое время Шустрый таращился в ящик, ничего не говоря. Словно молчание было не достаточно зловещим, Перн видел, как аура клиента меняется прямо на глазах. Красный — цвет гнева, и аура Шустрого становилась ярко, огненно-алой.

С бессмысленным яростным криком Шустрый схватил со стола свой бокал и швырнул в дальнюю стену. Стакан разбился, и красная жидкость закапала на пол. Перн шагнул назад, поскольку ярость его клиента не утихала. Шустрый поднял стул и трижды ударил им по столу. Всякий раз ящик подпрыгивал, и наконец опрокинулся, а гниющая голова свалилась на пол.

Шустрый стоял, тяжело дыша от напряжения, остатки стула позабыто висели в его руках.

Дверь кабинета распахнулась, и три самых надёжных охранника вбежали внутрь, с оружием в руках и готовые к действию. Перн поднял руку, останавливая их, но клиент уже в гневе обернулся к троице.

— **ВЫМЕТАЙТЕСЬ НАХУЙ!** — заорал он, и его охранники, зная, что будет, если не подчиниться хозяину, немедленно попятились назад. — Найдите мне этого ублюдка Дрейка

Моррасса. Найдите и приведите мне живым!

Охранники покорно кивнули и вышли из комнаты. Приказ был бессмысленным — они уже месяцами безрезультатно искали капитана. Только недавно его видели на улицах Сарта, и вот он уже снова исчез без следа.

Перн посмотрел вниз, на голову, лежащую на полу. Это была женщина, в этом он не сомневался. Волосы тёмные, много седых прядей, но сейчас большая часть из них свалелась и покрылась засохшей кровью. Глаз не было, и полосы крови шли от пустых глазниц — видимо, это было сделано ещё до смерти женщины. Перн подумал, что это весьма болезненный способ умереть.

Взглянув опять на клиента, Перн отметил, что аура Шустрого снова изменилась. Гнев не утих, но теперь он смешивался с чем-то ещё. Перн и не думал, что такое возможно, но его клиент казался сильно опечаленным.

— Кем она была? — спросил Перн, игнорируя враждебный взгляд, который бросил на него Шустрый.

— Мамаша моя, — сказал Шустрый заплетаящимся языком, словно пытался сдержать слёзы. — Танда. Владела борделем в Биттерспрингсе. Убью этого ублюдка. Нелегко ей было зарабатывать на жизнь, когда вокруг бегал такой мелкий говнюк, как я, но она справилась. — Шустрый уставился на голову матери. — Научила меня всему, что знаю. Как говорить, как вести себя, как драться. Думаешь, я хорошо обращаюсь с ножом? Она была лучше. Видел, как она с сотни шагов попала в муху с одного броска. Чёрт, единственная достойная женщина из всех, что я встречал.

Перн поднял голову за волосы, положил обратно в деревянный ящик и закрыл крышку. Отчего-то он сомневался, что клиент к ней когда-нибудь прикоснётся.

— У ты мамаша-то есть, Сузку? — спросил Шустрый.

— Я хаарин.

Шустрый вздохнул и покачал головой.

— Какого хуя эт ваще значит?

Перн помедлил, не зная, сколько можно разглашать.

— У нас есть матери. У всех есть матери. Но мы их не знаем. Тех, кому суждено стать хааринами, отлучают от родителей до того, как они сформируют... узы привязанности. Потому что хаарин служит клану и служит клиенту. Больше ничего нет.

— Ясно, — сказал Шустрый. — Тебя волнует только клан и клиент, и ничего больше. Так чё случится, если кто-нть пришлёт те мою голову в ящике?

— Я должен буду лишиться себя жизни, — немедленно ответил Перн.

— Чё?

— Такой договор мы заключаем, как только клан принимает оплату. На этот счёт наш кодекс очень строг. Если хаарину не удаётся защитить своего клиента при жизни, он должен прервать свою жизнь и вечно защищать клиента после смерти. Но это редко требуется. Скорее хаарин отдаст свою жизнь, защищая клиента, и тогда его душа свободно вернётся к клану и родится заново в следующем поколении хааринов.

Шустрый втянул воздух через зубы и сплюнул.

— Ебануться чудные у вас понятия. Там, откуда я, мы знаем наших матерей, и если какой-то ублюдок их убивает... Мы в ответ убиваем нахуй этого ублюдка. Возмездие, да.

Перн снова посмотрел на клиента. Бессмысленная ярость, может, и ушла, но гнев и ненависть остались. Аура Шустрого кипела глубоким красным цветом. Цветом крови.

— Ты им доверяешь? — спросил Мослак.

Бетрим пожал плечами. Он стоял, прислонившись к поручню, глядя на Радужную бухту, и смотрел, как порт Чада становится всё больше с каждой минутой. В прошлый раз, как он тут был, Шип отплывал в Сарт с арбитром Танкуилом и Джеззет Вель'юрн. Те двое уже мертвы, убиты из-за его неудачи, из-за того, что он был чертовски сильно пьян и не смог прикончить Кессика, когда у него был шанс. Некоторые ошибки нужно исправлять.

— Хрен знает, — сказал Бетрим гиганту. Приятно было, что Мослак вернулся — здоровяк всегда был его другом. Когда не убивал людей, он был нежным, словно лёгкий бриз. — Тяжёлую Руку я давно знаю — у него есть кодекс чести, или чё-т типа того. Вряд ли в этот кодекс входит предательство.

— А чё насчёт мелкого?

— Эт его брат, — Бетрим сплюнул за борт. — У Шести Городов есть репутация, точняк, но он идёт за Тяжёлой Рукой, и в таком положении он мужик что надо. Думаю, нам такие сгодятся. А чё насчёт Бет?

Мослак рассмеялся, и Бетрим помимо своей воли к нему присоединился.

— Ну, можно сказать, она тя никогда не полюбит, Шип. И вряд ли те есть кого в этом винить, кроме себя.

Бетрим глянул на гиганта.

— Помнится, у тя была та же проблема.

— Ага, тока я-то с ней разобрался, когда на ней женился, — ответил Мослак с ухмылкой. — Всё нормально с ней будет, она со мной до конца. А чё насчёт твоего чистокровного дружка?

— Он странноватый, но вроде верный. С учётом...

— Он Брекович, — перебил Мослак.

— Семейку не выбираешь. И поглядел я на них — они уж точно его не выбирали. Они его убить пытались, и меня с Генри в придачу.

Мослак проворчал:

— План какой?

— Найти Шустрога. Резать его, пока не сдохнет.

Гигант рассмеялся.

— Ага. Ну, эт для начала. Но придётся поработать. Помнится, Шустрый — хитрый мелкий ублюдок. Неохота встретиться с ним, когда у него в руках лук... или нож. Лучше всего было б прибить его во сне, но сам знаешь, кто с такой работёнкой справлялся лучше всех...

— Шустрый, — закончил Бетрим за гиганта, фыркнул и покачал головой. — К тому ж Генри, наверно, хочет прикончить его не во сне. Чтоб смотреть, как он подыхает. И, думаю, не откажу ей в этом, с учётом того, что он... — Бетрим замолк.

— Выпытал имя и оставил её умирать, — сказал Мослак. — Эт всё?

Бетрим не стал говорить Мослаку всей правды. Не его делом было рассказывать такое. Он ничего не сказал и смотрел на порт. Похоже, кораблей здесь было меньше, чем раньше.

На самом деле Бетрим провёл немало времени в Чаде и в его окрестностях, и порт всегда был самой многолюдной частью города. Щетинился мачтами, разрывался от кораблей и был шумным от людей и дел. С такого расстояния порт ещё было плохо видно, или слышно, но в одном Шип был уверен — чего-то не хватало.

Глянув пристальнее, он увидел и ещё кое-что — чёрный дым, клубами поднимавшийся над городом, тёмные пятна на фоне сапфирового неба. Даже пока Бетрим смотрел, один из кораблей в порту загорелся — яркое оранжевое пламя быстро охватило палубу и взвилось по мачте. Паруса запылали. С такого расстояния зрелище было внушительным.

— Кэп, — крикнул моряк с верхушки мачты. Бетрим припоминал, что она называлась "вороньим гнездом". — Чё-т творится. В доках.

Капитан, пожилой мужчина, у которого волосы на подбородке были более седыми, чем на голове, дохромал до носа корабля и встал возле Бетрима. Он взял с пояса небольшое цилиндрическое устройство и приложил к правому глазу. Бетрим глянул на Мослака, который отступил назад.

Тогда он решил, что стоит заговорить:

— Хм, капитан...

— Тихо! — отрезал капитан, не опуская устройства. — У меня нет времени на болтовню с мерзкими сухопутными обезьянами.

— Ну...

— Проклятье! — закричал капитан. — Спустить паруса! Сбавить скорость! Эти сволочи жгут корабли. Живо! А то я утоплю вас, как собак!

— Капитан, — снова начал Бетрим.

— Повернуть направо. Я хочу быть готов сбежать.

Корабль неожиданно накренился вправо, и Бетрим едва не упал — да и упал бы, если б Мослак не положил большую руку ему на плечо, чтобы поддержать. Корабль поворачивался, и Чад начал уходить влево.

— Ты не мог бы рассказать, чё тут творится? — спросил Бетрим капитана. — Нахрена они жгут корабли в порту?

— А ты не знаешь? Я-то думал, ты поэтому сюда и собрался после того, что случилось в Солантисе.

— Ты об этом слышал? — спросил Бетрим.

Капитан вздохнул.

— Парень, все слышали о Солантисе. В Городе Наёмников уже не осталось ни одного наёмника. Смертный приговор каждому, кто ступит за городские стены. Уж несколько месяцев наёмники вроде тебя стекаются в Чад.

— Почему?

— Потому что двое из правящего совета этого города начали рвать друг друга на куски, и теперь нанимают любого, кто согласится, — со вздохом сказал капитан.

Бетрим посмотрел на Мослака, и здоровяк снова лишь пожал плечами. Он глянул на палубу, куда только что вышли Генри с Андерсом, которые теперь направлялись на нос корабля. Андерс остановился, указывая на доки и на горящее судно. Джоан и Бен уже стояли у поручня и смотрели.

— Чё происходит? — спросила Генри.

Капитан тихо зарычал.

— Скажи своим людям, чтоб убирались под палубу. Не хватало ещё, чтоб кучка

головорезов-землелюбков путалась под ногами моих честных матросов.

— Корабль! — крикнул моряк с верхушки мачты.

— Где? — крикнул в ответ капитан.

— За кормой.

Капитан захромал по баку, проворно спрыгнул вниз на квартердек и быстро поднялся по лестнице на палубу юта. Несмотря на недовольные взгляды капитана, Бетрим последовал за ним. На корме тот снова вытащил своё устройство и уставился в него.

Генри подошла к Бетриму и пихнула, давая знать, что она рядом. Он пожал плечами и подождал, пока капитан заговорит.

— Флагов не вижу, — крикнул капитан.

— А их и нет, кэп, — крикнул в ответ моряк в вороньем гнезде.

Долгое время капитан стоял без движения и таращился в своё устройство, то всасывая через зубы воздух, то цокая языком. Наконец он, видимо, принял решение, подошёл к штурвалу и взял управление на себя, отодвинув матроса.

— Поднять паруса. Увеличим скорость. Посмотрим, за нами этот корабль, или в порт, — крикнул капитан команде, и моряки начали носиться по палубам и лазить по снастям. Бетрим изумлённо наблюдал, как из того, что выглядело ленивым хаосом, проявляются явные признаки организации.

— Мы помочь можем? — спросила Генри.

Капитан сердито посмотрел на неё, а потом сказал Бетриму.

— Не путайтесь под ногами... но будьте готовы.

— Готовы к чему? — спросил Бетрим. Капитан не ответил.

Корабль снова начал двигаться, медленно наращивая скорость, скользя по спокойной воде. Долгое время мучительное ожидание было просто невыносимым для Бетрима. Хорошо было бы знать, что с ними ничего не случится; плохо было бы знать, что придётся драться — но знать что угодно куда лучше, чем просто стоять и ждать. Капитан уже не пытался их прогнать, но и говорить тоже не собирался. По правде говоря, уже вся ситуация заставляла Бетрима сильно нервничать, и у него начиналось то тревожное чувство, которое появляется, когда всё вот-вот превратится в сраную бурю.

— Кэп, они за нами. Подняли паруса и ускоряются.

— Чёрт, — капитан крутанул штурвал, и корабль снова накренился вправо. На этот раз Бетрим был готов, и сам устоял на ногах. В отличие от Генри, которая споткнулась и чуть не плюхнулась на задницу. Злобный взгляд, который она бросила в капитана, как только очухалась, напугал бы его и заставил бы извиняться, если бы он только обращал на неё внимание. Вместо этого он кричал на свою команду, смешивая приказы с оскорблениями — Бетрим не понимал ни того ни другого, но матросы явно понимали. То, что сначала было хаосом, а потом организацией, превратилось в организованный хаос, когда матросы удвоили свою скорость. Некоторые взбирались по снастям, как пауки по стене, другие тянули верёвки или исчезали в люках.

— Все на палубу! — взревел капитан и быстро глянул на Бетрима. — Собери своих на квартердеке. Мы убегаем, но если они догонят, то будет драка, и суровая.

— Пираты? — спросил Бетрим.

— Скорее всего. Хотя никогда не слышал о нападениях на корабли так близко к Чаду. Плохо для дела. Спускайтесь на палубу и не путайтесь под ногами у команды.

Бетрим кивнул Генри, чтобы подчинилась приказам капитана, и та спрыгнула на

квартирдек. Бетрим остался возле штурвала, возле капитана.

— Пожалуй, побуду пока здесь, — сказал он. — Если нас возьмут на abordаж, то, может, и пригожусь.

— Ха! — засмеялся капитан. — Это будет не первый мой бой, парень. — Он отвернулся от Бетрима и снова закричал своей команде. — Оружие на палубу! Каждому — саблю, и луки тем, кто умеет ими пользоваться.

Если Бетрим думал, что ожидание это плохо, то погоня была ещё хуже. Оба корабля скользили по воде, порт Чада оставался с левой стороны, хотя капитан настаивал, что "по левому борту". Судно позади становилось всё больше и больше, приближалось всё ближе и ближе, а капитан становился всё напряжённее и встревоженнее. Его крики содержали всё меньше приказов и всё больше оскорблений. Охотников Джоана и солдат Мослака подняли и собрали на палубе, где те и стояли, обмениваясь нервными шутками и бесполезно теребя оружие. По правде говоря, хотя их было всего лишь тридцать человек, а моряков вдвое больше, но именно они будут играть главную роль, если пираты их догонят.

Минуты тянулись и тянулись, и пиратский корабль по-прежнему приближался. Даже капитан начал выглядеть нервно.

— Мы можем от них оторваться? — спросил наконец Бетрим, боясь, что уже знает ответ.

— Он больше нашего, и осадка ниже. Мы могли бы подойти к берегу, куда они зайти не смогут, но... — Капитан вздохнул и бросил на Бетрима выразительный взгляд, который ясно говорил, в каком они пиздеце.

— А чё с Чадом? В док они за нами не пойдут, — с надеждой спросил он.

Капитан тревожно глянул на Бетрима.

— Парень, там корабли жгут. Уж лучше с пиратами попытать счастья, чем с огнём. Уже пару поколений этот корабль с моей семьёй. Не собираюсь его потерять только оттого, что какой-то ебанутый правитель Чада думает, будто палить корабли хорошо для бизнеса. Ты прости, коль для тебя и твоей команды всё усложнилось, но я капитан корабля, и раз уж вы на нём, то моё слово закон, и если я говорю сражаться, мы все сражаемся.

Бетрим поворчал.

— Кэп, — крикнул моряк в вороньем гнезде. — Эт Фортуна.

Капитан ругнулся и оставил штурвал ближайшему матросу, а сам пошёл на корму и снова посмотрел в своё устройство. Бетрим присоединился к нему. С этого расстояния он мог уже различить фигуры на корабле преследователей, хотя, по правде говоря, выглядели они просто как тёмные движущиеся тени. У Фортуны был тёмный корпус, почти чёрный, который прорывался сквозь волны мощными скачками.

С очередным проклятием капитан убрал свой зрительный прибор и несколько минут ходил по палубе, бормоча себе под нос. Бетрим решил, что лучше помолчать, хотя все нервы кричали ему сделать хоть что-то.

— Спустить паруса, — взревел капитан, снова направляясь к штурвалу. — Спустить якорь и сложить оружие.

— Какого чёрта... — начал Бетрим.

— Мы сдаёмся. Позволим им нагнать нас, — сказал капитан, напирая на Бетрима. — Нам не сбежать от Фортуны, и уж точно нам её не победить.

— Думаю, ты недооцениваешь мою команду, — уверенно сказал Бетрим.

— Хочешь драться? Валяй, попробуй, только моя команда будет сидеть на жопах, и ни

во что не влезет. Если мы сдадимся и не заставим их сильно поработать, то они, быть может, просто заберут груз и отпустят нас. Начнём драться, и они покажут, как мы ошибались.

Бетрим зарычал, но признал, что возможно капитан прав. Так что он присоединился к остальным на квартердеке.

— Оружие убрать. На этот раз мы не сражаемся, — приказал он.

— Хм, босс... — начал Андерс, но его перебил Джоан.

— Шип, я не отправлюсь молча в водную могилу, — сказал Джоан. — Не такой смерти я хочу.

Бетрим покачал головой.

— Капитан считает, что если мы просто сдадим груз, пираты нас отпустят. И ещё кричит — начнём сражаться, останемся сами по себе. Мне такие шансы не нравятся, Джоан. Тридцать против... как думаешь, сколько народу влезет на корабль такого размера?

— Много, — сказал Бен Шесть Городов.

Джоан поворчал, но согласился и приказал своим охотникам за головами не доставать оружие, а Мослак приказал то же своим людям. С Генри было намного сложнее, но наконец Бетриму удалось убедить её, что лучше сдаться и жить, чтобы после сражаться. Они были так близко к Чаду, и всё же так далеко.

Пираты явились во множестве. Пиратский корабль подошёл рядом и на воду спустили ялики. Самые храбрые пираты перепрыгнули на верёвках, привязанных к мачтам, но никакого сопротивления не встретили. Моряки собрались на палубе юта и не двигались, а капитан присоединился к Бетриму с остальными на квартердеке и всё шипел Бетриму, чтобы тот держал своих людей под контролем.

Пираты окружили их, размахивая острыми саблями и отчаянно вопя. Казалось, им хочется втянуть команду в драку, но Бетрим молчал и вёл себя спокойно. Некоторые пираты исчезли под палубой, несомненно, проверяя груз и личные вещи на предмет каких-либо ценностей.

— Чё эт тут у нас? — спросил лысый мужчина со сложной татуировкой в форме змеи, извивавшейся на его шее и подбородке. — Похоже, крепкая кучка народу.

Капитан взмахом приказал Бетриму молчать и сделал шаг вперёд.

— Пассажиры, вот и всё. Наёмники на пути в Чад.

— Наёмники, да ну? — с улыбкой спросил лысый. На нём была плотная кожаная куртка, сшитая явно на человека поменьше. На поясе висел длинный изогнутый ятаган. Бетрим увидел, как из-за спины мужчины появилась толстая мохнатая сегментированная нога длиннее его предплечья и закрепилась на его плече. Потом появилась другая нога, и ещё одна, и ещё, и ещё, а потом и голова создания. Бетрим таких раньше никогда не видел — это был паук, вроде тех, что ему встречались в Диких Землях, только этот был размером с особенно толстую кошку. У него было плотное бледно-зелёное тело, два больших клыка, а над ними четыре чёрных глаза, размером почти с детский кулак, и ещё четыре глаза по бокам головы. Преуменьшением было бы сказать, что Бетрим занервничал — по правде говоря, он готов был прыгнуть за борт, чтобы убраться подальше от уродливого чудища.

Из-под палубы появился пират и подошёл, остановившись перед лысым пиратом с гигантским пауком.

— В трюмах, похоже, в основном вино и пряности, сэр. Неплохой улов.

— Всё ваше. Мы не собираемся драться, — быстро сказал капитан, слегка склонив голову.

— А наёмники? — спросил лысый пират. — Вы на какой стороне?

— Э-э... стороне? — спросил Бетрим.

Лысый пират прищурился и посмотрел так, словно собирался сказать что-то ещё, когда его прервал переполох на другой стороне палубы. Похоже, некоторые пираты докладывали другому мужчине, которого Бетрим тут же узнал.

Люди говорили, но Чёрный Шип их не слышал. Слова пролетали мимо него и тонули в волне *тук-тук-тук* стука в его голове и в физической потребности убить Кессика.

Тот непринуждённо стоял, гордо выпрямившись, с широкой улыбкой на симпатичном лице. Одна рука лежала на рукояти меча, и дюжина пиратов стояла между ним и Бетримом, но Чёрному Шипу было всё равно.

С бессмысленным яростным криком Бетрим выхватил топор и бросился вперёд. Андерс выскочил перед ним, крича что-то, чего Бетрим не слышал, поскольку стук полностью заглушал все звуки. Чёрный Шип оттолкнул пьяницу в сторону и снова бросился вперёд. Пираты выстроились между ним и Кессиком, с оружием наготове, и лысый мужик с пауком у них во главе.

Большая ладонь схватила Бетрима за руку — он попытался стряхнуть её, но Джоан держал крепко, не желая отпускать Чёрного Шипа, не желая позволить ему отомстить.

Тук, тук, тук.

И снова Бетрим крикнул Кессику:

— Ублюдок! Я убью тебя!

Левым кулаком Бетрим ударил Джоана по лицу и высвободил свою руку. Прежде чем он успел сделать шаг, две большие руки схватили его сзади и плотно стиснули. Сила Мослака была легендарной, и кому-то её бы и хватило, но Чёрный Шип был не из таких. Он выбросил назад затылок, попал Мослаку в челюсть, и здоровяк ослабил хватку и оступился.

Прежде чем он успел двинуться, рядом оказалась Генри, отталкивая его назад, и с ней был Бен Шесть Городов. Бетрим пытался сбросить их, но вернулся Джоан, крепко схватив его правую руку.

— Отвалите! — вскричал Чёрный Шип. — Ублюдок! Ты убил их! Ты забрал мой ёбаный глаз!

Тук, тук, тук.

Кессик рассмеялся.

Чёрный Шип снова взревел, пытаясь сбросить державших его, но всё было безуспешно. Потом в поле зрения вышел Мослак, и в следующий миг Бетрим увидел кулак, летевший ему в лицо.

Удар по лицу всегда неприятен, но с кулаком Мослака, это уже намного неприятнее. По правде говоря, Бетрим знал, что в сознании он остался лишь потому, что гигант сдержал свой удар. Вместо того чтобы вырубиться, Бетрим растянулся на палубе, а его команда и все остальные стояли вокруг него, не давая ему пройти мимо них.

Он снова поднялся на ноги и по-настоящему угрожающе посмотрел на друзей.

— Хули вы творите? — крикнул он. — Это Кессик. Этот ублюдок забрал мой глаз. По его вине мертвы Танкуил и Джеззет!

— Это не Кессик, босс, — сказал Андерс, выходя перед Чёрным Шипом. По правде говоря, Бетрим никогда не видел чистокровного пьянчугу таким серьёзным, даже во время его собственной казни.

— Конечно он. Я помню его. Помню его лицо. Помню, как он вырвал нахуй мой глаз.

Этот ублюдок Кессик!

Андерс озабоченно покачал головой.

— Это не Кессик, босс. — Он указал на Кессика. — Это Дрейк Моррасс.

— Скажите ему, чтоб опустил оружие, — Бетрим узнал голос лысого пирата с пауком. — На самом деле, думаю, вам всем лучше разоружиться, да поживее.

Бетрим тяжело дышал, в голове у него стояла неразбериха, которую усиливал проклятый стук. Он уставился на чистокровного перед собой, не понимая, что происходит.

— Андерс, ты уверен?

Андерс кивнул.

— Да, босс. Это капитан Дрейк Моррасс.

Бетрим уронил топор и раздражённо вздохнул.

— Так почему он выглядит в точности как Кессик?

Генри

Генри давно прошла стадию замешательства, и теперь уже просто ни черта не понимала, хотя и не показывала этого. Она никогда не встречала ни Дрейка Моррасса, ни Кессика, но Андерс, похоже, был уверен, что симпатичный мужчина, которому подчинялись все пираты, был Моррассом. Шип не был так уверен, но по крайней мере прекратил попытки стать убитым. Пираты кишели на палубах, а перед их маленьким кораблём покачивалась на волнах Фортуна, корабль капитана Моррасса, и Генри вынуждена была признать, что это самое большое судно из всех, что она видела.

Дрейк Моррасс подошёл к Шипу поближе и теперь изучал его. Казалось, он скорее развлекается, чем на самом деле заинтересован. Лысый пират с пауком на плече тенью следовал за капитаном. Генри не нравился внешний вид этого паука, а глаза существа нервировали. Сказать по правде, ей хотелось пырнуть эту тварь, чтобы посмотреть, какого цвета у неё кровь.

— Андерс, — сказал капитан Моррасс. — Всегда приятно тебя видеть.

Андерс кивнул и опустил взгляд в палубу. Генри посмотрела на него, посмотрела на Дрейка. Эти двое знали друг друга, и ей было очень интересно, откуда.

Лысый пират махнул в сторону капитана захваченного судна.

— Капитан, этот вот кричит, что они наёмники. Вроде как не знает, на какой они стороне.

Дрейк Моррасс рассмеялся.

— Они не наёмники.

Шип ошетинился от этого голоса — Генри видела, как он напрягся. Она сделала шаг вперёд, чтобы встать рядом с ним, и Дрейк взглянул на неё. Не часто в своей жизни Генри теряла самообладание, но под взглядом этого мужчины потеряла. Понадобилась вся сила воли, чтобы не отступить назад, но ей удалось удержаться, хотя и не удалось не опустить взгляд. Похоже, один Шип желал таращиться в зелёные глаза капитана.

— Оставить корабль, — проинструктировал Дрейк пиратов. — Взять всё ценное, убить половину команды, мне всё равно какую. Этих пока оставить, под охраной, конечно. Чёрный Шип, думаю, нам с тобой надо бы присесть, поговорить. И лучше сделать это на Фортуне. Андерс, ты тоже. — С этими словами капитан Дрейк Моррасс повернулся и зашагал в

сторону своего корабля. Шип взглянул на Андерса, и они оба пошли следом за пиратским капитаном.

Этого Генри снести не могла. Годами она была второй у Босса, и если кто и был вторым в команде Чёрного Шипа, так это она, а не Андерс. Она пошла вперёд, но дородный пират, у которого зубов было меньше, чем пальцев, с ухмылкой перегородил ей путь. Генри метнула в него самый злобный свой взгляд, и ухмылка быстро сползла с его лица, но с дороги он не ушёл.

Шип остановился, оглянулся, а потом сказал громко, чтобы Дрейк Моррасс услышал.

— Куда б я ни пошёл, Генри идёт со мной.

Капитан оглянулся на неё. Генри почувствовала, как её пульс учащается, а по коже побежали мурашки. Что-то в этом мужчине заставляло её хотеть убежать и спрятаться, но она не знала, что. А потом, кивнув головой, Дрейк Моррасс отвернулся.

Между двумя кораблями была перекинута доска — двадцать футов дерева над тёмно-синей водой внизу. Капитан Моррасс непринуждённо вскочил на доску и перешёл на свой корабль. Шип последовал за ним намного медленнее, явно неуверенно ступая на дерево под ногами. На Фортуне его встретили мечи, за рукояти которых держались пираты. Следующим по доске пошёл Андерс, и выглядел при этом совершенно спокойно. Затем настала очередь Генри. Она ступила на доску и пошла вперёд, намереваясь не выказывать страха или трепета. Но её разум никак не мог отделаться от воспоминаний о том, как она висела над Йорлом, вцепившись рукой в шаткий деревянный мост, а пенные пороги внизу так и ждали её, и Джеммет Вель'юрн стояла над ней, с мечом в одной руке и судьбой Генри в другой.

Генри неровно выдохнула и пошла дальше, нацепив на лицо маску решимости. Потом доска закончилась, её ноги коснулись палубы Фортуны, а Андерс ждал её, протягивая руку. Генри оттолкнула его и устояла на пиратов, которые ухмылялись и хохотали. Лысый пират с пауком вышел вперёд, его паук издавал странные щелчки, потирая свои клыки.

— Капитан Моррасс в своей каюте, — сказал лысый пират. — Сюда.

Внутри капитанской каюты Генри никогда не была, но она уж точно не ожидала увидеть в ней роскошь. Капитан Дрейк Моррасс продемонстрировал ей, как она ошибалась. Внутри каюта была большой, просторной и украшенной всевозможным убранством. Центральное место занимал стол с множеством свитков, пергаментов и каких-то приборов, которых Генри не знала, но решила, что они служат для навигации. У ближней стены стояло несколько шкафов с закрытыми на защёлки дверцами, а у стены слева стоял книжный шкаф. Справа располагалась гигантская кровать с горой шёлковых простыней, а за ней — гардероб, занимавший целую стену. Капитан уселся за свой стол и махнул лысому пирату, чтобы тот закрыл дверь за пленниками.

— Андерс, налей нам выпить, — с тёплой улыбкой сказал Моррасс.

Андерс подошёл к шкафу, отодвинул задвижку, посмотрел на бутылки внутри, выбрал одну и принёс на стол вместе с пятью бокалами. От Генри не ускользнуло, что её мужчина, похоже, точно знал, в какой шкаф заглянуть. Андерс налил вина в бокалы и передал всем в комнате. Генри не осмеливалась глотнуть из своего — ей вся эта чёртова ситуация не нравилась. Шип со своей стороны одним махом осушил бокал и продолжал тарашиться на капитана, словно хотел его удушить.

— Скажи мне, Чёрный Шип, почему ты думаешь, что я Кессик? — спросил наконец Дрейк.

— Так ты выглядишь, как он.

— Уверяю тебя, это не так.

— Да ну? А моя память говорит, что так. Я помню Кессика. Трудно не помнить человека, который ударил тебя ножом четыре раза, а потом вырвал глаз. Вышло так, что у него было твоё лицо. Те же глаза, тот же нос, те же волосы, тот же ёбаный золотой зуб...

— Как ты выжил? — спросил Дрейк.

— Чё? — проворчал Шип в ответ.

— Он тебя четыре раза ударил ножом. Как ты выжил?

Шип зарычал, и Генри подумала, что он сейчас перепрыгнет через стол и вцепится в Моррасса.

— Арбитры меня подлатали. Вытащили с того света, только чтоб сжечь за ересь. Очень мило с их стороны.

— Легко ли было сбежать? — продолжил Дрейк задавать вопросы.

Генри заметила, как Шип потёр обрубок среднего пальца на левой руке. Она достаточно давно его знала, чтобы понимать: он нервничает.

— Пришлось убить арбитра, седьмого. — Шип помедлил. — Думается мне, он был слегка староват и слаб.

— И больше никаких стражников? — спросил пиратский капитан.

Шип втянул воздух через зубы и покачал головой.

— Они позволили мне сбежать.

Дрейк кивнул.

— И каким-то образом они заставили тебя думать, что я Кессик.

Шип выглядел озадаченным. Генри чувствовала себя озадаченной. По правде говоря, она ни черта не понимала, о чём идёт речь, но была чертовски уверена, что не собирается этого показывать. Она обернулась и посмотрела назад. Лысый пират подмигнул ей, паук исчез с его плеча. От знания, что эта тварь где-то рядом, кожа Генри начала чесаться.

— Зачем? — спросил Шип. — Бессмыслица какая-то.

— Кессик хочет моей смерти, — сказал Дрейк Моррасс, пожав плечами. — Меня он, может, и смог бы убить, но... сомневаюсь, что он пережил бы встречу с моей рассерженной командой.

— Эт, блядь, точно, — сказал лысый пират.

— И к тому же, — продолжил Дрейк, — он не из тех, кто любит пачкать руки. Он предпочитает манипулировать другими.

Лысый пират за спиной Генри хихикнул. Она боролась с желанием пырнуть его чем-нибудь.

— Так, по-твоему, — продолжал Шип, — Кессик оставил меня в живых, и как-то заставил меня думать, что ты это он, а потом освободил меня, надеясь, что я приду за тобой?

Моррасс кивнул.

— А кто лучше Чёрного Шипа подойдёт для такой задачи? Хорошо известно, что ты не склонен оставлять в живых тех, кто причинил тебе вред, а если ты и потерпишь неудачу, Кессик ничего не теряет.

Генри посмотрела на Шипа, потом на Моррасса, а потом снова на Шипа. Наконец, Шип кивнул, и, осмотрев каюту, прислонился к ближайшей стене. Она посмотрела на Андерса — тот смотрел в пол и молчал, как могила. Для него совершенно необычно было молчать так долго — они с пиратским капитаном знали друг друга, в этом Генри теперь была уверена.

— Зачем ты здесь, Чёрный Шип? — спросил Моррасс. Шип с виду не собирался

отвечать — по правде говоря, он, казалось, вообще не слышал.

— Пришить этого чистокровного ублюдка, Шустрого, — ответила Генри за Шипа, вложив в имя столько яда, сколько могла.

Генри услышала сонный вздох, повернула голову и увидела, как зашевелились простыни на кровати Моррасса. Из-под шелков появилась женщина с полночно-чёрными волосами и громко зевнула, потягивая руки. Покровы упали, открыв пару острых розовых грудей. Генри стиснула зубы и сердито уставилась на неё.

Женщина была красивой, это уж точно, как раз такой, каких мужчины находят привлекательными. Андерс уж точно находил — он пялился на женщину с той же ухмылкой, с какой раньше смотрел на Генри. Она яростно ударила его по руке.

— Хм. Я просто... хм, — начал Андерс, но сдался и налил себе ещё.

Женщина вылезла из-под простыней, скатилась с кровати, пошла, абсолютно обнажённая, к Дрейку, и медленно его поцеловала.

— Сегодня никакой одежды? — игриво спросил Дрейк. Генри не понимала, как эта женщина могла выносить его взгляд, его прикосновения.

— Я думала, что нравлюсь тебе больше без одежды, — дразняще ответила женщина.

— Так и есть, — сказал Дрейк, и махнул рукой на остальную комнату. — Но у нас гости.

— Думаю, что и им я больше нравлюсь без одежды, — она посмотрела на Генри с улыбкой, которая показалась ей очень знакомой. — Ну, большинству из них. Тут кто-то упоминал моего братца?

— Роза? — спросил Шип со своего места у стены.

Женщина выпрямилась, покосилась на Шипа, а потом расплылась в широкой улыбке.

— Чёрный Шип? Ты ли это? Помню, у тебя было больше глаз.

И снова Генри услышала, как позади неё усмехнулся лысый пират, к которому никто не присоединился.

— Чё ты тут делаешь, Роза? — спросил Шип. — Да ещё с ним?

Женщина надула губки.

— Биттерспрингс был таким скучным без тебя и моего братца. А Дрейк предложил мне возможности. Это было предложение, от которого я не могла... — Она завизжала, отскочила в сторону и пнула что-то. — Зофус, убери свою тварюгу от меня!

— Ты нравишься ей, вот и всё, — ответил лысый пират.

— Вчера я проснулась, а она тарасилась на меня из-под покрывала, — крикнула Роза.

— Ага, она такое любит. Да ведь, Ри? — Паучиха выбежала из-под стола, услышав своё имя, взобралась по ноге пирата и уселась на его плече.

— Если она ещё подойдёт ко мне, я покажу, как эта тварь ползучая умеет плавать. Напугала меня до чёртиков!

— Роза, почему ты здесь? — снова спросил Шип. — Чё ты с Дрейком Моррассом-то? Чё, блядь, за возможность? — Он раздражённо зарычал. — По-моему, пора кому-то рассказать мне, чё тут, нахуй, происходит.

Женщина сделала глубокий вдох и выдохнула. Генри пожелала, чтобы эта сука накинула одежду.

— Возможность убить моего братца. Или по крайней мере, получить выгоду от его убийства.

— Чё? — проворчал Шип, отталкиваясь от стены и подходя к столу. — Ты хочешь

пришить Шустрога?

До Генри внезапно дошло. Теперь она знала, почему женщина выглядела так знакомо. Что-то глубоко внутри закричало Генри найти что-нибудь острое и пырнуть сестру Шустрога, но она сдержалась.

— Конечно, — продолжила Роза с ухмылкой, так похожей на ухмылку Шустрога. — Я его наследница. Когда он умрёт, я получу всё. Все его деньги, все деньги Х'оста. Я найду им куда лучшее применение, и не стану начинать бессмысленную войну в этом говённом городишке.

— Так чё ж ты его ещё не убила? — спросила Генри. Её губа скривилась в привычной усмешке, а по коже побежали мурашки, когда Дрейк встретился с ней взглядом.

— Если бы это было так легко, малышка, то давно бы убила, — сказала Роза, подмигнув. — Никто из людей Дрейка не смог к нему подобраться, а я... сомневаюсь, что смогла бы сама убить его, и уж точно не пережила бы эту попытку.

— Но мы сможем, — закончил Шип.

Роза улыбнулась. Несомненно, большинство мужчин решило бы, что это милая улыбка, но Генри видела под ней прогнившую суть.

— Но вы сможете. — Женщина посмотрела на Генри, и её улыбка испарилась. — Убей моего брата, и все получают, что хотят.

Генри сплюнула, не думая о том, где находится и с кем.

— Я ей не доверяю, — сказала она. — И тебе ей доверять, только из-за того, что ты разок ей присунул, тоже не сто́ит.

— Сдаётся мне, — ответил Шип, — что вряд ли они хотят нашей смерти. Натравить нас на Шустрога, а потом предать — эт слишком сложный способ убийства.

Роза жеманно улыбнулась Генри.

— Вот видишь, Шип мне доверяет. А ты почему не можешь?

— Я не грил, что доверяю, — прорычал Шип в ответ. — Но прям щас думаю, что ты — наш лучший шанс добраться до ублюдка целыми и невредимыми. У тя есть план?

Роза выпятила нижнюю губу.

— Единственное, что волнует моего братца, кроме его самого, конечно, это его семья. А сейчас, после того, как с нашей матерью произошёл очень несчастный случай с участием топора и её шеи, я — единственная семья, что у него осталась. — Она улыбнулась. — Мы пошлём ему письмо, объясняющее, как меня похитили некие огромные, сильные грубияны, и что меня держат где-то в городе. Разумеется, он явится за мной лично...

— Со всей своей ёбаной армией, — заметила Генри.

— Почти наверняка, но он не станет нападать, пока моя жизнь в опасности. Сначала он попытается заплатить всё, что мы попросим, намереваясь убить вас всех после.

Генри увидела, как Шип почесал шрам на лице — похоже, он пока не согласился с планом.

— Он быстро поймёт, что что-то не так. Думаю, сразу как увидит меня, Генри или Мослака.

Роза вздохнула.

— Ну, конечно же, вы не будете высовываться, пока он не подойдёт на расстояние удара. Но потом для него и его людей, которые сражаются за него только ради денег, будет уже поздно. Когда мой брат умрёт, они пойдут за тем, кто даст больше.

Дрейк ухмыльнулся.

— То есть за мной.

Генри взглядом показала Шипу, что ей это не нравится, но он лишь пожал плечами.

— Лучше плана у меня нету.

Дрейк встал.

— Мы высадим вас на берег к востоку от Чада примерно в дне пути. Я бы предложил всем, кого можно опознать, надеть плащи и капюшоны. Роза, тебя это тоже касается.

Сестра Шустрого надула губки.

— Ладно. Найду какую-нибудь одежду.

Андерс

Чад ночью был светящимся оранжевым силуэтом. Как огромный костёр в темноте, обещающий свет, тепло и безопасность. Андерс не сомневался, что свет и тепло он действительно обещает, хотя на самом деле это как-то связано с пожарами. И он был точно уверен, что уж безопасность там можно получить в последнюю очередь.

Он знал, что в городе творится хаос. Война на улицах, наёмники сражаются с пиратами, огонь грозит поглотить всё, и хорошие люди, простые люди, которые просто с трудом зарабатывали себе на жизнь, сейчас пытаются спасти свой город. Он видел, как такие горожане сплывались из-за пожаров — шеренги людей передавали вёдра с водой к пожарам, чтобы погасить языки пламени. Мужчины с топорами пытались срубить всё деревянное, чтобы огонь не охватил дерево — лучше лишиться смертоносный пожар топлива, чем сражаться с ним, когда он в полной силе. Изредка, возможно, встречались даже бездумные герои, которые врывались в горящие дома, чтобы спасти жителей. Но чаще такой герой лишь присоединялся к мёртвым.

Дрейк Моррасс пока держал своё слово. Он спустил всех на сушу в дне пути от свободного города. Их было тридцать: Андерс, Генри и Шип, Джоан Тяжёлая Рука, Бен Шесть Городов и трое оставшихся охотников за головами, Мослак, Бет, девятнадцать их солдат, и, разумеется, Роза. Редко Андерсу доводилось видеть, чтобы женщина выглядела так красиво в обнажённом виде, но она была женщиной Дрейка, и это делало её абсолютно запретной. Не говоря уже о том, что идея рассердить Генри пугала его до чёртиков.

Шип привёл их в поле видимости стен Чада и решил, что здесь они подождут до утра. Потому что, как он сказал, люди, прибывающие в дневное время, выглядят менее подозрительно, чем заявляющиеся глухой ночью четыре человека в капюшонах в сопровождении небольшого отряда тренированных хорошо вооружённых солдат. Никто не спорил с Шипом, и вот поэтому он назывался боссом. Даже Джоан Тяжёлая Рука, который привык стоять во главе команды охотников за головами, уступил власти Чёрного Шипа.

Завтра они войдут в город, найдут удобное место для засады, и Андерс доставит письмо о выкупе в руки Шустрому. От этого он нервничал так, словно впервые участвовал в похищении с последующим выкупом. Но это было не впервые, и даже похищение было не настоящим, но снова всё делалось по указке Дрейка Моррасса. Завтра они заманят Шустрога в засаду, убьют его, и Генри отомстит наконец ублюдку, который пытал и насиловал её. Одного этого Андерсу хватало, чтобы оправдать убийство.

Генри уже стала сильно ему нравиться. Иногда она пугала его до смерти, и он отлично

знал, что она стоит на краю безумия, но кроме того в ней была ещё и яростная верность членам команды, что Андерс находил вдохновляющим. Не говоря уже о том, что эта страстная малютка не стеснялась громко выражать своё удовольствие. Возможно, он и присоединился к этой маленькой команде из-за чувства вины и неоплатного долга, но их компания уже давно начала ему нравиться, и если бы всё зависело от него, он бы с радостью с ними остался. Жаль, что всё зависело не от него.

Когда кто-то держит нож у твоего горла, пронеслось в голове Андерса, если этот кто-то новичок в таких делах, то высвободиться довольно легко. Нужно лишь толкнуть назад, хватая руку с ножом. Конечно, опытный убийца знает, что нужно держать нож у горла, а другую руку положить жертве на затылок, чтобы любая попытка движения привела к крови и... ну... смерти. Это убедило его — если, конечно, Андерсу и были нужны доказательства — в том, что Генри совершенно точно опытная убийца. Тот факт, что она подкралась к нему в абсолютной тишине, также убеждал его, что это было заранее продуманное перерезание горла, а не случайный акт насилия с её стороны.

Андерс непреднамеренно пискнул от боли, когда клинок поцеловал его кожу, и струйка крови потекла по его шее и впиталась в воротник. Он хорошо знал Генри, и знал, какие острые у неё кинжалы, и какой точной она может быть — любая капля крови совершенно наверняка пущена намеренно. Андерс ждал конца. Который никак не наступал.

— Уф... миледи... — сказал Андерс, лелея маленькую надежду, что это было что-то вроде прелюдии к сексу, а не к смерти.

— Заткнись, — прошипела она ему в ухо, и нож вонзился ещё чуточку глубже ему в шею. Андерс не мог избавиться от чувства, что Генри смертельно серьёзна в своих действиях, и он не был точно уверен, что сможет пережить следующий звук, изданный без разрешения.

Она была одна, в этом он был уверен. Остальные остались в лагере, некоторые в палатках, но большинство лежали под звёздами. Андерс специально отошёл от них на некоторое расстояние, чтобы побыть наедине с собой, и сейчас казалось, что это станет его гибелью. Конечно, следовало признать, что если бы Генри хотела убить его и посреди лагеря, то она могла бы сделать это, и никто бы и пальцем не пошевелил, чтобы её остановить. Босс, возможно, заинтересовался бы, почему это она окрашивает Дикие Земли в красный цвет кровью Андерса, но останавливать её он бы не стал. Шип полностью доверял Генри. На самом деле, насколько понимал Андерс, она была единственным человеком, кому он действительно доверял.

Генри долго держала нож у его горла и ничего не говорила. Андерс подумал, что возможно люди на часах, если бы увидели их, просто решили бы, что они сплелись в объятьях.

— Ты работаешь на Моррасса, — сердито прошептала Генри.

Андерс чуть не кивнул, но вспомнил, что такое движение, скорее всего, положит конец расспросам. А если уж он и умрёт, то он был намерен протянуть свою жизнь как можно дольше, на каждую чёртову мучительную секунду.

— Миледи, как вы догадались? — спросил он.

— Эт, блядь, очевидно. Шип тоже заметил бы, если б та шлюха не крутила перед ним пиздой.

Андерс хихикнул, и свежая кровь потекла по его шее. У него было странное чувство, что его шея сейчас пылала бы огнём, если бы алкоголь не сдерживал боль.

— Почему? — прошептала она. Андерсу показалось, что он заметил что-то в её голосе — грусть и, быть может, сомнение. Оставалась возможность, что он выживет, вот только нужно было решить, какую часть правды можно выдать Генри — слишком много или слишком мало, и он наверняка умрёт, и не сможет исправить ошибку, не сможет загладить вину.

— У меня не было выбора, — сказал Андерс. — И никогда не было, особенно с Дрейком Моррассом. Он сделал всё, чтобы у меня не было выбора. — По крайней мере, большая часть этого была правдой.

Кинжал прорезал ещё одну маленькую полоску на его коже.

— Андерс, начинай уже говорить по делу!

— Я должен ему. Больше, чем когда-либо смогу заплатить. У Дрейка есть флотилия, множество кораблей, но они не пиратские. Игрные дома, которые никогда не остаются надолго на одном месте. Заведения, где богатые могут собираться, встречаться и терять деньги. — Андерс вздохнул. — Я отправился туда после изгнания, в надежде, что новости до них ещё не добрались, надеясь, что я могу ещё пользоваться кредитом семьи. Дрейк впустил меня, дал мне сделать глупую ставку и лишь после этого показал мне письмо, которое получил от моего отца.

Андерс вздохнул.

— Я должен Дрейку Моррассу два миллиона золотых монет, — прошептал он Генри. Это, по крайней мере, тоже было правдой, хотя он решил не упоминать, что так же дважды обязан пирату жизнью. — Я у него в руках. Он говорит прыгать, я спрашиваю, как высоко. Он говорит "соси", и я спрашиваю, как глубоко. Он говорит...

— Чего он хочет? — прервала его Генри.

Андерс пожал плечами и почувствовал свежую кровь на шее.

— Не знаю. У него нет привычки информировать меня о своих целях. Он лишь говорит мне, что сделать и когда. По крайней мере, иногда говорит. По большей части я делаю, что захочу.

— Так почему ты здесь?

— Потому что он приказал мне быть здесь. Наша встреча в Солантисе не была случайной. Дрейк приказал мне найти Чёрного Шипа, сделаться полезным, незаменимым. Он приказал мне защищать Шипа.

Нож убрался от его горла, и в следующий миг Генри всем своим весом ударила Андерса в спину. Он упал вперёд, ударившись об землю и едва успев повернуть голову, чтобы не сломать нос. Он быстро поджал руки, чтобы подняться, но Генри встала коленом ему на поясницу, схватила волосы и оттянула его голову назад. И снова нож прижался к его горлу.

— Почему? — прошипела она.

— Я не знаю, — прохрипел Андерс. Редко он оказывался в таком шатком положении. — Может, он знал, что Шип выступит против Шустрога. — Снова полуправда, но Андерс был чертовски уверен, что не станет рассказывать, как Дрейк приказал ему незаметно подтолкнуть Шипа к мести Шустрогу и Кессуку.

Долгое время стояла тишина, Генри ничего не говорила, но и нож от его горла не убирала. Наконец давление на его спину усилилось, и жаркое дыхание Генри защекотало его ухо.

— Я наблюдаю за тобой, Андерс. Одно неверное движение... — продолжать она не стала.

— Вы скажете Шипу? — быстро спросил Андерс.

Казалось, вопрос заставил её помедлить. Её рот всё ещё был в нескольких дюймах от его уха.

— А почему бы мне не рассказать?

— Не хочу, чтобы меня выпнули из команды, — сказал Андерс, и это была правда. Остальные члены команды и впрямь стали ему нравиться, и он уже думал о них как о товарищах.

— Вот чё бывает, если ты вторая в команде — иногда приходится знать то, чего босс не знает, чтобы ничё не его отвлекало. Я буду держать рот на замке, пока Шустрый не сдохнет, но потом... дам Чёрному Шипу решать, чё с тобой делать. Посмотришь, склонен ли он нынче прощать.

Нож убрался от горла, и Генри ткнула Андерса лицом в землю, а потом давление на его спину исчезло. К тому времени, как он поднялся на ноги и осмотрелся, её уже нигде не было видно.

В прошлый раз, как Андерс бывал в Чаде, всё закончилось прекрасной женщиной в тёмно-синем платье, стеклом окна и чем-то очень близким к смерти. Он надеялся, что этот визит будет не так богат событиями, но глубоко в этом сомневался.

Улицы Чада оказались более пустыми, чем он их раньше видел — не сказать, что они были совсем пустынными, но все на них двигались быстро и тихо, опустив глаза и твёрдо направляясь к своей цели. Для такого большого города, который процветал благодаря торговле и коммерции, Чад теперь больше походил на город-призрак. Множество глаз исподтишка смотрели на Андерса из окон близлежащих домов, но исчезали, как только он поднимал на них взгляд.

И здесь были тела. Андерс шёл по Торговому Ряду Золотого города, который раньше был одной из самых многолюдных улиц Чада. В обычный день на этой улице золотых монет из рук в руки переходило больше, чем во всех остальных свободных городах вместе взятых. Сегодня открытыми оставались лишь несколько магазинов, и все под хорошей охраной. Но с телами на улицах никто ничего не делал. Некоторые из них были похожи на наёмников, другие на пиратов, а третьи были простыми жителями Чада, не связанными ни с одной из сторон, но совершенно точно мёртвыми. На трупах собирались тучи кровяных мух, дравшихся за место, где можно отложить яйца в мёртвую гниющую плоть. Тут и там бездомная кошка или паршивая собака кралась по переулку, чтобы оторвать кусочек плоти от человеческих тел. Андерс знал, Шип сказал бы: "мясо есть мясо", но всё равно этот вид заставлял его нервничать. Впрочем, хуже всего были падальщики из людей — они обшаривали трупы в поисках хоть чего-то ценного. Некоторые трупы уже были избавлены от всего, даже от нижнего белья, и теперь лежали на жарящем солнце обнажённые и униженные.

Судя по тому, что рассказывала Роза, единственными, кто не страдал от этих уличных войн, были члены гильдии работорговцев. Более того, они получали от неё прибыль. Банды работорговцев, похоже, день и ночь хватали людей, ходивших по улицам в одиночку. Даже во время войны недостатка людей в Чаде не было, и хотя гильдия работорговцев и не могла продать их прямо в городе, но зато могла в любое время легко бросить их на корабль и продать в другие свободные города, или даже в Сарт. Работорговое судно не побеспокоил бы ни один пират, в этом просто не было смысла, так что работорговцы могли свободно плавать

по морям.

Андерс содрогнулся от мысли, что на него может напасть группа работорговцев, ищущих такого здорового, хорошо образованного мужчину, как он. Быть может, его и не схватили бы, из-за его чистокровности, но за раба с такими талантами, как у него, дали бы неплохую цену. Он ускорил шаг и тихо обругал босса за то, что тот не позволил ему напиться вусмерть перед таким опасным заданием.

Сам Шустрый проживал в большом роскошном особняке. Андерс давно заметил, что те, кто не был рождён в богатстве, принимались выставлять его напоказ, только заполучив хоть что-то. Хотя, следовало признать, многие рождённые в богатстве вели себя так же, если не хуже. Однако его отец всегда считал, что чем меньше бахвалишься, тем лучше.

Стены особняка Шустрого были высокими и охраняемыми, ворота прочными и охраняемыми, и пространство снаружи тоже охранялось. Похоже, Шустрый не оставлял никаких возможностей для нападения на себя. Андерс подумал, что если ублюдок имеет хоть какое-либо понятие о том, как вести уличную войну, то это место — не более чем отвлекающий маневр, а его настоящая резиденция где-то в другом месте, где-то близко, но выглядит непритязательно.

— Милорд, — сказал один солдат у ворот. Наёмники обычно хорошо умели относиться с уважением к чистокровным, и, поскольку большинство людей не могли отличить одну чистокровную семью от другой, они с почтением относились ко всем, кто выглядел как аристократ.

— Я здесь ради встречи с вашим хозяином, с Шустрым, — сказал Андерс императорским тоном.

— Милорд, где ваша свита?

Андерс испустил долгий саркастический выдох.

— Прошу, поди и приведи своего хозяина, или по крайней мере кого-нибудь поумнее себя.

Солдат некоторое время таращился на Андерса, развесив рот, его нижняя губа оттопырилась влево.

— Есть, — сказал он и ушёл, чтобы кого-нибудь привести.

Андерс не ожидал и не был готов к тому, кого привёл солдат.

— Я могу вам помочь? — спросил мужчина. На нём была лёгкая кольчужная рубашка под белым табардом и бронзовый полушлем, обернутый в ткань похожего цвета. Сбоку висел изогнутый меч, и рука находилась возле рукояти. Мужчина был высоким, не очень привлекательным, но и не уродливым, а его кожа была бронзового оттенка. Андерс чуть не развернулся и не побежал, но он был уверен, что хаарин, стоявший перед ним, легко сможет его поймать.

Хаарин прищурился, осмотрел Андерса и снова заговорил:

— Возможно, вам стоит пойти со мной.

— Мне, уф, надо поговорить с Шустрым, — удалось, запинаясь, проговорить Андерсу. Хаарин продолжал смотреть на него бесстрастными глазами.

— Вы его обыскали? — спросил хаарин остальных охранников. Ответом, разумеется, было гулкое "нет". Ни один наёмник не счёл нужным обыскать члена одного из чистокровных семейств. Хаарин, с другой стороны, был совсем иного сорта. Этот прохлопал Андерса сверху донизу, и нашёл лишь единственный лист дорогого белого пергамента, взятый из личных запасов Дрейка Моррасса.

— Идёмте, — приказал хаарин, убедившись, что Андерс не вооружён. Андерс последовал за ним и помолился о возможности прожить достаточно, чтобы предупредить Шипа, что им нужен новый план — такой, в котором не нужно будет сражаться с одним из лучших телохранителей мира.

— Сузку, чё у тя там? — спросил мужчина, сидевший на столе. Он был выше Андерса на добрых несколько дюймов, и более мускулистый, но у него, несомненно, были черты лица чистокровного бастарда. Следовало признать, он был похож на сына Х'оста, которого Андерс убил так давно. — Интересно. Он был вооружён? — спросил Шустрый.

Хаарин покачал головой и протянул письмо.

— У него было только это.

Шустрый глянул на письмо, а потом снова на Андерса.

— До этого щас дойдём. Ты кто?

— Меня зовут Андерс.

— Чё за семья?

Андерс пожал плечами.

— Моим отцом был один из Брековичей, или так мне говорили. Не было желания выяснять, кто именно.

— А-а. Значит, бастард? Ну, мой папаша как-то раз чуть не казнил меня, — сказал Шустрый.

Андерс ничего не сказал. Из его памяти всё ещё не стёрся тот факт, что его отец совсем недавно тоже пытался его казнить. Кроме того, ему казалось, что Шустрый из тех, кто не любит, когда чья-то история превосходит его собственную.

— Так чё ты хошь? — спросил Шустрый.

— Я здесь, чтобы доставить письмо. А потом я уйду.

— Да ну? — спросил Шустрый с жестокой ухмылкой. И снова Андерс решил не отвечать. — Прочитай, Сузку.

Братец, когда нам было по двенадцать лет, мы вырезали наши имена на высохшем дереве за ручьём

— Хм... — фыркнул Шустрый с озадаченным выражением на лице. — Чё эт такое?

— Доказательство, — сказал Андерс. — Что ваша сестра у нас. Мы попросили её написать что-нибудь, что знаете только вы с ней.

Шустрый долгое время молча, изучая Андерса.

— И чё вы хотите?

Андерс улыбнулся.

— Деньги. Десять тысяч золотых монет за жизнь вашей сестры. Обещаю вам, что ей не причинили никакого вреда... пока. Но её здоровье зависит от скорости, с которой вы достанете эти золотые монеты. Вы оставите их за ратушей в ремесленном квартале, и мы освободим вашу сестру.

— А чё бы мне просто не выпытать прям щас у тебя, где она? — спросил Шустрый.

— Потому что я не знаю. Босс не дурак, он отправил меня сюда, потому что я знаю очень мало, — ответил Андерс и поблагодарил богов за то, что он такой хороший лжец.

— Да ну? Значит, от тебя терь никакого толку, — с ухмылкой ответил Шустрый.

— Если я не вернусь на место встречи в течение часа, то ваша сестра умрёт, а остальная

моя команда исчезнет, — соврал Андерс. Он не мог не отметить, что хаарин Шустрого стоит за его спиной.

Ухмылка исчезла с лица Шустрого, и он соскочил со стола.

— Ну, тогда нам лучше доставить тебя на место встречи. Держи его!

Шип

Дверь склада распахнулась, внутрь ввалилась фигура, и, едва прикрыв дверь, рухнула на пол. Немного времени понадобилось, чтобы понять, что это Андерс, и ещё меньше — чтобы понять, как он плох. Бетрим подбежал, и Бен сразу за ним. Андерсу удалось, толкаясь правой рукой, подняться на одно колено, но по правде говоря, судя по его виду, подняться на ноги без помощи ему бы не удалось.

Всё лицо Андерса было в крови, в порезах и синяках. Левая рука безвольно свисала, и похоже, была сломана. Когда Шип приблизился, стало ясно, что нос пьянчуги сломан, а глаз заплыл.

— Блядь, — сказал Бен Шесть Городов, прежде чем обернулся и позвал своего брата. — Джоан, доставай медицинские припасы. Похоже, кое-кого придётся подлатать.

Бетрим наклонился и помог Андерсу, подхватив его под правую руку. Вблизи стало ясно, что чистокровный пьянчуга потерял зуб-другой.

— Андерс, — сказал Шип. — Ты как? — В такой ситуации лучше всего, чтобы человек оставался в сознании.

— Бывало и лучше, босс, — пробормотал Андерс, немного присвистывая из-за прорехи в зубах. — Впрочем, от выпивки бы не отказался.

— Никому я не босс, — сказал Бетрим. — Но выпить, пожалуй, мы тебе найдём.

— Премного благодарен, босс, — сказал Андерс, и выглядел при этом очень жалко. — Думаю, лучше нам уйти, прежде чем Шустрый сюда нагрянет.

Бетрим помедлил. Вся суть этой шарады заключалась в том, чтобы заманить Шустрого и убить его. Побои, возможно, слегка напугали Андерса, но казалось неразумным теперь сбегать, забыв всю идею. К тому же Бетрим сомневался, что Генри теперь уйдёт, даже если они попытаются её тащить. Он оглянулся в поисках маленькой убийцы — вроде бы, ей надо быть поблизости, с учётом её отношений с Андерсом. Он увидел, что она стоит неподалёку, прислонившись к ящику, с мрачным выражением на лице. Это было в её духе — она не из тех, кто выказывает интерес или симпатию, для неё это, наверное, лишь ещё один повод убить Шустрого.

— Вряд ли мы куда-нить пойдём, Андерс, — сказал Бетрим, когда Джоан принялся осматривать раны чистокровного. — У нас тут работа, и надо её выполнить.

Андерс глотнул из бурдюка, и, казалось, его глаза немного сфокусировались.

— Босс, вы не понимаете. У Шустрого есть хаарин.

— Чё? — спросил Джоан, вправляя левую руку Андерса на место.

Бетрим подождал, пока крики Андерса не прекратятся, а потом ответил:

— Чудной телохранитель откуда-то с востока, вот и всё.

— Они не просто чудные телохранители... — запротестовал Андерс, но Бетрим прервал его, пока тот не запугал всех.

— Андерс, я убивал арбитров и сражался с мастерами клинка, — сказал он. — Думаю, справлюсь и с хаарином.

Андерс вздохнул.

— Хааринов учат сражаться и убивать с момента, когда они начинают стоять, то есть, с очень ранних лет. Они защищают клиента ценой своей жизни. У них нет ни жалости, ни чувств. Босс, надо заново обдумать нашу стратегию. Любовый конфликт — плохая идея.

Бетрим сплюнул.

— Да всё нормально, Андерс. Твоя часть окончена. Просто...

— Да я не за себя волнуюсь! — Андерс стрельнул взглядом в сторону. Бетрим проследил за ним до Генри. Маленькая убийца лишь фыркнула и отошла. Хуже Андерс ничего и сказать не мог, решил Бетрим. Если кто и мог о себе позаботиться, так это Генри, и она не любила, когда кто-то предполагал, что ей это не под силу.

— План идёт дальше, — сказал Бетрим. — Джоан, залатай его, как сможешь, и не давай напиваться. Бен, ты на стрёме. Хочу знать, как скоро зайвится Шустрый, и скока человек с ним будет. Остальные готовьтесь к бою.

Когда все начали готовиться, Бетрим не удержался и глянул в сторону Розы. Она уставилась на него в ответ своими тёмными глазами, и он почувствовал, как его пульс учащается, почувствовал сильное желание подойти и сорвать с неё одежду. Она надула губки, и от этого он только сильнее разозлился. Может, когда они со всем этим покончат, она захочет, чтобы рядом был такой человек, как Чёрный Шип? Впрочем, когда всё закончится, она станет богатой и влиятельной, а таким людям Чёрный Шип нужен только чтобы убивать других богатых и влиятельных. По правде говоря, Бетриму хотелось от отношений чего-то большего. На самом деле он твёрдо был уверен, что хочет намного большего.

— Шип, — Бетрим чуть не вздрогнул от голоса Мослака. Он так задумался, что не заметил даже, как здоровяк подошёл. — Вроде как все готовы, но мне, Генри и тебе лучше, наверно, укрыться, пока Шустрый не появился. Нет смысла раскрывать себя, пока он по шею не увязнет в ловушке.

— Ага, — сказал Бетрим, натягивая капюшон, чтобы скрыть лицо. Если он останется в тени, то Шустрому его никак не узнать.

— Да ты не парься. Возьмём мы этого еблана, будь хоть он трижды хаарин.

Бетрим проворчал что-то другу, по-прежнему не в силах избавиться от образа надувшей губки Розы.

Казалось, прошла вечность, прежде чем в дверях склада снова появился Бен Шесть Городов с дикой улыбкой на лице.

— Ну, он здесь, — сказал Бен. — С ним человек тридцать.

— Всего тридцать? — со смехом сказал Мослак. — А ублюдок в себе уверен.

— Возможно, во время своего краткого допроса я проговорился, — пробормотал Андерс с ящика, на котором сидел, — что нас всего шестеро. — На его левую руку была наложена самодельная пина, подвешенная ему на шею, и пол-лица у него было замотано, но, похоже, часть своего чувства юмора он сохранил.

Генри натянула шляпу на лицо и встала позади Джоана Тяжёлой Руки. Мослак с грохотом дошёл до своих людей сел рядом с Бет, за стеной плоти, кожи и стали. Бетрим склонил голову, чтобы капюшон закрыл лицо, а Роза встала перед ним. На самом деле она вышла вперёд, потом сделала шаг назад и быстро потёрлась об него своей задницей.

Несмотря на грядущую опасность, Бетрим почувствовал, как у него твердеет.

Роза наклонила голову и промурлыкала ему:

— Я скучала по тебе, Чёрный Шип.

— Да? — сказал Бетрим в ответ. По правде говоря, слишком много всего сразу случилось, и его разум силился разобраться. Одна его часть требовала схватить Розу, оттащить в заднюю часть склада, раздеть и сделать что-нибудь приятное им обоим. Другая, не менее важная часть, протестовала, что её брат вот-вот ворвётся в дверь с тридцатью вооружёнными людьми, и скорее всего они примутся убивать друг друга.

— М-м-м, — проговорила Роза, а потом, как раз когда дверь склада начала открываться, шагнула вперёд и повернула своё прекрасное лицо в сторону двери. Бетрим заметил, что дышит он с трудом, пытаясь разобраться, что происходит.

Дверь открылась, и внутрь вошёл мужчина в белом табарде и белой шляпе. Он глянул по сторонам, на тридцать человек, выстроившихся перед ним, и покачал головой. Следующим в дверь прошёл Шустрый, с диким смехом игнорируя предупреждение своего телохранителя. Десять человек из тридцати вошли за ним следом, и дверь за ними захлопнулась.

— Заприте, — приказал Шустрый своим людям, продолжая осматривать людей перед собой. Его взгляд остановился на Розе, и улыбка слетела с его лица.

— Ты в порядке, сестрёнка?

Роза посмотрела на брата, и Бетрим понял, что она улыбается.

— Как никогда лучше, братец. Эти замечательные джентльмены были так любезны, что составили мне компанию.

Шустрый кивнул.

— Не сомневаюсь. А как поживает Дрейк?

Роза шагнула назад и врезалась в Бетрима, посмотрела ему в глаза, и он увидел в ней нерешительность.

— Что ты имеешь в виду, братец?

— Я имею в виду, сестричка, как поживает Дрейк Моррасс? Тот пират, с которым ты ебёшься? Уверен, ты б его узнала. Очень красивый, но самодовольный пиздюк. Не могу решить, отправить ли ему твою голову, или подержать тебя у себя, пока не смогу показать его голову тебе. — Шустрый рассмеялся. — Ну чё ты так удивляешься? Блядь, да это ж очевидно. Голову мамыши присылают в ящике от Дрейка, а всего несколько недель спустя у моих дверей объявляется его шестёрка и говорит, что держит тя ради выкупа.

Роза выглядела очень обеспокоенно, так что Бетрим оттолкнул её себе за спину и сделал шаг вперёд. Хаарин Шустрого ответил тем, что встал между Шипом и своим клиентом.

— И кто эт тут у нас? — спросил Шустрый. — Высоковат для Моррасса...

Бетрим откинул капюшон и получил большое наслаждение, видя явное удивление на лице Шустрого.

— Ах ты ж ёб твою мать, — сказал Шустрый, ухмыляясь. — Такого я не ожидал. Шип, я слышал, ты помер.

— Эт не помешало те выставить награду за мою голову, — резко ответил Бетрим.

Шустрый рассмеялся.

— Тоже верно. Казалось хорошим вложением — люди в Чаде стали лучше ко мне относиться, и я уж точно не ожидал, что кто-нтъ потребует награду.

Бетрим увидел, как Генри вышла перед Тяжёлой Рукой и сняла шляпу.

И снова Шустрый расхохотался.

— Кажись, тут у нас день призраков. Надо признать, редко бабы, которых я ебал, возвращаются из могилы за добавкой, но для тя, пожалуй, могу сделать исключение.

Генри ничего не сказала, но Бетрим видел, как злобно она смотрела на Шустрого, и, на его взгляд, мало кто из живых людей мог от такого не испугаться.

— Ещё кто-нить из вас? Воссоединение не будет полным, если только... — Мослак встал, возвышаясь над своими людьми на добрый фут, даже несмотря на постоянную сутулость. — Мослак. Думал, мы заключили сделку, здоровяк?

Мослак остановился сразу за Бетримом. Надёжный человек за спиной, прямо как в старые времена.

— Так и было. Пока я не услышал, сколько золота ты мне не заплатил.

— Услышал? Жаль, — ухмыльнулся Шустрый. — И кто ж во главе этой толпы?

— Эт я, Шустрый, — сказал Бетрим, правой рукой вынимая топор.

— Ага. — Шустрый посмотрел на Бетрима, на Генри, а потом снова на Бетрима. — Как нащёт сделки. Я отдам те всю награду за твою голову и все монеты, что ты должен был получить за дело Х'оста. А в ответ ты отдашь мне Генри и мою шлюху-сестру и съебёшься куда-нить, где я тя больше никогда не увижу.

— Вряд ли такое сработает, Шустрый, — ответил Бетрим.

Шустрый глубоко вздохнул и выдохнул.

— Охуенно жаль.

Только долго тренированное чувство нависшей опасности спасло его от потери головы. Бетрим почувствовал, как что-то надвигается, и бросился на пол как раз вовремя — большой меч прорезал воздух как раз в том месте, где только что была его шея. Он перекатился, остановился и посмотрел на противника, когда все на складе пришли в движение.

Андерс вскочил с ящика, только чтобы обнаружить меч Железной Бет у своей шеи. Охотники Джоана обнажили сталь, но обнаружили, врагов с двух сторон: наёмников Шустрого и солдат Мослака. Бетрим медленно поднялся с пола и очень выразительно уставился на Мослака. Гигант не мог взглянуть ему в глаза, смотрел в пол, но свой чёртов огромный двуручный меч держал перед собой. Бетрим остро чувствовал, что где-то позади него стоит Шустрый со своим хаарином, но не собирался оборачиваться спиной к Мослаку во второй раз.

— Мослак, хули ты делаешь? — выплюнул Бетрим.

Шустрый рассмеялся из-за спины Шипа.

— Похоже, цена есть даже у нашего большого дружелюбного гиганта, хотя эт была охуенно большая цена. Но всё же, он привёл большую часть людей на вечеринку, так что, по моему, тут можно и заплатить.

— Прости, Шип, — сказал Мослак, по-прежнему не встречаясь взглядом с Бетримом. — Недёшево править городом.

Шустрый снова встрял, всегда он любил звук своего голоса:

— Особенно когда он расположен посреди тумана, от которого гниёт дерево, а металл ржавеет, и окружён духами, которые имеют привычку жрать людей. Но кое-что решает все проблемы — деньги. Ну... кроме духов, наверно.

Бетрим посмотрел на Шустрого. Ни он, ни хаарин не двинулись, и Шустрый вроде как не собирался вытаскивать оружие. Бетрим снова посмотрел на Мослака. Гиганта взять будет нелегко, его сила была практически легендарной, и он отлично знал, как Чёрный Шип любит драться. Покрытое шрамами лицо Бетрима расплылось в ухмылке, и он как раз

собирался броситься на Мослака, когда раздался крик.

Сузку

Спустя мгновение Перн понял, что крик доносится снаружи склада. Внутри никто не двигался. Крик оборвался, и что-то тяжёлое ударило в деревянную стену. Перн слышал приглушённые звуки, доносящиеся снаружи, но не мог точно определить, что они значат. Очередной крик пронзил тишину следом за первым. Но чем бы это ни было, не возникало сомнений, что оно было опасным.

Перн глянул по сторонам, на людей внутри склада — их взаимные конфликты временно позабылись, все ждали, пытаясь понять, что происходит. Его же взгляд был прикован к женщине, которую Шустрый назвал Генри. На её ауру стоило посмотреть, Перн таких никогда раньше не видел. Она была красной — глубоко красный цвет самой тёмной запекшейся крови — и пульсировала жутким светом. Волны ненависти и гнева исходили от неё, отравляя воздух и подчиняя ауры ближайших людей, заражая их её яростью. Это было, словно Перн смотрел на эмоцию, принявшую человеческий облик, и сама эта вероятность одновременно и пугала и завораживала его.

Аура Чёрного Шипа была прямой противоположностью ауре Генри. Она была светло-голубой, сильной и яркой — цвет контроля. Что бы Чёрный Шип не чувствовал, он плотно контролировал своё эмоциональное состояние. Такой аурой хаарин мог бы гордиться.

Кричало уже больше человек. Перн насчитал по меньшей мере троих. Раздался быстрый стук в дверь, кто-то вопил, умоляя впустить. Потом эти звуки оборвались, и что-то очень тяжёлое трижды ударило об стену здания. Один за другим крики прекратились, оборвались булькающими воплями ужаса. Липкий страх разрастался в складе, и Перн с трудом сохранял контроль.

— Чё там за хуйня? — услышал он слова одного из людей Шустрого.

Теперь все отпрянули от дверей. Из-за угрозы снаружи враги внутри внезапно позабылись. Перн отметил, что Чёрный Шип и гигант, который только что пытался его убить, теперь стояли бок о бок, обнажив оружие и готовые сражаться, но уже не друг с другом. Маленькая женщина — воплощение ненависти, — перестала таращиться на клиента Перна и напряжённо смотрела на дверь лихорадочно-яркими глазами. Даже чистокровный — дурачок, доставивший сообщение о выкупе — обнажил меч. Он стоял рядом с другой женщиной, со шрамом на горле, словно они были старыми товарищами. Перн сожалел о своих действиях против чистокровного — клиент приказал держать его, и Перн подчинился. Шустрый жутко избил мужчину, сломал ему руку и нос, а Перн держал его всё это время, участвуя тем самым в нанесении увечий. Он был свидетелем великого множества зла, причинённого его клиентом, но лишь в этом случае Перн действительно стал частью этого. Где-то внутри него поднималось чувство отвращения, он был отвратителен сам себе.

— Может, это Дрейк? — прошептал Шустрый.

Перн взглянул на клиента. Тогда он заметил свечение, исходящее с его пояса. Драгоценный камень, тот, который Кессик дал Шустрому, чтобы определять магический потенциал, сейчас сиял. Не просто сиял — он полыхал таким ярким светом, что смотреть было больно. Кто бы ни был снаружи, он обладал магическим потенциалом, и даже с такого

расстояния заставлял сиять драгоценный камень с такой силой.

Перн выставил руку перед клиентом, и начал медленно отходить назад, заставляя Шустрого двигаться вместе с собой. Тот сначала протестовал, но, заметив сияние камня на поясе хаарина, Шустрый уступил. Они отступили в заднюю часть склада, в тени.

Раздался вежливый стук в дверь склада, а затем кто-то прокашлялся.

— Не мог бы кто-нибудь впустить меня?

Перн не в силах был описать ощущение ужаса. Он не мог видеть ауру, исходившую от человека с той стороны, но чувствовал её, и это было ни на что не похоже, нечто неопишное. Словно все эмоции, которые может чувствовать один человек, разом смешались в одну гигантскую путаницу, и нигде не было ни проблеска контроля. Если бы не клиент, которого надо было защищать, Перн развернулся бы и тотчас убежал.

Шустрого же ничто не сдерживало. Он повернулся и бросился в заднюю часть склада, и Перн быстро помчался за ним следом. Там они нашли ещё одну дверь с тяжёлым железным замком. Перн дёрнул за ручку, но дверь была заперта, и прежде чем он начал ломать деревянную преграду, Шустрый встал на колени перед дверью и достал набор отмычек. Без промедления он принялся за работу, через несколько мгновений замок щёлкнул, и дверь открылась.

Как раз перед тем, как Перн и его клиент выбежали из склада, он услышал треск дерева — передняя дверь здания разлетелась в щепки.

Ровным шагом они спешили по улицам ремесленного квартала. Перн готов был защитить клиента от любой опасности, а сам Шустрый с коротким мечом в одной руке и кинжалом в другой всю дорогу ругался, что не взял свой лук.

Этим вечером работали немногие. Нынче в Чаде вообще осталось мало рабочих, но несколько подмастерьев бегали туда-сюда, таская товары или припасы. Перн тратил на них лишь краткий взгляд, а потом забывал, как о не представляющих угрозы. Они держались подальше от любых солдат — без расспросов невозможно было понять, работают они на Шустрого или на Дрейка, а Перн не собирался таким образом рисковать жизнью клиента. Он решил, что лучше самостоятельно вернуться в особняк Шустрого.

Они дошли до перекрёстка и остановились. Восточная дорога вела в Золотой город, в безопасность, хотя, основные дороги вроде этой представляли собой угрозу. Северная дорога вела к рынку, а затем к северным воротам. Южная дорога вела дальше в ремесленный квартал, а западная — назад к ратуше, к складу и к тому ужасу, который творился теперь на том складе.

Шустрый тяжело дышал и смеялся. Похоже, все по-разному справляются со своими страхами — некоторые замирают, некоторые злятся, некоторые начинают дрожать, а некоторые, вроде его клиента, предпочитают от страха смеяться, чем признать, что тот существует.

— Сузку, ты драпаешь, будто у нас за спиной сам ад, — ухмыляясь, сказал Шустрый. — А мне почти хочется вернуться назад и посмотреть, чё за хуй убивал моих людей.

Перн посмотрел на Шустрого и не понял, шутит ли его клиент. Уж конечно, он был не настолько безумен, чтобы подвергать себя такой опасности, как та позади, но по тому, как Шустрый смотрел назад на дорогу, по которой они только что прибежали, Перн уже не был так уверен.

— Кажись, не мы одни решили пробежаться, — кивнув, сказал Шустрый. — Похоже, придётся-таки мне тут подраться.

Перн проследил за взглядом Шустрого и увидел Генри, которая пристально смотрела на них с другой стороны дороги. Её гнев красной дымкой окружал её. В каждой руке у неё было по кинжалу, и судя по выражению её лица, она хотела и была готова применить оба. Перн вздохнул и встал в боевую стойку.

Шустрый положил руку ему на плечо.

— Пожалуй, с этой я сам разберусь, Сузку. У меня с Генри есть неоконченное дело, и мне очень хочется его закончить.

Джейкоб Ли

От одного удара ногой дверь взорвалась, и по всему полу разлетелись щепки и осколки дерева. Джейкоб улучил минутку, чтобы вдохнуть запах плесени склада, и в нос ему немедленно ударил куда более резкий запах пота и страха. Внутри находилось немало людей. Он переступил через порог.

Ему понадобилась лишь секунда, чтобы пересчитать потенциальных партнёров — тридцать шесть мужчин и одна женщина. Хорошо, что склад попался просторный. Все внутри были вооружены разнообразным оружием — от мечей до топоров, от молотов до кинжалов. Джейкоб не носил никакого оружия. Для арбитра было довольно необычно не носить металлического оружия, с наложенными магическими заклинаниями, позволявшими фокусировать благословения и искоренять ересь. Но Джейкоб не был арбитром, он был тамплиером. Ему не нужно было зачарованное оружие, поскольку сам он был зачарован, сам он был благословлен, сам он был оружием.

Джейкоб дал минутку собравшимся перед ним, чтобы они заметили его плащ. Скорее всего, они охотнее станут отвечать на вопросы, если будут знать, что он часть Инквизиции.

— Я ищу человека, известного как Чёрный Шип, — сказал Джейкоб, повышая голос, чтобы слышно было во всём складе. Некоторые осматривались вокруг, словно пытаясь отыскать его жертву, но Джейкоб уже осмотрел все лица, и при помощи куда лучшего зрения, чем у всех этих жалких субъектов, пришёл к заключению, что Шипа среди них нет.

Самый большой человек из всех, кого когда-либо видел Джейкоб, выступил вперёд и сплюнул на покрытый пылью пол.

— Один раз сегодня я уже продал друга. Блядью буду, если сдам его чёртову арбитру.

Гигант упёрся на левую ногу и правой рукой махнул в сторону Джейкоба массивным мечом. Джейкоб быстро подошёл и молниеносным ударом по руке гиганта заставил его уронить меч. Гигант с рёвом бросился на него, и Джейкоб сцепился со здоровяком руками. Прошло уже много времени с тех пор, как он по-настоящему испытывал свою силу, и горел желанием узнать, кто сильнее.

Своими руками, державшими руки гиганта, Джейкоб толкал, а гигант толкал в ответ. Сила здоровяка была превыше человеческой, и Джейкоб чувствовал пот, бежавший по его лицу. Оба мужчины рычали и фыркали друг на друга. Его благословения начали чесаться, поскольку он взял из них слишком много мощи.

Сила гиганта была нечеловеческой, но и сила Джейкоба тоже. Его сила была священным даром. Может, он и был неудачным экспериментом, но лишь наполовину неудачным. Благословения были успешно переписаны на его кожу, но процесс разрушил его

разум. Джейкоб знал, что его разум разрушен, знал, что не может отличить хорошее от плохого, и знал, что музыка, которую он слышит, нереальна, но контролировать этого он не мог. И именно это он не хотел контролировать.

Он услышал, как гигант потрясённо вдохнул, за миг до того, как почувствовал, что запястье здоровяка сломалось. Гигант взревел от боли, но лишь на секунду. Джейкоб занёс кулак и ударил его в грудь. Почувствовал, как ломаются рёбра под его кулаком, и своим усиленным слухом услышал, что сердце гиганта остановилось. Массивный труп покачался немного, прежде чем рухнул на пол в клубах пыли.

Одна песня заканчивается, другая начинается.

Женщина хрипло гортанно закричала, голосом полным боли и гнева. Потом она бросилась на Джейкоба, и не она одна. Партнёры со всего склада стали сходить на Джейкоба.

Он позволил музыке захватить его.

Первым его партнёром оказался молодой человек с русым пушком над верхней губой и длинным ржавым мечом. Джейкоб качнулся в ритме партнёра, развернулся в ждущие объятия мужчины, и его локоть попал тому в лицо. Кость сломалась и расщепилась от силы удара, а Джейкоб выхватил меч из вялой руки партнёра, вонзил ему в грудину и стал подыскивать следующего.

Вторым партнёром стал пожилой мужчина с рассечённой губой. Он бросил копьё в Джейкоба. Тамплиер с первым ударом барабана поймал копьё, со вторым отломил наконечник и с третьим бросил обратно владельцу.

Он видел, что женщине со шрамом так сильно хотелось добраться до него, так сильно хотелось слиться с ним в танце, но между ним и ней стояла стена других партнёров.

Два следующих партнёра Джейкоба прожили всего лишь два такта. Первый умер от перелома шеи, а второй от топора первого в черепе.

Очередным партнёром стал более элегантный пожилой мужчина с седыми волосами и тяжёлыми руками. Железная булава пролетела в сторону головы Джейкоба, и вмиг он наслаждался прекрасной симметрией фланцев и заметил крошечное пятнышко засохшей крови внутри одного из них, несомненно, оставшееся от прошлого использования оружия. Джейкоб пригнулся под булавой, взялся за рукоять и повернулся, увлекая за собой тяжелорукого партнёра, выводя его из равновесия. Одного удара хватило, чтобы разбить руку мужчины. Джейкоб вывернулся от партнёра, прихватив булаву, и развернулся обратно. Булава соединилась с лицом партнёра, и кровь, кости и мозги вырвались из расколотого месива. Кто-то прокричал женское имя, но Джейкоб из-за музыки почти ничего не слышал. Он искал очередного партнёра.

Женщина со шрамом на шее, рыча, бросилась на Джейкоба, и он возрадовался. Быть может, партнёрша напомнит ему о Саре. Он голой рукой отвёл меч и потянулся к шее женщины. Между ними обрушился другой меч, и Джейкоб отскочил, убрав руку как раз вовремя, чтобы её не отрубило. Благословения делали его сильным, но от них он не стал неуязвим для холодной стали. Мужчина, державший меч, был точной копией тяжелорукого партнёра, только моложе. Меч снова и снова тыкал в Джейкоба, и каждый раз он уклонялся или уворачивался. А потом Джейкоб пропустил мимо себя один выпад и положил руку на грудь мужчине. Почувствовал, как рёбра хрустят от его силы, и мужчина улетел прочь. Его меч с металлическим лязгом ударился об пол.

Так много партнёров, и так много музыки. Следующие четверо умерли слишком легко.

Один с пробитой гортанью. Двое от собственных мечей в животах, а четвёртый от сломанной шеи.

И вот уже люди убегали, мчались к дверям склада, чтобы сбежать от него. Пол стал скользким от красной крови, и некоторые люди спотыкались, а пару человек, похоже, растоптали. Джейкоб уклонился от удара копья, подошёл к державшему его мужчине, прикоснулся коленом к его животу, и мужчина согнулся пополам, блюя кровью на пол. А Джейкоб взял копьё из его руки и пригвоздил им мужчину к полу.

Потом вернулась женщина, крича на него. Расстояние между ними было небольшим, и Джейкоб преодолел его одним прыжком. Он был слишком быстр для неё, и удар мечом прошёл вдалеке. Он схватил обе её руки и сжал, потащил её в свои объятия. Почувствовал, как хрустят кости пальцев, как трещат костяшки и наслаждался её выпученными глазами, когда она потеряла разум от боли.

Всего на миг музыка затихла, и ушей Джейкоба достигли звуки умирающих. Женщина кричала от боли, мужчины лежали на полу поблизости и зывали к Богам. Где-то рядом мужчина сказал что-то про Джоан и заворчал, поднимая что-то тяжёлое.

И всё стало белым.

Генри

— Генри, как нога? — спросил, ухмыляясь, Шустрый.

Нога болела, нынче она вечно болела, но иногда болела сильнее. По большей части Генри просто крепче стискивала зубы и игнорировала боль, но иногда та заставляла её хромать, и к несчастью сейчас было как раз такое время. Её злило, что Шустрый видел, какую боль причиняло ей то, что он натворил, как повлияло на неё, но в конце концов гнев нынче был её постоянным спутником. Бывало время, когда Генри не хотела быть разгневанной, когда хотела быть счастливой, но она знала, что это всего лишь фантазии. Пока ублюдок, насilовавший её, всё ещё жив, пока дышит причина её стыда, ничего кроме гнева и быть не может.

— Генри, думаешь, на этот раз всё будет по-другому? — спросил Шустрый. — В тот раз ты была в своей лучшей форме, и я всё равно тебя побил. И бой-то был честный. Помнишь? Я знаю, помнишь. Сузку, ты не поверишь, как она сопротивлялась. Поначалу, во всяком случае. Но, кажись, вскоре ей понравилось.

Генри не прерывала ублюдка, кружила вокруг него, ждала, когда он совершит ошибку, когда отвернётся. Его телохранитель наблюдал за всем с бесстрастным выражением на лице. По крайней мере, пока он не принимал участия, шансы у неё были неплохие.

— Вот в чём штука с нашей Генри, — продолжал Шустрый, не отрывая от неё глаз, — она опасная мелкая тварь, по-настоящему страшная, но она не очень-то хорошо держит удар. Никогда не видел, чтоб кто-нть так быстро уходил в нокдаун. Пара хороших ударов по мордасам, и она уже стоит, качаясь. Так шта, я связал ей руки, нагнул и немного позабавился. Да ладно, Генри, признай, те ж понравилось.

Этого она уже не могла вынести. Генри заорала и бросилась на него, замелькали кинжалы. Шустрый отбил один из ударов Генри своим ножом, а второй — коротким мечом. Только Генри хотела притворно отскочить назад и снова ударить, как меч Шустрого

хлестнул по ней, и её оставалось лишь неловко отступить.

Генри встала в стойку бойца на ножах, готовая к броску. Почувствовала влагу на левой щеке и жжение. Быстро коснулась там, и её палец окрасился красным — порез неглубокий, но всё же порез. Этот ублюдок Шустрый, как всегда, двигался быстро.

— Понимаешь, Сузку, она ещё вся так извивается, будто не хочет. Так приятно. А какие издаёт звуки!

Генри снова напала, сделав ложный выпад вправо и бросаясь влево, стараясь отбить одним кинжалом меч, а вторым добраться до его живота. Она знала, что только пробившись через защиту Шустрого, она сможет его достать — она ещё не встречала бойца, который мог бы сравниться с ней в ближнем бою.

Шустрый отклонился назад, и Генри бросилась за ним. Чистокровный ублюдок без предупреждения шагнул к ней и, прежде чем она могла ответить, пнул её по ноге — по левой, больной ноге. Генри с воплем рухнула и поползла от Шустрого, пытаясь подняться. Левая нога кричала от боли, и Генри поняла, что уронила один из кинжалов. Шустрый поднял оружие с земли, взглянул на него и отбросил прочь, в тень.

— Не надо было тебе приходиться в одиночку, Генри. Был бы Чёрный Шип за спиной, но ведь нет, Красная Генри. Всегда хотела действовать одна. Чёрт, зуб даю, этот тупой еблан Шип даже не знает, кто ты на самом деле, так ведь?

Правой рукой Генри нащупала один из метательных ножей и метнула в Шустрого. Он этого явно не ждал, успел лишь вовремя отскочить, и к тому времени, как он оправился, Генри уже напала на него. Она отбросила его меч и врезалась в него, они оба грохнулись на землю. На миг он не понимала, кто есть кто, кто сверху, а кто бьётся внизу. Потом мир успокоился, и оказалось, что она сидит верхом на Шустром. Её кинжал метнулся к его горлу, но он был слишком быстр — перехватил её запястье левой рукой, а правой ударил в лицо.

Генри растянулась на земле, с её губ сорвался стон боли. Она раскрыла глаза и увидела, как Шустрый поднимается на ноги. Ублюдок не получил ни царапины. Он отопнул второй её кинжал, убедившись, что тот вне досягаемости.

— Видишь ли, в чём дело, Генри. В отличие от остальных членов нашей старой команды, я немного покопался в твоём прошлом, — Шустрый оглянулся на своего телохранителя, а Генри потрясла головой, пытаясь стряхнуть яркие огоньки перед глазами. — Оказалось, что Красная Генри на самом деле — Генриетта Вирт. Она чёртова аристократка, и я не имею в виду чистокровных Диких Земель, о нет. Генри явилась сюда из Пяти Королевств. Она, блядь, незаконнорожденная королевских кровей.

Она не понимала, откуда он мог это узнать, но понимала, что он должен умереть. И он и его телохранитель. Некоторые секреты принадлежали Генри одной, и если надо, она будет защищать их до последней капли крови.

Шустрый посмотрел мимо неё, и ухмылка сошла с его лица.

— Кажись, к ней прибыло подкрепление. Отложим это на потом — буду не прочь снова позабавиться с твоей королевской пиздой, прежде чем убью.

Генри удалось отбить первый удар Шустрого, но второго она даже не видела. Она почувствовала, как кулак коснулся её челюсти, а после уже не чувствовала ничего.

Словно мало было побега от ужаса склада, Андерс теперь тяжело дышал от быстрой пробежки, и начинал подозревать, что по меньшей мере одно ребро, возможно, сломано. Благодарить за это следовало Шустрога и его хаарина, и к несчастью, похоже было, что он получит свой шанс отплатить. С учётом того, как прошла их прошлая встреча, это было не то, чего он ждал с нетерпением. Но по крайней мере с ним был Чёрный Шип. Когда они заметили, что Генри нет, то оглянулись и поняли, что Шустрый тоже исчез, и не нужно было быть гением, чтобы догадаться, что маленькая убийца отправилась следом за человеком, который причинил ей так много боли.

Пока они не услышали боевой крик Генри, они не знали, куда она делась, и если бы не её пронзительный голос, вряд ли они когда-нибудь её нашли. И всё же, Андерс не очень-то привык бегать, и к тому же был не в лучшей форме. На самом деле ему требовались все остатки стойкости духа, чтобы не остановиться и не извергнуть обед на улицы Чада.

Когда они приблизились, Шустрый их заметил. Андерс видел, как чистокровный ублюдок ударил Генри, и она тяжело упала — рухнула на землю безвольной кучей и не двигалась. Несмотря на одышку, на жжение в груди и уверенность, его безнадежно превосходят, Андерс вытащил меч и побежал быстрее, оставив Шипа позади.

Андерс бросился на Шустрога, а ублюдок парировал удар, а потом нанёс свой, от которого Андерс уклонился.

— Сузку, разберись с Шипом. Не убивай его, просто придержи, пока я не кончу этого еблана, — сказал Шустрый, а затем перенёс всё своё внимание на Андерса. Как раз тогда Андерс понял, что самым вероятным исходом этого затруднительного положения будет его смерть. Но всё же не впервые Андерс Брекович стоял перед лицом верной смерти. На самом деле у него уже практически вошло в привычку выживать, несмотря на неминуемость кончины.

Шустрый выбросил короткий меч. Андерс парировал своим более длинным мечом и быстро провёл атаку на правую руку оппонента. Шустрый со смехом отпрыгнул назад. У него было преимущество в силе и в скорости, но у Андерса был больше радиус поражения и, как он надеялся, немного больше умения. В конце концов, его обучал лучший мастер Тигля. Хотя, разумеется, полжизни на полах разных таверн могло немного ослабить его навыки.

Андерс быстро атаковал Шустрога справа, а потом отскочил влево, дико взмахнув приблизительно в сторону оппонента и испустив театральный вопль. Шустрый парировал первую атаку, отбил вторую и попытался проткнуть Андерса. Его спас лишь быстрый отскок.

Андерс решил, что потеря пальца, даже самого маленького, приводит к значительному ухудшению контроля над мечом. Не говоря уже о том, что болело всякий раз, как он сжимал рукоять, то есть, во время боя на мечах вроде этого, всё чёртово время.

Он избежал очередного выпада Шустрога, и проворно, хоть и слегка нетрезво, отскочил прочь.

— Вам не кажется, что вы причинили мне уже достаточно вреда за один день? — спросил Андерс своего получистокровного противника. — Я бы сказал, что было бы даже честно с вашей стороны, если бы вы позволили мне немного потыкать вас острым концом в качестве расплаты. Обещаю, я легонько.

— Почему вы, чистокровные ебланы, так любите болтать? — спросил Шустрый.

Андерс рассмеялся.

— Горшок... Чайник... Чёрный.

— Чё?

— ХА! — Андерс набросился на Шустрого, стараясь провести выпады, используя все преимущества своего более длинного меча. С раздражающей лёгкостью Шустрый парировал все удары. На последнем получистокровный ублюдок обошёл меч Андерса и схватился за рукоять. Он пытался ударить Андерса по лицу, но тот видел удар и вовремя отвернул голову. Кулак попал по уху, и боль снова запылала.

Андерс неловко отступил, зажимая окровавленное ухо и ругаясь со всей злобой, на какую был способен. Ублюдок был определённо не прочь использовать грязные уловки. Дурной тон, как ни посмотри. Когда Андерс встал в боевую стойку, Шустрый смотрел на него, ухмыляясь. Андерсу понадобилась секунда, чтобы понять, почему — из его груди торчал кинжал. Может быть из-за адреналина, или из-за выпивки, он даже не почувствовал, как вонзился клинок — но теперь, когда он знал, что нож в груди, болеть стало сильно.

Шип

Преуменьшением было бы сказать, что хаарин был хорош. Ростом он был с Чёрного Шипа, и возможно немного больше, быстрый как кошка и, судя по всему, в части мастерства так же превосходил Шипа. В любой нормальной ситуации Бетрим уже искал бы возможность по-быстрому смыться, но сейчас на кону стояла жизнь Генри. Маленькая убийца лежала без чувств на земле, несмотря на два поединка, разыгрывавшихся возле неё, и будь Бетрим трижды проклят, если оставит её капризам Шустрого. Он уже потерял слишком много друзей, просто уходя прочь, и слишком много, терпя неудачу, когда должен был добиваться успеха. Чёрный Шип убил за свою жизнь семь арбитров, и, чёрт возьми, убьёт и этого хаарина.

С новыми силами Бетрим атаковал. Осыпал мужчину перед собой градом ударов, каждая атака была тяжелее предыдущей, и каждую тот отбивал кинжалом — кинжалом, который, как понял Бетрим, принадлежал Генри. Ублюдок не стал даже доставать меч из ножен, висевших у него на боку.

— Я-то думал, что у хааринов есть честь, или чё-т типа того, — сказал Бетрим. Он прервал атаку, чтобы перевести дыхание. Хаарин не ударил, лишь встал между Шипом и Шустрым.

— Я чту кодекс, — сказал хаарин.

Шип сплюнул.

— Чё эт за кодекс такой, блядь? Защищать человека, который насилует, убивает и грабит. Человека...

— Человека, который убивает друзей и союзников так же быстро, как убивает врагов, — перебил хаарин Шипа. — Человека, который начинает войну, в которой не может победить, в городе, которому он не нужен. Я не ищу оправданий, Чёрный Шип, мой клиент — худший экземпляр человека из всех, кого я когда-либо встречал. Но я должен спросить, а чем ты лучше?

Бетрим рассмеялся.

— Ага. Тут ты, пожалуй, меня подловил. Может я такой же, а может и хуже. Так может, отойдешь в сторонку и дашь нам поубивать друг друга? Всем будет лучше, всем чёртовым

Диким Землям.

Хаарин покачал головой.

— Не могу. Он мой клиент.

Бетрим фыркнул.

— И чё?

— Я хаарин, — сказал тот. По правде говоря, звучало слегка как извинение, но Бетриму уже было всё равно. Он уже собирался бросить в хаарина метательный нож, когда увидел, что Андерс упал на землю, и маленький кинжал торчит из его груди.

Чёрный Шип стиснул зубы и уставился своим глазом на хаарина.

— Убирайся с дороги!

— Делай, как он грит, Сузку, — сказал Шустрый из-за спины хаарина. — Давай, проследи за Генри, убедись, что она не очнётся и не примет участия. Эт между мной и Шипом.

На миг Бетрим не знал, выполнит ли хаарин приказ. Казалось, этот человек разрывался между двумя решениями. В конце концов, он опустил глаза и отошёл.

Шустрый вышел с коротким мечом в правой руке, метательным ножом в левой и ухмылкой на самодовольном лице. Бетрим взял в левую руку один из метательных ножей и покрепче стиснул правой свой топор.

— Всё время, что мы были в старой команде, я тока и слышал — Чёрный Шип то, Чёрный Шип сё, — сказал Шустрый, шагая по пустой улице. — Будто все остальные там ни черта не стоили. Будто во всех чёртовых Диких Землях ты один чё-то стоил. Всякий раз, как мы выполняли работу, знаешь, чё болтали на улицах? Чёрный Шип ёбнул того, Чёрный Шип украл сё. Так хотел Босс: блядь, да он только поэтому тебя и взял — хотел, чтоб ты брал на себя вину за всё это говно. Думал, что когда награда за твою голову станет достаточно большой, он сам тя прикончит. Но ты даже этого не знал, да? А Генри знала.

Бетрим давно раскусил Шустрога. Парень был умным, это точно. Быстрый как гадюка и с каким-то очарованием, которое некоторых привлекало. Но вся штука в Шустром была в том, что он лжец. Он врал так много, что практически невозможно было отличить правду ото лжи. Когда они были в команде, его враки временами казались забавными, и даже полезными для остальных. Но теперь... теперь Бетрим хотел остановить его враньё навеки, выдав убудку нездоровую дозу топора по морде.

— Столько раз, — сказал Шустрый, — мне приходилось выслушивать, что Чёрного Шипа невозможно убить. Что он переживёт всё, от огня и воды до удара ножом. Чёрт, один гад рассказывал мне, как ты выжил, когда тебя повесили прямо у него на глазах.

Бетрим ухмыльнулся.

— На самом деле эт правда.

Шустрый сплюнул.

— Ну так ты до сих пор жив тока потому, что раньше мне не выгодно было тя убивать. Пока мы были в команде, я мог пристукнуть тя в любое время, тока нужды не было. Но терь думаю, пускай-ка люди раз и навсегда узнают, что эт старый добрый Шустрый прикончил Чёрного Шипа.

Бетрим кивнул.

— Ну, конечно. — Он выбросил левую руку вперёд, метнув нож в Шустрога, как раз когда тот метнул свой нож в Шипа. У Бетрима всегда прицел был сбит, ещё с тех пор, как он потерял второй палец — нож пролетел мимо туловища Шустрога, царапнув кожу его

доспеха. А нож Шустрого попал точно в цель, и вонзился бы прямо в горло Шипа, если бы он по инерции не выставил вперёд левое плечо. Итак, маленький нож торчал из плеча — было немного больно, но Чёрный Шип переживал и куда худшее. Он выдернул нож, отбросил прочь и бросился на Шустрого, взмахнув топором.

Первые две атаки Шустрый отбил, но третий удар едва не отхватил ему руку по плечо — только инерция и спасла. Он пытался контратаковать ударом меча, но Шип шагнул за его защиту и изо всех своих сил врезал плечом ублюдку в грудь. Шустрый отлетел, тяжело ударился о землю и катился, пока не остановился в пыли улицы. Когда он поднялся, Бетрим увидел, что ублюдок ухмыляется до ушей, и от грязной царапины его правая щека испачкалась в крови.

— Знаешь, я-то уж думал, что пришить ты будет не сложнее, чем тех двоих. Похоже, думать надо было лучше, — подстрекал Шустрый.

Шип потянулся за следующим ножом, но Шустрый был быстрее: взмахнул рукой, и Бетрим почувствовал, как что-то острое вонзилось в его левую ногу. Он вытащил нож, но Шустрый уже набросился на него — меч ублюдка обрушился вниз, и Бетрим едва успел вовремя подставить топор. Он отбил меч, ударил Шустрого в грудь и ударил головой по лицу. По правде говоря, Бетрим с радостью ударил бы его ещё несколько раз, но Шустрый был не дурак, он поднял свой меч и заставил Шипа отшатнуться, чтобы меч его не проткнул.

Теперь, когда крупные капли крови капали у него из носа, Шустрый выглядел уже далеко не так самоуверенно. По правде говоря, ему очень повезло, что его нос не сломался. Шип взглянул на хаарина — тот по-прежнему наблюдал, стоя над неподвижной Генри. Бетрим знал: в тот миг, когда хаарин решит вступить, и он окажется один против двоих, ему конец. Лучшим вариантом для него было бы убить Шустрого быстро — к несчастью, это было легче сказать, чем сделать.

Меч Шустрого мелькнул в направлении Бетрима, и он уклонился влево. Следующую атаку он отбил топором и снова подошёл ближе, ударив трёхпалым кулаком ублюдку по почкам. К несчастью для Бетрима, у Шустрого снова был нож в левой руке, который вонзился в мышцу спины Чёрного Шипа, прямо под правой лопаткой. Шип оттолкнул Шустрого, но почувствовал, как горячая кровь бежит по его спине, пропитывая рубаху. Рана была не настолько глубокой, чтобы причинить настоящий урон, но это было третье ножевое ранение за ночь, и из всех трёх порезов текла кровь. По правде говоря, Бетрим уже начинал чувствовать лёгкое головокружение.

Он оттолкнулся правой ногой и прыгнул на Шустрого, дико взмахнув топором. Ублюдок отошёл в сторону и пнул Шипа по ноге, когда тот приземлился. Нога подкосилась, и Бетрим упал на колени. Прежде, чем он смог встать на ноги, подскочил Шустрый. Он ударил Чёрного Шипа по лицу и отскочил прочь, чиркнув мечом по правой руке Бетрима. И снова порез был неглубокий, но достаточно болезненный, чтобы Шип уронил топор. Шустрый набросился прежде, чем Бетрим мог отреагировать.

Чистокровный ублюдок рассмеялся, направляя меч в голову Бетрима.

— Грил же те, Шип. Я просто лучше... — Шустрый замолчал и сплюнул кровь Бетриму на лицо. Он немного покачался и посмотрел вниз, на полоску металла, торчавшую из его груди — меч хаарина.

— Херня... — сказал Шустрый, завалился влево и рухнул в пыли улицы.

Бетрим поднял взгляд и обнаружил Генри, уставившуюся на тело Шустрого. Она была бледной и выглядела почти такой же усталой, каким был Бетрим, но на её губах со шрамом

играла улыбка — улыбка, которой Бетрим у неё никогда прежде не видел. Впервые за всё время, что он её знал, Генри выглядела действительно умиротворённо. Следовало признать, что видеть это было странно, с учётом того, что она только что убила человека.

Генри подошла, хромая, положила руку Бетрима себе на плечи и помогла ему встать. По правде говоря, ему это было нужно — нечасто ему сильно хотелось поспать посреди одной из самых оживлённых улиц Чада, но сейчас так оно и было.

Бетрим посмотрел на труп Шустрого. Генри точно знала, куда ткнуть меч — прямо в прогнившее сердце ублюдка. Шип поднял взгляд и увидел, что телохранитель наблюдает за ними, смотрит на Генри. Она уставилась в ответ со странным выражением во взгляде.

— Спасибо, — сказала Генри.

Хаарин кивнул и подошёл к трупу своего подопечного. Он поставил ногу на спину Шустрого, вытащил меч, вытер клинок и убрал в ножны. Потом повернулся и пошёл прочь.

Андерс

Заставить глаза открыться было, наверное, самым сложным делом из всех, что Андерс делал в своей жизни, и после последних событий он был уверен, что это говорит о многом. Он посмотрел вверх, на грубый деревянный потолок, и попытался заставить разум разобраться, где он находится. К несчастью разум воспротивился на том основании, что он слишком трезв, а Андерс по долгому опыту знал, что без выпивки с его мозгами просто не о чем спорить.

Некоторое время он дремал в покачивавшейся комнате, его голова плавала в тумане смутных воспоминаний, которые затапливали его, но ни на одном из них он не мог сосредоточиться. Перед глазами появлялся отец, кричал на него, изгонял его, никогда не моргая. Андерс видел женщину в голубом, толкающую его из окна, а потом говорящую "простите" и убегающую прочь. Он видел Дрейка Моррасса, стоявшего над его изломанным телом и говорившего, что умирать ему не позволено.

Казалось, на груди Андерса лежал какой-то груз, тяжёлый и грубый, не дававший дышать.

Андерс смотрел, как Чёрный Шип спрыгивает с корабля в Солантисе, и как убегает от погони. Видел лицо Генри, после того как они сбежали из арен, видел, как угасает её жажда крови, когда она узнаёт, что именно она начала. Снова видел лицо своего отца, всё ещё немигающее, но на этот раз он приговаривал его к смерти, отправлял его на Костьбище. Он смотрел на ликующее лицо Лиши, когда та отрубала и демонстрировала ему палец.

Андерс слышал щелчки и скрежет. Похоже на предсмертный хрип, и довольно близко. Он подумал, что возможно это хрипит он сам.

Он видел мертвеца, создание из мифов и легенд, и страшилок, которыми пугают людей. Видел духа — холодное серое лицо выплывало из тумана, умоляя позволить забрать тепло его тела. Он видел чёрную розу, обнажённую, прекрасную и прогнившую, как и мужчина, который держал её. Видел ужас, чистый и могущественный, поднимавшийся, словно миазмы отчаяния.

Он видел собственную смерть.

На этот раз глаза Андерса раскрылись сами. Его встретил тот же деревянный потолок,

то же чувство, что всякомната покачивается, та же тяжесть на груди, те же шёлкающие, скрежещущие звуки. И снова его разум восстал, заявляя, что слишком трезв, чтобы взаимодействовать с миром. На этот раз Андерс успокоил его обещанием немедленной выпивки. Все силы Андерса ушли на то, чтобы поднять голову и взглянуть на грудь. Четыре полночно-чёрных глаза уставились на него в ответ. Под ними были два массивных волосатых клыка, окружённых восемью чёрно-зелёными ногами. Андерс сдавленно хныкнул. Паук в ответ на несколько дюймов поднялся по его груди. Теперь Андерс смотрел на уродливую зверюгу, не поднимая головы, и видел свою испуганную душу, отражённую в глазах чудища. Андерса озарило, что вполне возможно он умер, и это один из тех адов, о которых люди всё время говорили. Клыки паука потёрлись друг о друга, и снова Андерс услышал скрежет.

Где-то поблизости открылась дверь.

— Ри, всё охраняешь нашего гостя?

Андерсу потребовалась вся его храбрость, чтобы заговорить, и всё же слова вырвались приглушённым криком.

— Дрейк, помоги!

Дрейк Моррасс появился в поле зрения, сел на что-то и улыбнулся, сверкнув золотым зубом.

— Ри очень за тебя беспокоилась, Андерс. Настаивала, что будет дежурить день и ночь. Вот это преданность.

— Помоги, — пискнул Андерс.

— Сомневаюсь, что она хоть что-нибудь съела с самого твоего прибытия, из-за своей преданности и очевидного беспокойства. Не желала ни на миг тебя покидать, — Дрейк ухмыльнулся, глядя на Андерса. — По-моему, она сейчас немного голодна.

— Дрейк!

Пиратский капитан рассмеялся.

— Иди отсюда. Кыш.

Паучиха спрыгнула с груди Андерса, без промедления повинувшись Дрейку. Андерс не знал, как можно натренировать паука, а уж зачем их надо тренировать, было и вовсе превыше его понимания.

Дрейк медленно помок Андерсу сесть. Он был в личной каюте капитана на борту Фортуны, на наспех сооружённой кровати, окружённый горой подушек и одеял. Грудь его была голой, забинтованной и болела, словно его недавно ударили ножом. Розы поблизости нигде не было видно.

— Вина? — спросил Андерс.

Дрейк рассмеялся, дошёл до своего личного шкафа с выпивкой, и вернулся с чем-то, что выглядело значительно крепче вина. Он налил Андерсу в бокал и помог выпить. По вкусу это было чем-то вроде виски, и недешёвого. Одна эта бутылка стоила Дрейку около двадцати золотых монет.

Разум Андерса поздравил его, получив алкоголь, и принялся раздумывать над положением.

— Я жив, — сказал он, когда выпивка подействовала.

— Только начал это понимать, да? — спросил Дрейк.

Андерс вздохнул.

— Я и правда хотел бы, чтобы ты перестал спасать мне жизнь.

Дрейк глотнул виски из бутылки.

— А я и правда хотел бы, чтобы ты перестал подставляться под смерть. Ты ещё далеко не пережил свою полезность мне.

Андерс поворчал и кивнул на бутылку. Дрейк плеснул ещё в бокал и вложил его в руку Андерса. Потребовалось приложить чертовски много усилий и преодолеть ещё больше боли, но всё-таки Андерсу удалось поднести бокал ко рту и опрокинуть его, а потом кивнуть Дрейку, чтобы тот налил ещё.

— Так что случилось? Ну... после того, как меня пырнули, — спросил он.

Дрейк улыбнулся.

— Я получил противоречивые отчёты. Похоже, в какой-то момент показался арбитр.

— Кессик?

— Ха. Если бы. Нет, какой-то другой арбитр. Кучу народу завалил, если то, что я слышал, хоть сколько-нибудь близко к правде. Твой друг по имени Бен его вырубил...

— Бен Шесть Городов?

— Он самый. Видимо, булавой по затылку, — сказал Дрейк. — Но не убил его — арбитр крепкая сволочь, умудрился выжить. Но, судя по услышанному мной, сомневаюсь, что он выживет после того, что для него приготовила Железная Бет.

— Давно это было? — спросил Андерс.

— Недели две назад. Она отправилась морем в свой маленький туманный рай с арбитром в цепях, накачанным наркотиками. Не хотел бы я быть на его месте. У Бет... интересная репутация.

Андерс боялся задать главный вопрос, который вертелся у него на уме, поэтому занялся бокалом виски.

Дрейк вздохнул.

— Они живы. Оба. Твоя маленькая убийца Красная Генри ткнула Шустрого в спину мечом хаарина. Они же причина, по которой ты до сих пор среди живых. Они дотащили тебя назад в доки и настояли, чтобы я тебя залатал. Похоже, они знают, что ты на меня работаешь. Думаю, тебе придётся извиниться, когда вернёшься.

Андерс глянул на Дрейка, попытавшись скрыть удовольствие, которое почувствовал.

— Я остаюсь с ними? — спросил он.

— Конечно, — бесстрастно ответил Дрейк. — Я приказал тебе приглядывать за Шипом, и до сих пор справлялся ты хреново. Я ожидаю, что с этих пор ты будешь работать лучше.

— Они всё ещё здесь?

— М-м-м, — проворчал Дрейк. — Даже не знаю, почему. Кажется, они ждут кого-то.

Андерсу едва удалось сдержать ухмылку, которая грозила расплыться на его лице.

— Чад вернулся к нормальному состоянию?

Дрейк глотнул виски и улыбнулся.

— О нет. Торговцы вернулись, торговля восстановилась, как и подобает свободному городу, но я решил покончить с нормальным состоянием и предпочёл перемены. Роза теперь за главную.

— В совете? — спросил Андерс.

— Там теперь нет совета. Я от него избавился. Евнух со мной быстро согласился, а вот леди Яснопогодная воспротивилась моему решению. Вскоре после этого она пострадала от внезапного недуга — была заколота до смерти. Увы, она так и не восстановилась. Так что я распустил совет и передал Розе свой портфель собственности, который она добавила к своему, после того, как получила его от своего дорогого недавно почившего братца. Сейчас

она владеет, грубо говоря... всем Чадом за минусом работорговой гильдии, и, следовательно, прямо контролирует весь город.

Андерс рассмеялся.

— А ты, конечно, прямо контролируешь её.

Дрейк покачал головой.

— Вовсе нет. После последних событий торговцы не обрадуются, если капитан Дрейк Моррасс будет каким-то образом причастен к управлению их городом. И поэтому я умыл руки от политики Чада, — он изобразил, как умывает руки, — и направил паруса в более чистые воды. Или по крайней мере направлю, как только ты съебёшься с моего корабля. А новый губернатор Чада, Роза, и сама обладает женским даром дипломатии — особенно по отношению людей с мужскими убеждениями. И если этот новый губернатор решит незаметно вести свободный город в направлении, выгодном капитану Дрейку, то кто я такой, чтобы спорить?

Андерс уставился на Дрейка.

— Угу...

— А ещё она понятия не имеет, что ты работаешь на меня, и мне бы очень хотелось, чтобы так оно и оставалось, — добавил Дрейк.

Андерс поморщился и сделал очередной глоток виски.

— Значит, я всё ещё работаю на тебя?

— Андерс, я трижды спасал твою жизнь, — напомнил Дрейк. — Это чертовский долг.

— Уверен, что и я спас твою жизнь по меньшей мере однажды, — ответил Андерс.

— На самом деле лишь однажды. То есть я спасал тебя на два раза больше.

Андерс вздохнул.

— А теперь, — продолжил Дрейк, бросая бутылку виски в руки Андерсу, — мне срочно необходимо вернуться в Драконью империю. Императрица становится слегка... рассерженной, когда я уезжаю на большой срок, а меня уже слишком долго не было. Так что, — он помедлил и указал на дверь, — вали с моего корабля.

— Что? — запротестовал Андерс. — Сомневаюсь, что я смогу ходить!

— Тогда начинай ползти.

Андерс хромал, истекал потом и тяжело дышал к тому времени, как добрался до двери заведения "Конец Бастарда". Это была модная таверна в сердце Золотого города. По правде говоря, заведение было не из тех, в которых ожидаешь встретить человека вроде Чёрного Шипа или кого угодно из их команды преступников.

Их осталось немного. В Чад они прибыли втридцатером, а теперь их осталось только трое. Все сидели за круглым столом и хлебали из глиняных кружек чудесную тёмную жидкость. Андерс выбросил алкоголь из головы и захромал в сторону группы. Генри первая его заметила и наблюдала за ним со своей обычной усмешкой, хотя нынче её покрытые шрамами губы нечасто растягивались в этой усмешке. Бен Шесть Городов болтал без умолку, говорил что-то Чёрному Шипу и махал руками в воздухе. Похоже, у охотника за головами появилось несколько новых морщин. Шип сидел молча, ухмылялся на слова Бена, но ничего не добавлял.

Андерс остановился у стола, тяжело опёрся на спинку стула и изо всех сил постарался не рухнуть на пол. На самом деле ему отчаянно нужно было присесть, но он не мог, пока они не предложат. Бен замолчал, Шип бесстрастно тараторил, и только Генри, казалось, рада

была его видеть. Или же её улыбка была прелюдией к ударам ножом.

Андерс знал, что начать должен был с извинений.

— Подходящее название для таверны, не так ли? — Не совсем то, что он хотел сказать, но зато заработал жутковатую улыбку Чёрного Шипа.

— Ага, этим заведением владеет Роза. Наверно, переименовала его в честь наших... заслуг перед городом, — засмеялся он. — Никогда не думал, что таким, как я, будут рады в заведение, вроде этого, но видать от знакомства с губернатором бывает польза.

Бен Шесть Городов рассмеялся.

— Если ты эт так называешь, то я б тоже не прочь познакомиться с губернатором.

Андерс тоже засмеялся и опустил глаза, пытаясь набраться храбрости для извинений. Только тогда он обратил внимание на свою одежду: на нём был тот же жакет и штаны, что и во время боя с Шустрым. Некогда прекрасный тёмно-зелёный костюм сейчас изорвался и потускнел. С него счистили большую часть крови, но всё равно он был старым. На Шипе, с другой стороны, была новая одежда — прекрасная чёрная рубашка и новая кожаная куртка, куда лучше прежней. Бен и Генри также были в новых нарядах. Новая шляпа Генри была даже больше старой, а перо — длиннее, и к тому же тщательнее украшенное зелёными и пурпурными завитками с чёрным глазом в центре. На Бене была одежда из выделанной кожи, которой гордился бы любой отпрыск благородного семейства. В сравнении с тремя остальными Андерс выглядел попрошайкой с улиц, и, судя по его текущему состоянию, близкому к нулю, примерно им он и являлся.

— Я сомневался, что ты выживешь, — сказал Шип. — Моррасс считал, что ты выкарабкаешься, но... ты зашёл довольно далеко.

— Мне жаль, босс, — быстро сказал Андерс. Он по-прежнему не мог смотреть Шипу в глаза.

— Да ну? А ты всё ещё работаешь на Моррасса?

Андерс кивнул.

— Да.

— И чё конкретно этот ублюдок от нас хочет? — спросил Шип.

— Я не знаю, — сказал Андерс, и это была лишь наполовину ложь. — Знаю только, что он хочет, чтобы я был на вашей стороне.

Шип почесал щетину на шее — похоже, он решил её немного отрастить, но поверх щрама волос не росло.

— А чё если я скажу "нет"?

Об этой возможности у Андерса не было времени подумать.

— Что ж... Фортуна уже под парусами, так что, наверное, я отыщу ближайшую бутылку и посмотрю, что у неё на дне.

— Одному в Чаде напиваться опасно, — сказал Бен Шесть Городов, подмигнув. — Так недолго и железный воротник отхватить.

Андерс нервно сглотнул — эта мысль ему на ум тоже приходила.

Шип хрипло рассмеялся.

— Садись, Андерс. Команда без тебя не будет прежней, и нам нужен тот, с кем будет болтать Бен. Видят Боги, он уже начинает испытывать моё терпение.

— Шип, а я-то думал, что те мои разговоры нравятся, — обиженно сказал Бен Шесть Городов.

— Вы назвали нас командой, — сказал Андерс, с гримасой усаживаясь на стул.

Шип кивнул.

— Похоже на то. И раз уж все мы здесь, то думаю, пора нам поболтать. Впервые за долгое время, что я себя помню, да и тебя, Генри, за наши головы не назначена цена. По-моему, это вроде как даёт нам свободу действий. Даёт свободу начать что-то новое. Свободу выйти из игры.

Генри ничего не сказала. Бен ухмыльнулся. Андерс понял, что сам он сильно шокирован. Имя Чёрного Шипа всегда было одним из самых крупных в игре. И даже среди чистокровных семейств ходили слухи о том, что он натворил.

— И каков же ваш план, босс? — спросил Андерс.

— Ну, я на самом деле поболтал тут с Шестью Городами, и похоже, люди вроде нас могут честно зарабатывать, охотясь за головами. И так, может, поменьше народу захочет нас пришить.

Мысль о том, что Чёрный Шип может оказаться по другую сторону игры, что будет охотиться на игроков, была для Андерса совершенно неожиданной. На самом деле он был уверен, что сильнее удивить его могла лишь новость о том, что Чёрный Шип выходит из игры, чтобы заниматься сельским хозяйством.

— Ну, Шесть Городов уже и так в этом деле. Хотелось бы и от вас двоих услышать, что вы думаете, — продолжил Шип, глядя на Андерса.

— Я с вами, босс, — сказал Андерс со всей возможной убедительностью. — Дожёсткого конца! Не то чтобы я надеялся, что нам наступит конец... или что он будет жёстким. Я просто... ну, знаете... я в деле.

— Угу, — проворчал Шип. — Генри, а ты как? Мне-то правая рука не мешает.

Генри молча осмотрела всех за столом. Она уже не таращилась на Андерса враждебно, и этому он был рад, но и прежнего голодного желания, к которому он уже привык, во взгляде тоже не было.

— А что насчёт Кессика? — спросила она.

Шип громко фыркнул и кивнул.

— Не сказать, что я про этого хуя забыл, но дело в том, что он исчез. Даже если бы я хотел за ним отправиться, я понятия не имею, где искать. Даже как он выглядит, не знаю. Прямо сейчас этой команде надо заработать себе немного монет, и это моя ответственность как босса. Так... ты в деле?

Генри ухмыльнулась.

Сузку

Перн сидел и наблюдал за маленькой группой, как делал уже две недели. Он не сомневался, что частично его завораживала маленькая женщина. Просто чудом было то, как сильно изменилась её аура. Часть красного всё ещё оставалась, но теперь она скрывалась под синим цветом контроля. Генри была эмоциональной, в этом Перн не сомневался, но раньше она была дикой и неконтролируемой. Похоже, убийство Шустрого обуздало эти эмоции.

— Два самых известных игрока станут двумя самыми пугающими охотниками за головами, — сказала маленькая женщина. — Неплохая идея.

— Два? — сказал мужчина с усами, которого они называли Беном. — Да будет вам

известно, что имя Шесть Городов уважают и боятся по всем Диким Землям.

— И как же так вышло, что я о те ничё раньше не слышала? — спросила Генри.

Пока они обменивались этими подколками, высокий мужчина, их командир, тот, которого они называли Чёрным Шипом, смотрел прямо на Перна. Несмотря на новую одежду и капюшон, чтобы скрывать лицо, Шип, похоже, всегда замечал Перна. Для человека с одним глазом у него было отличное зрение.

Командир наклонился к маленькой женщине и прошептал ей что-то на ухо. Она стрельнула глазами и увидела Перна. Мгновением позже она встала из-за стола и пошла в его сторону. Он отметил, что она больше не хромала. Она не присела, но и к оружию не потянулась, и Перн посчитал это хорошим знаком.

— Шип хочет, чтоб я тя привела, — сказала она.

Перн кивнул.

— Понимаю.

— Но перед этим я должна знать...

— Твою тайну я никому не выдам, — уверил он женщину.

Она втянула воздух через зубы, а потом кивнула и улыбнулась.

— Тогда пошли.

Перн встал и последовал за женщиной к их столу. Шип поприветствовал его кивком, мужчина по имени Шесть Городов остался безучастным, а вот чистокровный, Андерс, выражал нечто среднее между страхом и враждебностью. Перн не мог его винить, с учётом участия, которое он принимал в его пытках.

— Ты, кажется, должен быть мёртв? — спросил Андерс.

Перн кивнул:

— Да.

— Что ж, не станем тебя останавливать, — продолжил Андерс. — Чёрт, я даже помочь могу, если хочешь.

Мужчина по имени Шип выглядел слегка озадаченно.

— Ты о чём болтаешь, Андерс?

— Он хаарин, и его хозяин мёртв, — сказал Андерс. — Их правила...

— Наш кодекс, — поправил Перн.

Андерс фыркнул.

— Их правила требуют, что если клиент умрёт прежде, чем истечёт контракт, тогда хаарин должен лишиться себя жизни, чтобы защищать клиента в преисподней.

— В загробной жизни, — снова поправил Перн.

— Прости, что это было? — спросил Андерс. — Я не понял, что говорил с тобой.

— Брось, Андерс, — приказал Шип.

— Вам легко говорить, — сказал Андерс, потом замолчал и посмотрел на Шипа. — О-о... точно. Хорошо, босс. Извините.

— Итак, — продолжил Шип. — Почему ты не мёртв?

Этот вопрос Перн задавал себе всё последнее время, и правда была простой.

— Я не хотел умирать за человека вроде Шустрого.

— Эт, по крайней мере, я понимаю, — с ухмылкой сказала маленькая женщина.

— А нас чё спас? — спросил Шип.

— Погодите, — встрял чистокровный. — Что он сделал?

— Вы сражались друг за друга, защищали друг друга, — ответил Перн. — Шустрый

сражался только за себя, и ему было плевать на всех, кроме себя. Я не хотел умирать за него, и не хотел, чтобы кто угодно умирал за него. Я на это уже посмотрелся.

Шип кивнул.

— Ну, вроде как смысл в этом есть. Так может, скажешь, чё ты тут ошиваешься вокруг и наблюдаешь за нами последние две недели? Вроде непохоже, что ты хошь отомстить.

Перн покачал головой.

— Мне нужно своё место. Я больше не хаарин. Я опозорен. Я хонин. Мой народ будет охотиться на меня. Они попытаются убить меня, чтобы заставить меня занять своё место подле Шустрого в загробной жизни, чтобы защищать его от ужасов смерти.

— Принимать человека, за которым охотятся — это не лучший способ начать карьеру охотника за головами, — сказал Бен.

— Но он неплохо управляется с мечом, — ответила Генри.

Андерс фыркнул.

— А ещё он хорошо держит человека, которого избивают.

— За это я прошу прощения, — искренне сказал Перн.

Андерс рассмеялся:

— О-о, ну тогда между нами всё в порядке.

Перн кивнул.

— Хорошо.

Генри рассмеялась, и Бен к ней присоединился, но Андерс не выглядел счастливым.

— Значит, вот что, — сказал Шип. — Бен верно заметил. Не очень-то хорошо начинать, взяв человека, за которым охотятся. И не хотел бы я, чтоб такие как ты пришли за нами. Так что...

— Есть кое-что ещё, — сказал Перн.

— И чё ж эт может быть? — спросил Шип.

— Я знаю, где найти Кессика.

Эпилог

Голова Джейкоба стала самым воплощением боли. Проблема с благословениями в том, что они всегда активны — он чувствовал всё, но намного сильнее, чем обычный человек. Его череп пульсировал, мозги болели, челюсть кричала, а рот был словно в огне.

Он открыл глаза, и полился свет, мгновенно ослепив его и бросая ещё глубже в бездны боли. Когда белый свет начал расчищаться, Джейкоб понял, что находится в камере. Не в камере Инквизиции, но всё равно в камере. Четыре каменных стены, потолок и холодный пол успокоили его. Ему самое место здесь, среди забытых. Здесь он больше никому не сможет причинить вреда.

Впрочем, что-то его колело, что-то, чего он не выполнил. Его миссия. Инквизитор Джейни поручил ему миссию, а Джейкобу не нравилось подводить инквизитора. Ни разу ещё он не терпел поражение в миссии, и сейчас не собирался, так что... если бы он только мог вспомнить, в чём заключалась его миссия.

В маленьком окошке тяжёлой деревянной двери появилась пара глаз и уставилась на него. Симпатичные глаза — голубые, с тёмно-зелёными прожилками по краям, и с

большими чёрными зрачками. Они исчезли, и несколько секунд спустя дверь открылась. Там стояла женщина. Она была высокой, но не слишком, мускулистая, но не дородная, и симпатичная примерно как раздавленная мышь. Но глаза у неё были очень красивые. Ещё у неё был шрам, тянулся по шее от края до края. Это был вздувшийся и уродливый шрам, и рана, очевидно, была глубокой. Джейкоб подумал, что любопытно, как женщина выжила с такой раной.

На левом бедре у женщины висел длинный меч, а на правом кинжал, и её взгляд выражал жажду убийства. От её вида мелькнули какие-то воспоминания, но голова Джейкоба болела, когда он пытался об этом думать.

Джейкобу показалось, что пришло время представиться. Он открыл рот, но из него вылетела лишь череда звуков, ни один из которых не содержал смысла, и ни один не был похож на какой-либо язык из тех, что он слышал. Потом он понял, что его руки прикованы к стене. Железные оковы, тяжёлые и крепкие. Он едва мог пошевелиться. Джейкоб много времени провёл в своей камере в Инквизиции, но прежде никогда он не был в цепях. Он открыл рот, чтобы спросить, где он, но ничего, кроме бессвязных звуков, не издал.

Женщина остановилась в нескольких шагах от него и посмотрела сверху вниз. Её грязно-тёмные волосы были связаны в плотный хвост, а симпатичные глаза казались жёсткими, как стекло.

Она была совсем не похожа на Сару. Джейкоб подумал, но быстро понял, что не знает, кто такая Сара, не может вспомнить. Его голова гудела.

— Ты убил моего мужа, — прохрипела женщина. Её голос звучал, словно скрежет железа по камню. — Я заставлю тебя заплатить за это.

Джейкоб пытался протестовать, что он понятия не имел, кто эта женщина или её муж, но снова звуки, исходившие из его рта, не имели никакого смысла.

Женщина посмотрела сверху вниз на Джейкоба с отвращением на лице.

— Я знаю твои трюки, арбитр. Меня научили, как не дать тебе творить твои заклятья.

Тогда Джейкоб и понял, почему его рот работает не так, как надо, почему так сильно болит. Он не чувствовал своего языка. Эта женщина, кем бы она ни была, вырезала ему язык.

— Я не буду спешить с тобой, арбитр. Я заставлю тебя заплатить. — С этими словами женщина повернулась и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

Джейкоб слышал, как удаляются её шаги, и жуткий смех вырвался из его рта. Он потянул свои цепи и почувствовал, как каменная стена начинает подаваться, когда в его благословениях запылала сила.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В оф. переводе "Ереси Внутри" Бетрима называют то "Шип", то "Торн". "Thorn" по-английски — "шип", о чём в том переводе сообщается в сноске. Я не понял до конца алгоритма, по которому слово "thorn" переводилось то так, то этак, и не понял, зачем это было сделано. В данном переводе он везде "Шип".

По словам Хейса, за основу акцента Диких Земель он взял Йоркширский диалект английского языка, значительно его модифицировав.

В оригинале "casher weed", звучит почти как "кошерная травка", что, конечно, весьма забавно...

Вообще, его зовут Bones, т. е. букв. "кости". В переводе "Ереси внутри" в сноске сообщается, что "мослак — большая выступающая кость". Не вполне понятно, причем тут это, ведь очевидно, что его кличка связана с ожерельем из костей пальцев...

По-английски "рыжие волосы" — "red hair", т. е. если переводить буквально, то они говорят "красные волосы".

laughing dogs — смеющиеся собаки. Видимо, некие звери, вроде наших гиен, которые издают звуки, похожие на смех. В оф. переводе "Ереси Внутри" переведены просто как собаки, а "смех" как "лай".

В оригинале "I see what ya did there" (досл. "Понимаю, что ты сделал") — известный сетевой мем, впервые появившийся в сериале "Друзья" и часто выражающий сарказм в ответ на шутку собеседника.

Согласно нормам английского языка (в отличие от русского), двойное отрицание должно менять смысл предложения на положительный. Например, фраза "я **ничего не** знаю" ("I **don't** know **nothing**") должна означать "я знаю что-то". На практике же люди в обычной речи двойные отрицания нередко используют как и мы — для усиления отрицания. И в различных диалектах английского это заметно сильнее, хотя снобам с хорошим образованием от таких оборотов может сводить зубы...

Акробатка, "женщина-змея".

World's End mountains — буквально "горы Конца Мира". Перевод "Крайсветные горы" из первой книжки — не вполне корректен, поскольку и по тексту здесь речь идёт скорее о конце света (а не о крае), и к тому же в этом мире есть ещё World's Edge mountains — вот им как раз лучше подошло бы название "Крайсветные".